

иг. РОГОЗН ЫЙ

ЦЕРКОВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1917 год

*СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
моего прадеда протоиерея
Василия Образцова
и моего отца
русского художника
Геннадия Рогозного.
С чувством живой
признательности
и верой в вечную связь.*

Российская Академия наук
Санкт-Петербургский институт истории
Европейский университет в Санкт-Петербурге

Рогозный Павел Геннадьевич

Церковная революция 1917 года

(Высшее духовенство Российской Церкви
в борьбе за власть в епархиях
после Февральской революции)

«Лики России»
Санкт-Петербург
2008

Официальные рецензенты:

Доктор исторических наук Борис Соломонович Каганович

Доктор исторических наук Сергей Львович Фирсов

Научный редактор:

Доктор исторических наук Борис Иванович Колоницкий

Книга подготовлена и издана в рамках проекта «Революции, государство, общество» программы «Власть и общество в истории» Отделения историко-филологических наук РАН

Утверждено к печати Ученым советом Санкт-Петербургского института истории РАН

Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). — СПб-Лики России, 2008. - 224 с.

Работа посвящена периоду в истории Русской Православной Церкви от свержения самодержавия до прихода к власти большевиков. Революционные события не могли не затронуть и главную конфессию империи, которая пережила процесс, называемый уже современниками церковной революцией. В монографии на широком, прежде всего архивном материале рассказывается об этом периоде в истории Русского Православия.

ISBN 978-5-87417-296-1

© П.Г. Рогозный
© Санкт-Петербургский институт истории РАН
© «Лики России»

Содержание

Введение.....	6
Историография.....	17
Источники.....	30
Глава 1. Первая реакция высшего духовенства на революцию: Послания и выступления архиереев перед паствой.....	37
Глава 2. Епархиальные архиереи и духовенство: Борьба за власть Борьба за власть в епархиях Российской Церкви.....	61
Тверская епархия.....	98
Орловская епархия.....	НО
Енисейская епархия.....	122
Глава 3. Выборы архиереев Законодательное оформление выборного начала.....	144
Выборы в Петрограде и Москве.....	150
Выборы в провинции.....	157
Выборы в Рязанской епархии.....	185
Заключение.....	207
Источники и литература.....	217

Введение

21 марта 1918 года Всероссийский Поместный Собор Православной Российской Церкви на закрытом заседании начал обсуждать вопрос о «церковном большевизме». По инициативе группы участников Собора была создана специальная комиссия, которая должна была расследовать и дать оценку фактам «пагубной измены Церкви», священнослужителей, епископата и мирян, начавшегося с первых дней «февральского переворота». Факты «церковного большевизма» должны были быть установлены, а повинные в них лица надлежало наказать. На заседании комиссии отмечалось, что «случаи прошлого церковного большевизма, изглаженные, так сказать, покаянием, следовало бы покрыть снисходительной милостью», а соборное определение карало «только тех церковных большевиков, которые будут оставаться такими и после ведомого ими соборного определения... хотя в тех случаях, когда уже большевитствование, например, некоторых епископов оставило глубокие и больные следы на теле Православной Церкви, виновные не должны оставаться совершенно амнистированными».

Какой мог быть «большевизм» в Церкви сразу после Февральской революции? Наверное, и вообще о том, что «есть такая партия» большинство церковных деятелей не знало.

Под «церковным большевизмом» тогда понимали не факт прямого сотрудничества с большевиками, тогда такие случаи были еще единичны, а неподчинение высшей церковной власти вообще. Поэтому и отсчет времени, когда эта «измена» началась, должен был идти с февральских дней 1917 года. Именно тогда, по мнению членов комиссии, многие церковные лица, возглавляемые и ободряемые «сумасшедшим» обер-прокурором Львовым и пропагандой главной церковной газеты «Всероссийский церковно-общественный вестник», повергли епархии Русской Церкви в «настоящий хаос».

«Церковной революцией», «революцией в Церкви», «епархиальной революцией», «религиозной революцией», «церковной смутой», «церковными нестроениями», называли современники время с марта по август 1917 года.

Словосочетание «церковная революция», как и «церковный большевизм», казалось бы, может восприниматься как оксюморон, однако в то время он активно использовался.

Впоследствии на Соборе об этом периоде вспоминали как-то неохотно. Вначале даже среди епископов не было желающих возглавить комиссию по расследованию деяний этого времени. Важно отметить, что и среди членов Собора было большое число непосредственных участников этой «смутой». Многие влиятельные иерархи, начиная с избранного на Соборе патриарха, пришли к власти на волне революционных событий.

Следует отметить, что вопрос ставился именно об измене интересам Церкви, а не самодержавию. В то время даже и многие монархически настроенные церковные деятели были реалистами, они понимали уже в марте 1917 года, что к формам правления, сокрушенным революцией, возврата уже нет!

Но и пострадавших от периода «демократических преобразований» было не мало это были не только изгнанные иерархи, (многие из них не вызвали никакого сочувствия у членов Собора). И священно- и церковнослужителей выгоняли из приходов, причем этот процесс, в отличие от епископских изгнаний, принял совершенно неуправляемый характер. Да и будучи избранными, и архиерей, и священник не могли себя спокойно чувствовать. Настроение избирателей менялось, и новой церковной власти мог быть брошен вызов. Кто же должен был ответить за тот хаос, что охватил епархии Православной Церкви после Февраля 1917 года?

На Поместном Соборе была создана «черная легенда» об «антицерковной» деятельности обер-прокурора Синода и главной церковной газеты «Всероссийского церковно-общественного вестника». Это сильно повлияло не только на мнения современников, но и церковных историков. О самой революции в Церкви почти забыли.

Именно этому уникальному периоду истории Русской Церкви и посвящена моя книга.

К началу Первой революции Российская Православная Церковь оставалась самой консервативной организацией Российской империи. Основным правовым документом, регламентирующим церковную жизнь, был по-прежнему петровский «Духовный регламент». Начатое Петром Великим огосударствление Церкви и общая секуляризация

культуры были продолжены его приемниками и окончательно завершены в XIX веке¹. Тогда Церковь из некогда якобы независимой силы превратилась в «ведомство православного исповедания». Данный тезис практически безоговорочно разделяют и светские и церковные историки. Действительно ли Церковь являлась «служанкой государства», а все проводимые реформы в XIX веке были направлены на порабощение главной конфессии империи?² Хочется осторожно отметить, что это было не так.

Важным вопросом является также и то, хотели ли иерархи внести изменения в традиционно сложившиеся церковно-государственные отношения? Ответ кажется однозначным — хотели, однако, какого рода изменений?

Наиболее радикальные церковные реформы в Церкви в середине XIX века пытался провести в жизнь обер-прокурор Святейшего Синода Дмитрий Толстой³. Однако почти все его начинания окончились неудачей как раз из-за сопротивления высшей иерархии⁴. Действительно, зачем архиереям было делиться собственной властью, например в области церковного суда?⁵

В свою очередь, именно архиереи больше всего писали и говорили о «пленении» Русской Церкви. Их идеалом являлось избавление от сдерживающей их власти обер-прокурора Синода, созыв Поместного Собора, на котором именно они, иерархи, и должны были представлять всю Церковь и избрание Патриарха из своей среды. Между тем, по их мнению, должно было сохраниться государственное субсидирование

¹ Однако, говорить о секуляризации при Истре Великом, как показывают новейшие исследования, нужно очень осторожно: «Впервые потребован от своих подданных ежегодной исповеди и причастия, Петр тем самым заявил о своем идеале, далеком от секулярного». См.: Лавров Л.С. Колдовство и религия в России. 1700—1740. М., 2000. С. 344.

² См. главу: «Церковь как служанка государства» // Навиу Г. Россия при старом режиме М., 1993. Данная интерпретация вполне вписывается в традиционную советскую. Ср.: с так называемой «ревизионистской» интерпретацией. Freeze L.G. Handmaid of the State? The Church in Imperial Russia Reconsidered // Journal of Ecclesiastical History. January, 1985.

³ О церковных реформах XIX века см.: Freeze L.G. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis. Reform, Counter-Reform. Princeton University, 1983. Римский С.В. Российская Церковь в эпоху великих реформ. М., 1999. Алексеева С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904. СПб., 2003. Никулин М.В. Православная Церковь в общественной жизни России (конец 1850-х — конец 1870-х гг.). М., 200Н.

⁴ Протоиерей Г. Флоровский писал о графе Дм. Толстом: «Главный ретроград и общей и внутренней политике, в делах церковных Дм. Толстой был, напротив, радикалом и новатором...». Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991, С. 342.

⁵ См. подробнее: Белякова Е.И. Церковный суд и проблемы церковной жизни М., 2004. С. 95–106.

Церкви, законы преследующие всех отколовшихся от православия (старобрядцев, сектантов). О громадном количестве рядового белого духовенства, влывшегося полунисенское существование никто и не думал.

Интеллектуальной оппозицией высшей иерархии и власти «черного» духовенства являлись светская профессура Духовных академий. В большинстве своем выходцы из духовного сословия, но не принявшие сан и монашество, профессора очень часто ненавидели «выскочек», принявших подстриг и быстро сделавших карьеру в ведомстве православного исповедания. Избрание патриарха, по мнению профессуры, могло привести лишь к усилению и так большой власти «черного» духовенства в Церкви.

Сделать быструю карьеру в духовном ведомстве было возможно только с принятием монашеского пострига. Неудивительно, что часть духовных лиц принимали монашество отнюдь не из духовных соображений. Традиционная карьера будущего архиерея выглядела так: духовная семинария и академия (часто магистерская диссертация), принятие монашеского пострига, назначение инспектором семинарии или настоятелем монастыря в чине архимандрита, затем, после епископской хиротонии, должность викария, а потом и управляющего епархией. Значительная часть епископов приняла монашеский постриг после смерти жены, занимая до этого или должность приходского священника, или преподавателя духовных семинарий или академий.

Важную роль в быстром прохождении по служебной лестнице имели также неформальные связи в среде синодальной бюрократии, среди членов Синода, влиятельных государственных сановников и членов императорской фамилии. Возможность получить хорошее место зависела часто даже не от личных, нравственно-религиозных, ученых и административных заслуг епископа, а от включенности его в ближний синодально-бюрократический круг.

Придя к управлению епархиями и духовно-учебными заведениями, епископы порой действовали, выражаясь словами богослова Н.Н. Глубоковского, «с истинным вандализмом».

В самой епархии власть архиерея над подчиненными ему священно- и церковнослужителями, духовно-учебными заведениями, монастырями была огромна и сравнима разве что с властью губернатора.

Важным являлось и то, что в материальном обеспечении разница между епископом и священником была колоссальна. «Епископ — магнат, в сравнении с ним священник пролетарий», — писал протопресвитер Г. Шавельский⁶.

⁶ Шавельский Г., протопресвитер. Русская Церковь пред революцией. М., 2005. С. 168.

Между тем обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев полагал, что какие-либо реформы в Церкви могут вести только к усилению и без того значительной власти епархиальных архиереев. Если иерархи желали большей свободы и автономии от государственного диктата, то рядовое духовенство желало освобождения от «деспотичной власти» самих иерархов. В свою очередь, и внутри этих двух групп имелись противоречия. В среде высших иерархов борьба за самые престижные кафедры; в среде белого духовенства — конфликт между священно- и церковнослужителями, основной причиной которого было неравномерное распределение доходов⁷. Таким образом, в Церкви постепенно складывалась своеобразная «революционная ситуация». Впервые радикальные настроения выплеснулись наружу в годы Первой русской революции. Радикализм, проявленный частью рядового духовенства, в буквальном смысле шокировал не только церковные, но и светские власти. Так некоторые священнослужители даже брали на себя руководство крестьянскими выступлениями.

Часть прошедших в первую и вторую Государственную Думу священников быстро перешли в лагерь «трудовиков», за что и были и лишены сана.

Властям становилось понятно, что одними репрессивными методами ничего не достичь. Еще ранее этого времени, председатель Комитета министров С.Ю. Витте и самый «популярный» иерарх Российской Церкви, столичный митрополит Антоний (Вадковский) выступили с инициативой проведения коренных реформ в Церкви⁸. Выяснилось, что Синод, заявивший о необходимости церковных реформ, оказался даже радикальнее светского Комитета министров. К мнению Синода, к неудовольствию Победоносцева, примкнул и товарищ обер-прокурора В.К. Саблер⁹.

Однако К.П. Победоносцеву удалось убедить императора, что проведение каких-либо реформ в «настоящее тяжелое время» было бы делом «безумной необдуманности». (Победоносцев считал, и надо сказать не без оснований, что реформы будут отданы на откуп высшей иерархии, а архиерейское управление и так «всюду наполнено неправ-

⁷ При дележе доходов священник считался за единицу, диакон за половину, а псаломщик — за четверть. Это служило основным источником радикализации низших церковнослужителей заявлявших, что они не «получеловеки» и не «четвертьчеловеки». См.: Зырянов П.Л. Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1984. С. 105.

⁸ Тексты данных записок, составленных профессурой столичных академий. См.: Историческая переписка о судьбах Православной Церкви. СПб., 1912.

⁹ Этот нюанс довольно правдиво, в отличие от многих других эпизодов, описал в своих воспоминаниях С.Ю. Витте. См.: Из архива С.Ю. Витте: Воспоминания. СПб., 2001. Т. 1. Кн. 2. С. 679. Т. 2. С. 120-122.

ды, хищений и самовластия») ¹⁰. Следует отметить, что фактически все архиереи в своих отзывах по вопросам церковной реформы, составленных по инициативе обер-прокурора, признали необходимость церковных реформ и ненормальность настоящего положения Церкви¹¹.

В годы Первой революции сложилось и движение белого столичного духовенства, которое впоследствии считали истоком так называемого дореволюционного «обновленчества»¹². Данное движение, манифест которого был опубликован в «Церковном вестнике» и получил наименование «Записка 32-х», было отчасти поддержано и митрополитом Антонием (Вадковским)¹³. В данном документе говорилось о «восстановлении канонического строя», об избрании епископов клиром и «народом местной Церкви»¹⁴. Но только после отставки Победоносцева возможность проведения церковных реформ впервые становилось реальностью.

Направления этих реформ активно обсуждались в прессе. Вопрос, в каком направлении должно происходить реформирование Церкви являлся основным. Возможно ли в современную эпоху возвращение к церковно-канонической практике Византийской империи? Наиболее крупный церковный авторитет, к тому времени уже покойный, — профессор В.В. Болотов считал это мнение ошибочным. Только те реформы, которые соответствуют нуждам времени и могут улучшить современную церковную жизнь должны считаться подлинно каноническими. По его

¹⁰ Из писем К.П. Победоносцева к Николаю II (1898-1905) // Религии мира М., 1983. С. 186.

¹¹ См.: Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб., 1906. Ч. 1-3.

¹² Не совсем справедливо многие деятели уже «советского обновленчества» видели своих родоначальников именно в этом движении, к их мнению присоединились и многие позднейшие историки. См.: Титлинов Б.И. Церковь во время революции Пг., 1924. Левитин-Краснов Л., Шаверов В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999. Rodslof. Edward E. Renovationsni, Russian Orthodoxy and Revolution. 1905-1945., Indiana University Press. 2003. Все же следует отметить, что дореволюционное обновленчество и советское — это разные явления. Показательно, что во время обновленческого раскола 20-х годов XX века большинство доживших до этого старых «обновленцев» приняли сторону патриарха Тихона.

¹³ См.: Фурсов С.И. Записка 32-х священников как источник по истории Православной Российской Церкви // Русское прошлое. СПб., 1996. № 7.

¹⁴ Текст записки и другие материалы «Группы петербургских священников». См.: К церковному Собору. СПб., 1906. «Эта записка, — писал Флоровский в своем классическом труде, — была составлена в духе довольно расплывчатого церковного либерализма, без достаточной духовной сосредоточенности». Флоровский Г., протоиерей. Указ. соч. С. 477. Никакого даже самого расплывчатого «церковного либерализма» в записке невозможно отыскать, читал ли его вообще Георгий Флоровский?

мнению, «история Церкви должна служить источником полезной информации, а не сводом законов»¹⁵.

Основные направления реформирования Церкви были обсуждены и сформулированы на Предсоборном присутствии в 1906 году. Главный вопрос был о власти в Церкви, о коренной реорганизации всего высшего управления ведомством православного исповедания. Такие вопросы мог решить только специально созданный Поместный Собор. Важным являлось и то, что формально Россия становилась конституционной (парламентской) монархией. Это существенно меняло и место Церкви в государственном аппарате. Церковь могла теперь теоретически попасть в зависимость не только от императора и правительства, но и от Думы, где была создана специальная комиссия по делам Православной Церкви¹⁷. «На смену пусть постылой, но определенности отношений приходила неопределенность; и она пугала», — так охарактеризовал сложившуюся ситуацию петербургский историк В.С. Дякин¹⁸. Конечно, это понимали и в церковных кругах: «Раз мы, — писал обер-прокурор Синода А.Д. Оболенский С.Ю. Витте, — находимся накануне таких возможностей, что председатель Совета (министров) будет Нетруппевич или Горемыкин, Церковь не может быть поставлена в необходимость танцевать между этими крайностями»¹⁹.

Собор, на котором и должны были осуществиться ключевые церковные реформы, так и не был созван, на данное решение повлияла и общеполитическая ситуация, сложившаяся после Первой революции. Действительно ли возможность получить сильную и независимую церковную организацию пугала власти, как считают некоторые исследователи?²⁰ Ведь кажется, наоборот, «сильная» Церковь могла служить определенным гарантом государственной стабильности.

Впрочем, вмешательство государства в церковные дела было явно преувеличено в отечественной литературе. Иногда иерархи в провинции вели настоящую войну с властью в лице губернатора, причем исход этого противостояния был не всегда в пользу светских властей. В

¹⁵ Зернов Н. Русские религиозное возрождение XX века. Paris, 1974. С. 85.

¹⁶ С) дискуссии и политической борьбе вокруг реформ в Церкви в годы первой революции. См.: Зырянов И.И. Указ. соч. Квиннингем, П.Дж. С надеждой на Собор: Религиозное пробуждение начала века. Лондон, 1990; Фирсов С.М. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х-1918 гг.). М., 2002; Ореханов Г., иерей. И пути к Собору: /брюшные реформы и мерная русская революция. М., 2002.

¹⁷ См.: Рожков П., протоиерей. Церковные вопросы и Государственной Думе. М., 2004.

¹⁸ Дякин В.С. Церковь и государство в период третьеновской монархии // Новый часовой СПб., 1996. № 4. С. 126.

¹⁹ Там же.

²⁰ См., например: Хоскиш Дж. Россия: Империя и народ. Смоленск, 2000. С. 257.

некоторых епархиях архиереям удавалось создавать своего рода «вотчины» и претендовать не только на духовную власть²¹.

Важно отметить и то, что созданная для контроля епархиального епископа в XIX веке должность секретаря Консистории явно не оправдала возлагаемых на нее надежд. Чаще всего и епископ, и секретарь быстро находили общий язык и действовали в одном направлении. (Показательно, что в 1917 году в эпоху наиболее обостренного противостояния епископата и белого духовенства, к антиепископский оппозиции открыто примкнул лишь один секретарь духовной консистории.)

Вплоть до Февральской революции организационная и управленческая структура Церкви оставалась неизменной. Ситуацию, сложившуюся в Церкви в 1915 году, можно назвать церковным кризисом.

Вынужденная отставка популярного в церковной и светской среде обер-прокурора А.Д. Самарина создала условия для перехода в оппозицию даже самых консервативных и монархических церковных сил. Влияние данного кризиса, совпавшего по времени с общеполитическим, явно недооценено исследователями политической истории этого периода²². Хотя изучение материалов перлюстрации показывает, что церковные вопросы волновали весьма большую часть образованного общества²³.

При проведении канонизаций в царствование Николая II, вопрос стоял не о правомерности или неправомерности прославления того или иного подвижника, а о том, кому решать этот вопрос, самодержцу или Святейшему Синоду? Тоже самое происходило и при назначении на главные столичные кафедры церковных иерархов. Безотносительно к вопросу о существовании распутинского влияния на эти назначения, и в светской, и в церковной среде их прочно связывали с ненавистным «старцем». Даже если считать распутинское влияние мифом, как это

²¹ Некоторые церковные деятели считали обер-прокурора отчасти сдерживающей инстанцией, своего рода арбитром во внутриархиерейских конфликтах. К.П. Победоносцев писал императору: «По ведь пет дружбы между нашими иерархами, и когда обер-прокурора не будет, они станут изводить друг друга наветами, интригами и враждою. Так было между ними и XVII и XVIII столетия, так и теперь будет». Из писем К.П. Победоносцева к Николаю II (1898-1905) // Религии мира. М., 1983. С. 186.

²² Фактическая картина событий хорошо известна. См.: Фриз. / Церковь, религия и политическая культура на закате старого режима. // Реформы или революция? Россия, 1861-1917. М., 1992. С. 40-47. Фирсов С.М. Указ. соч. С. А.У. / А.Ж. Шавельский Г., профессор. Русская Церковь перед революцией. М., 2005. С. 89-97.

²³ Так, например, лично перлюстрировавший А.Д. Самарина, граф М.М. Перовецкий-Петров-Соловово, писал ему: «Вы ушли — по сложившемуся, и несомненно, верному представлению — потому что не захотели уступать той мрази... которая завелась у нас на Руси и отравляет всех и вся своим безграмотно-развратными омерзительным дыханием...». См.: ГАРФ. Ф. 102. Он. 265. Д. 1033. Л. 1587. Это только один пример.

в последнее время делают некоторые исследователи, данный фактор все равно играл важнейшую роль в предреволюционных настроениях церковной среды.

В годы Первой мировой войны также резко обострилась проблема материального обеспечения духовенства-²⁴. Синодская комиссия по реформе прихода, созданная в самом начале 1917 года, констатировала в буквальном смысле бедственное состояние приходского духовенства. В некоторых епархиях, как отмечалась в материалах комиссии, были даже отмечены случаи голодной смерти в среде низших церковнослужителей²⁵.

Все это, конечно, прямым образом влияло на предреволюционные настроения в церковной среде. Многие даже монархически настроенные церковные деятели переходили в оппозицию существующему порядку вещей, в первую очередь самому синодальному строю. (При этом, конечно, следует различать оппозиционность «церковных либералов» и «церковных консерваторов».) Церковный кризис был важной составляющей общеполитического кризиса самодержавия, и последний термин не был изобретением советских историков. О церковном кризисе говорили и писали влиятельные и информированные современники.

Так, вернувшись с ноябрьского заседания Синода, один из его членов записал в дневнике: «Реформы необходимы для Церкви. Но среди наших иерархов не только нет человека, который смог бы провести их, нет и такого, который понимал бы, что с ними до крайности надо спешить. Реформ не будет. А в таком случае революция церковная — обязательно, если разразится революция государственная — неминуема»²⁶.

Свержение самодержавия в марте 1917 года стало мощным катализатором для радикальных преобразований в Российской Православной Церкви. Освободившись от институциональной и идеологической связи с монархией, Церковь впервые получила возможность самоорганизации. Новым обер-прокурором Святейшего Синода стал вошедший в состав Временного правительства член Государственной Думы Владимир Николаевич Львов.

²⁴ Сами синодалы проявляли порой полное равнодушие к положению низшего причта. Так, псаломщики Полтавской епархии направили в 1916 году в Синод прошения с вопросом, могут ли они «заниматься охотой на зайцев, уток и вообще на дичь... охота могла бы принести большую пользу, особенно в теперешнее время дороговизны». Здесь удивляет не просьба псаломщиков, а ответ Синода, «что па основании правил Св. Апостолов служащие алтаря от алтаря и питаются». РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 677. Л. 1-2.

²⁵ РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 306.

²⁶ Шавельский Г., протопресвитер. Русская Церковь пред революцией... С. 141. Именно так в третьем лице эта цитата и фигурирует у Павельского. Возможно, он цитирует собственный дневник.

На первом же заседании высшего церковного органа он провозгласил «свободу Церкви» от власти «цезарепапизма». Однако сама организационная структура управления Церковью, сложившаяся в синодальный период, не претерпела в первое время никаких изменений. Временное правительство не спешило с радикальными изменениями церковно-государственных отношений. Вскоре новый обер-прокурор получил сильную оппозицию в лице членов старого Синода, недовольных активным, по их мнению, вмешательством В.Н. Львова во внутрицерковные дела.

Указом Временного правительства 14 апреля последний царский состав Синода был распущен, и к присутствию вызваны новые лица. Новому составу Синода Львов заявил, что сложит свои полномочия перед Поместным Собором, пока же «обер-прокурорская власть... не может не вмешиваться в жизнь церкви, а при настоящей дезорганизации... это вмешательство может иногда и болезненно отзываться на тех или других членах церкви»²⁷. И все же, с деятельностью новых членов Синода и обер-прокурора связано принятие определяющих решений в области нового церковного строительства. Главнейшими из них являлись введение выборного начала в Церкви, созыв Предсоборного совета и Всероссийского Поместного Собора, торжественно открытого 15 августа в Москве.

Одновременно шло и создание религиозного законодательства Временного правительства. Наиболее важным было принятие постановлений «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» (20 марта) и «О свободе совести» (14 июля). 5 августа был упразднен пост обер-прокурора Синода и учреждено Министерство исповеданий. Первым министром вероисповедания стал последний обер-прокурор Синода Антон Владимирович Карташев.

Единственный серьезный конфликт Церкви с Временным правительством произошел из-за его постановления от 20 июня о передаче в ведение Министерства народного просвещения церковно-приходских школ и возможной секуляризации образования и продолжался вплоть до прихода к власти большевиков²⁸.

Параллельно, и даже с опережением церковных реформ, шло сильное низовое «правотворческое» движение духовенства и мирян. Слышшее

²⁷ Любимов П., протопресвитер. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля-12 июня 1917 г.)// Российская Церковь в годы революции (1917-1918 гг.) М., 1995. С. 16.

²⁸ В данном конфликте обе стороны проявили неразумную неуступчивость. Причем вся полемика по этому вопросу не дала никаких результатов. См.: Смирнов П.П. На переломе: Российское учительство накануне и в дни революции 1917 года. СПб., 1994. С. 262-266.

консервативным, церковное общество после Февральского переворота переживало процесс, который уже современники называли «церковной революцией».

Основными ее событиями были съезды духовенства, смещение неудобных архиереев, ломка снизу синодальной системы управления и сильное церковно-сепаратистское движение в Грузии и на Украине. Если Украину удалось удержать в рамках юрисдикции Российской Церкви, то Грузия провозгласила автокефалию и фактически стала независимой от столичных церковных властей. И хотя впоследствии на Поместном Соборе звучали слова о «пагубной измене» Церкви среди епископата и священно- и церковнослужителей с первых дней переворота, наиболее важные результаты «церковной революции» законодательно оформил сам Собор.

При написании данного исследования я не ставил перед собой цель дать общий очерк истории Церкви от Февраля до Октября 1917 года. Работа посвящена преимущественно деятельности высшего духовенства в этот период. Конечно, рассматриваемый вопрос о церковной власти представляется важным, но не единственным.

Так за рамками книги остались проекты церковных реформ, которые активно обсуждались в Синоде и на Предсоборном совете, выборы на Собор и первые месяцы его деятельности. Немного говорится в книге и о церковно-национальных движениях на территории бывшей Российской империи. Отдельная тема, которой я почти не касаюсь, это жизнь православных монастырей. В некоторых из них церковная революция носила радикальный характер. Так, например, весной 1917 года вся читающая Россия знала о бунте монахов Московского Данилова монастыря.

И все же я по мере возможности пытался представить перед читателем и общую картину церковной жизни между двумя революциями, стараясь при этом сделать книгу интересной не только для профессионала. Работая над данной темой, я не могу не упомянуть тех лиц, чьими советами, дружеской поддержкой и вниманием я пользовался. Благодарю Б.В. Ананьича, Е.В. Анисимова, Т.А. Абросимову, Р.Ш. Ганелина, Б.Б. Дубенцова, И.В. Завитновского, М.М. Крома, В.В. Лапина, Б.С. Кагановича, М.В. Шкаровского, Н.Н. Смирнова, Н.В. Михайлова, Т.М. Китанину, М.Ю. Крапивина, В.М. Панеяха, М.В. Ходякова, И.С. Ратьковского, Д.В. Руднева, В.Ю. Черняева, С.Л. Фирсова, М.Ф. Флоринского. С теплотой я вспоминаю покойного П.Н. Зырянова и его дружеские советы.

Особая благодарность своему учителю, прекрасному знатоку 1917 года Б.И. Колоницкому.

Историография

Известный историк, профессор Петроградской духовной академии Б.В. Титлинов, активный участник событий (в 1917 году он был редактором центральной церковной газеты «Всероссийский церковно-общественный вестник»), в своей книге «Церковь во время революции» предпринял попытку изучения взаимоотношений Церкви и государства с 1905 по 1921 гг.

Активное участие автора в «обновленческой» Церкви предопределило предвзятое отношение к его труду²⁹. Хотя отпечаток времени и лежит на его книге, в целом ему удалось нарисовать довольно верную картину событий, и его работа не утратила своего значения до наших дней³⁰. В период преподавания в Петербургской духовной академии Титлинов на себе испытал архиерейский произвол и, как большинство церковных либералов, не любил черное духовенство³¹. Однако, оценивая настроения епископата после Февральской революции, Титлинов писал, что епархиальные архиереи «лояльно показали себя» по отношению к перевороту, а некоторые и «публично выражали свою солидарность с народом»³². Книга Титлинова, как и писания других обновленцев, вышедшие в 20-х годах, интересны и тем, что их авторы, являясь верующими людьми, в то же время, видимо, искренне приняли революцию.

²⁹ Так, например, характеристику позиции Титлинова как «чекистской» см.: Комментарии к книге «Переписка П.А. Флоренского и М.А. Новоселова». Томск, 1998. С. 171.

³⁰ Титлинов Б.В. Церковь во время революции. Пг., 1924.

³¹ В 1910 году после отрицательного отзыва Антония (Храповицкого) Синод не утвердил уже защищенную докторскую диссертацию Титлинова, а в 1911 году после отзыва Сергия (Страгородского), обвинившего историка в либерализме и «кадетстве», Титлинов был освобожден от должности редактора «Церковного вестника».

³² Титлинов Б.В. Церковь во время революции... С. 56.

Впоследствии изучение этой темы по известным обстоятельствам было невозможно, и в свет в основном выходили атеистические «агитки», как, например, «произведения» Б. Кандидова и П. Зарина³³.

В 1967 году вышла в свет коллективная монография «Церковь в истории России», которую можно рассматривать как новый этап в работе советских историков над проблемами взаимоотношений государства и Церкви. И если концептуально книга напоминает атеистические работы 20-30-х годов, в ней все же можно было увидеть более сложную картину взаимоотношений Церкви и государства.

Глава, посвященная 1917 году, была написана Е.С. Осиповой, еще в 1964 году опубликовавшей важную статью, посвященную данной проблеме³⁴. Осипова пишет, что Церковь «попыталась использовать в своих интересах Февральскую революцию». Причину такой переориентации автор видела не только в боязни революционных потрясений, но и в опасности «потерять связь с массами, выступавшими... против царизма. Оставаясь монархистами, церковники, особенно высшие иерархи, попросту считали нецелесообразным открыто проявлять свои настроения»³⁵. В то же время Осипова отмечала «повсеместное оживление церковных организаций» и указывала, что если часть духовенства «шла за кадетами», то другая часть поддерживала «политическую платформу» эсеров. Отмечала исследователь и «некоторую чистку епископата», когда были удалены «только наиболее одиозные фигуры»³⁶.

В 70-80-е годы появляется ряд новых работ, посвященных данной теме³⁷. Так, по мнению Э.А. Снигиревой, «анализ церковно-религиозных источников... позволяет выявить беспрецедентный факт в истории церкви, когда при отсутствии санкций со стороны официальных органов духовенство на местах начинает самостоятельно реагировать на происходящие события и принимать решения о поддержке Временного правительства». Исследовательница связала это с переоценкой

³³ Кандидов Г. Церковь и Февральская революция. М., 1934. В этом сочинении Кандидов пишет: «4 и 6 марта 1917 г. в Ленинграде (!) состоялось совещание местного воинского духовенства» (С. 58); Зарин П. Февральская революция и церковь // Литературно-религиозник. 1937. № 3.

³⁴ Осипова Е.С. Церковь и Временное правительство // Вопросы истории. 1984. № 6.

³⁵ Осипова Е.С. Временное правительство и церковь // Церковь в истории России. М., 1967. С. 315.

³⁶ Там же. С. 315-316. См. также: Осипова Е.С. Октябрьская революция и православная церковь // Вопросы научного атеизма. М., 1980. Вып. 25. С. 205-222.

³⁷ Снигирева Э.А. От Февраля к Октябрю (церковь и политика) // Атеизм, религия, современность. Л., 1973.

позиций духовенства, ростом революционных и антимонархических настроений, а также с «платформой буржуазии»³⁸.

Большой фактический материал систематизировала в своей книге научный сотрудник Музея религии и атеизма в Ленинграде Л. И. Емелях³⁹. Однако, приводя многочисленные свидетельства об изгнании из приходов священников, протестов против епископата, захвата церковных земель, разгромов монастырей, она некритично связала их с антиклерикальным, антицерковным и даже атеистическим движением. По мнению Л.И. Емелях, духовенство и после революции продолжало отстаивать интересы помещиков и вести монархическую агитацию⁴⁰.

Последней крупной работой, вышедшей в советский период и посвященной истории Церкви, явилась коллективная монография «Русское православие: Вехи истории», изданная в год тысячелетия крещения Руси. Стремительное изменение идеологической обстановки в стране сказалось и в том, что послесловие к монографии резко отличалось от концептуальной составляющей книги⁴¹.

Раздел «Церковь в период трех российских революций» написан известным исследователем церковных проблем П.Н. Зыряновым. По мнению историка, после Февральской революции церковные монархисты и черносотенцы были вынуждены «временно притихнуть». А новый состав Синода «оказался несколько левее, либеральнее большей части православной иерархии»⁴².

В 1993 г. была опубликована статья православного писателя и богослова Б.С. Бакулина, посвященная переменам, произошедшим в Церкви после падения монархии. В этой статье впервые за многие годы обращено внимание на «феномен церковной революции» после Февральского переворота, сам факт которой «до сего остается не известным не только широким массам верующих, но и епископату и официальным богословам современной Русской Православной Церкви»⁴³.

³⁸ Снигирева Э.Л. Политическая переориентация русского православия в первое десятилетие советской власти (1917-1927). Автореферат канд. ист. наук. Л., 1974. С. 8.

³⁹ Емелях Л.И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976.

⁴⁰ Там же. С. 71.

⁴¹ Русское православие: Вехи истории. М., 1989. Так, автор послесловия А.И. Клибанов отмечал, что хотя Октябрьская революция и отделила церковь от государства и школы, «она не отделила и не могла отделить верующих от религии».

⁴² П.П. Зырянов был одним из первых историков, кто в советское время выпустил серьезное исследование, посвященное церковным проблемам. См.: Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1984.

⁴³ Русское православие... С. 425-426.

⁴⁴ Бакулин Б.С. Несвоевременные воспоминания // Религия и демократия. М., 1993. С. 149.

По мнению Бакулина, «Русская церковная революция представляет собой уникальное явление в истории Церкви вообще. Ни в одной из православных поместных Церквей не было подобного вообще»¹⁵.

Сотрудник Петербургской духовной академии А. А. Бовкало отметил, что история Церкви «в первые месяцы после революции, если и рассматривается, то очень бегло»¹⁶. Автор предпринял попытку хронологически проследить период церковно-государственных отношений после Февральской революции.

Схожий обзорный характер носят и статьи петербургских историков М.В. Шкаровского и А.Н. Кашеварова — авторов ценных книг по истории Церкви в советский период. Шкаровский считает, что «Февральская революция разразилась не только в политической, социальной, но и в религиозной сфере»¹⁷.

Указывая на решения Всероссийского съезда духовенства и мирян, состоявшегося в июне 1917 года, Кашеваров пишет, что «"революция в Церкви" ограничилась необходимыми для нормальной церковной жизни реформами, оставив Церковь в целом в рамках привычных традиций»¹⁸.

Статья московского исследователя П.Я. Леонтьева, посвященная съездам духовенства и мирян в 1917 году, интересна как одно из первых обращений к этой теме. Леонтьев отмечает политическую направленность большинства съездов, их отрицательное отношение к черному духовенству и, в частности, к епископату. И хотя, по мнению исследователя, «видимой пользы от съездов не было... в то же время съезды уничтожили многие недостатки старой системы, ни о каком самодурстве епископов... уже не могло идти речи»¹⁹.

Другой московский историк, Ф.А. Гайда, не нашел ничего положительного в этом периоде для церковной жизни, а в деятельности В.Н. Львова усматривает только «начало революционным гонениям

на Церковь». По мнению Гайды, в методах обер-прокурора проявилась та «тенденция, которая была свойственна всем министрам Временного правительства: концентрация полноты власти в их руках и игнорирование прочих органов высшей и центральной власти (например, законодательных палат) соприкасались с неограниченной самостоятельностью новообразованных по собственной инициативе общественных организаций, чья работа проходила под формальным покровительством революционного правительства»²¹.

Из общих трудов по истории русской церкви в XX веке следует отметить работы Д.В. Поспеловского²², а также С.Л. Фирсова и В.А. Федорова.

Канадский историк русского происхождения Д.В. Поспеловский связывает отказ епископата призвать народ к поддержке самодержавия с антимонархическими настроениями в данной среде. По мнению исследователя, настроения духовенства, особенно приходского, в момент прихода к власти Временного правительства были «весьма радикальны»²³.

С.Л. Фирсов считает, что «радости по случаю "свержения самодержавия" большинство архиереев не понимали». И среди них не было «восторженных заявлений относительно революции, однако привычка подчиняться "власти предрержавию" все-таки сработала»²⁴.

В.А. Федоров пишет, что после революции «настроения православного духовенства, особенно приходского, были весьма радикальными... но Временное правительство не ставило вопрос об отделении Церкви от государства, сохраняя в этом плане статус конфессионального государства»²⁵. Говоря о работе Федорова, следует заметить, что вряд ли продуктивной представляется позиция автора научной монографии по истории синодального периода, написанной без единого обращения к синодальному архиву.

¹⁵ Гайда Ф.А. Русская Церковь и политическая ситуация после Февральской революции 1917 года (к постановке проблемы) // Материалы по истории русской иерархии: Статьи и документы. М., 2002. С. 65-67.

¹⁶ Бовкало А.А. Февральская революция и проблемы взаимоотношения Церкви и государства // Церковь и государство в русской православной и западной латинской традиции. СПб., 1996. С. 62.

¹⁷ Шкаровский М.В. Русская Церковь при Сталине и Хрущеве М., 1999. Кашеваров А.Н. Церковь в власть: Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти. СПб., 1999.

¹⁸ Шкаровский М.В. «Религиозная революция» 1917 года и ее результаты // 1917. Метаморфозы революционной идеи и политическая практика их воплощения. Новгород, 1998. С. 74.

¹⁹ Кашеваров А.Н. Русская Православная Церковь между Февралем и Октябрем 1917 г. // Петербургская историческая школа: Памяти В.А. Ежова. СПб., 2001. С. 160.

²⁰ Леонтьев П.Я. Революция в церкви: съезды духовенства и мирян в 1917 году // Церковь в истории России. М., 1998. Сб. 2. С. 236, 246.

²² Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995; Он же. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996.

²³ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь... С. 36.

²⁴ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х—1918 гг.). М., 2002. С. 489, 501; Он же. Революция 1917 года и попытки «демократизации» Русской Церкви // Церковно-исторический вестник. 2000. № 6-7. См. также: Фирсов С.Л. Церковь в империи. Очерки из церковной истории эпохи Николая II. СПб., 2008.

²⁵ Федоров В.А. Русская православная церковь и государство: синодальный период 1700-1917. М., 2003. С. 267-269. Автор данной монографии неверно считает, что обер-прокурор Синода В.Н. Львов был родственником председателя Временного правительства князя Г.Е. Львова (они были однофамильцами). В.А. Федоров также ошибочно полагает, что Синод был упразднен Временным правительством 5 августа 1917 года.

С. С. Бычков в своей книге предпринял попытку изложения событий церковной истории с 1900 по 1917 гг.⁵⁷ Большая часть этого малоудачного и компилятивного исследования посвящена религиозной философии и истории религиозных течений околоцерковной интеллигенции⁵⁷.

Работы профессора Московской духовной академии, протоиерея В. Цыпина отражают современную официальную позицию Московской патриархии. В изложении событий 1917 года Цыпин проявил слабое знание источников и научной литературы, в результате некоторые события замалчиваются и общая картина искажается⁵⁸. Наивно звучит утверждение автора, что епископ Андрей (Ухтомский) был единственным епископом, который «искренне и всерьез связывал надежды на оздоровление церковной жизни с февральским переворотом»⁵⁹.

Книга протоиерея Г. Митрофанова, по признанию самого автора, представляет «литературно отредактированный вариант магнитофонной записи лекций». В изложении событий 1917 года он достаточно традиционен и противопоставляет политику «безумного» обер-прокурора Львова его приемнику А.В. Карташеву, который занял позицию, «отражавшую интересы Церкви». Говоря о выборах архиереев, Митрофанов считает, что «тогда эта практика себя оправдала, и во многих епархиях были избраны достойные иерархи»⁶⁰.

Из других работ церковных авторов большим фактическим материалом и стремлением к объективности отличаются книги С. А. Голубцова, посвященные московскому духовенству и Московской духовной академии в революционную эпоху⁶¹.

⁵⁶ Бычков С.С. Русская церковь и императорская власть (очерки по истории Православной Российской Церкви 1900–1917). М., 1998. Слишком много места автор уделяет общеизвестным фактам истории России начала XX в. В изложении событий 1917 г. С.С. Бычков опирается в основном на дневник протопресвитера П. Любимова (который автор почему-то упорно именует воспоминаниями /с. 294, 296/) и мемуары Л.В. Карташева, которого Бычков ошибочно называет профессором Духовной академии /с. 298/.

⁵⁷ Подробную характеристику данного исследования см.: История фальсификации, или фальсификаторы истории. (О «научном» творчестве журналиста Сергея Сергеевича Бычкова). СПб., 2004.

⁵⁸ Цыпин В., протоиерей. История Русской церкви 1917–1997. М., 1997. См. также: Русская Православная Церковь в новейший период. 1917–1999 // Православная энциклопедия (РИД). М., 2000. См.: рецензия на монографию протоиерея В. Цыпина: *Поспеловский Д.М. Размышляя над книгой* // Церковно-исторический вестник. 2000. № 6–7. С. 231–237.

⁵⁹ Цыпин В., протоиерей. Указ. соч. С. И.

⁶⁰ Митрофанов Г., протоиерей. История Русской Православной Церкви, 1900–1927. СПб., 2002. С. 88–90.

⁶¹ Голубцов С. Московская духовная академия в революционную эпоху: Академия в социальном движении и служении. М., 1999. Он же. Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917–1922 гг. М., 1999.

В 2002 году вышла в свет монография тверской исследовательницы Т.Г. Леонтьевой, посвященная провинциальному духовенству. Автор этого ценного исследования в противоположность некоторым историкам, в первую очередь церковным, впадает в другую крайность — работу Леонтьевой Т.Г. отличает гиперкритическое отношение к духовенству как к сословию⁶².

В последнее время история Церкви после Февральской революции нашла отражение в весьма интересных диссертационных исследованиях — И.В. Завитновского, А.В. Соколова и М.А. Бабкина.

И.В. Завитновский рассматривает феномен «церковной революции» на примере отдельных епархий⁶³. Автор ссылается на японского исследователя Х. Ваду, предложившего изучать 1917 год как «поток революций»: крестьянской, рабочей и т. д. В рамках данной концепции, по мнению Завитновского, «органично выглядит модель церковной революции». Исследователь считает, что, «с одной стороны, в ходе церковной революции произошел развал Имперской Церкви, а с другой — произошло возрождение православия в июнь-февральский период»⁶⁴.

В диссертации А.В. Соколова анализируется церковная политика Временного правительства. По мнению исследователя, в политике правительства по отношению к церкви выделяются «два периода, соответствующие разным составам кабинета министров». Первый период относится ко времени, когда пост обер-прокурора занимал Львов и управление церковью «осуществлялось путем жесткого государственного администрирования». Второй период означен собой учреждение Министерства исповеданий и начало размежевания церковных и государственных структур, поворот к внеконфессиональному обществу»⁶⁵. Касаясь позиции высшего духовенства, Соколов считает, что

⁶² Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX века. М., 2002. Ср.: Розов Л.И. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003.

⁶³ Завитновский И.В. Церковная революция 1917 года в Тверской епархии. Дисс. маг. обр. РГПУ. СПб., 2002; Он же. Тверской епископат и «весна церковной революции» 1917 года // Герценовские чтения 2001: актуальные вопросы социальных наук. СПб., 2001; Он же. Церковное укралство и церковная революция // Вестник молодых ученых. СПб., 2002.

⁶⁴ Завитновский И.В. Церковная революция 1917 года в Тверской епархии... С. 3, 59.

⁶⁵ Соколов Л.И. Временное правительство и Русская православная церковь (1917 год). Автореферат дисс. канд. ист. наук. СПб., 2002. С. 25–26. Этой же теме посвящено и диссертационное исследование О.Ю. Редькиной. См.: Редькина О.Ю. Вероисповедная политика Временного правительства России (февраль–октябрь 1917). Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1996. В последнее время появляются работы, в которых церковно-государственные отношения рассматриваются не только через призму политики самого правительства. См. например: Ковырзин К.В. Поместный Собор 1917–1918 годов и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции // Отечественная история. 2008. № 4. С. 88–97.

оно «проявило наиболее прохладное отношение к революции. Значительно активнее приветствовало новый государственный строй низшее духовенство, особенно городское».¹⁶

М.А. Бабкин темой своих работ избрал реакцию Церкви на свержение монархии. По мнению исследователя, уже в предреволюционные годы деятельность высших иерархов была направлена на «десакрализацию» власти российского самодержца, а Февральская революция выявила во многом «показной характер монархических взглядов клириков Церкви». Действия рядового духовенства, «направленные на придание революции необратимого характера в порядке церковной дисциплины шли сверху от Синода к епархиальным архиереям и к приходским пастырям». Бабкин полагает, что «духовенству принадлежит одна из основных ролей в свержении самодержавия, в закреплении завоеваний буржуазно-демократической революции, в признании верующими республиканского правления»⁶⁷. Подтверждением этого весьма спорного вывода должна служить большая публикация документов, осуществленная исследователем в журнале «Вопросы истории»⁶⁸. Ее основу составляют выдержки из посланий архиереев по поводу революции и приветственные телеграммы в адрес церковных и светских властей. Большинство этих документов было ранее опубликовано в епархиальной прессе 1917 года. В 2006 году Бабкин издал эти материалы отдельной книгой⁶⁹.

А в следующем году вышла и монография автора, суммирующая его работы, посвященные этой тематике⁷⁰. Несмотря на большой фактический материал, привлеченный автором, книга, как представляется, несет на себе печать крайней политизации. В очередной раз начинается поиск «врагов народа». На этот раз ими объявляются клирики и епископат Православной Церкви. Собственно, весь материал, собранный в книге, служит обоснованием этого тезиса. По мнению М.А. Бабкина, основная проблема церковно-государственных отношений — это «вза-

¹⁶ Соколов Л.В. Временное правительство и Русская православная церковь... С. 20.

⁶⁷ Бабкин М.А. Свержение монархии в России в 1917 году и Православная Церковь. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2003. С. 26-27; *Он же*. Приходское духовенство Российской Православной Церкви и свержение монархии в 1917 г. // Вопросы истории. 2004. № 6; *Он же*. Святейший Синод Православной Российской Церкви и революционные события февраля-марта 1917 г. // Клио. СПб., 2002. № 2(17).

⁶⁸ Русская Православная Церковь и Февральская революция / нуб. М.Л. Бабкина // Вопросы истории. 2004. № 2-5.

⁶⁹ Российское самодержавие и свержение монархии в 1917 году: Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви. М., 2006.

⁷⁰ Бабкин М.Л. Духовенство Русской Православной Церкви и свержения монархии. (Начало XX в. - конец 1917 года). М., 2007.

имоотношения священства-царства». И для разрешения этого вопроса в свою пользу духовенство, как высшее, так и низшее, на протяжении последних десятилетий самодержавия всеми имеющимися способами вело подрывную работу с целью «потрясения основ». И в своих «антиправительственных, по сути, действиях придавала революционному движению некое духовное освящение от чего-то, приобретало некоторый образ священной борьбы против самодержавия»⁷¹.

Нужно также отметить высококвалифицированную монографию Е.И. Беляковой⁷². Она посвящена такой важной и в то же время малоизученной теме, как церковное право, основное внимание автор уделяет тому, как эта проблема рассматривалась на Поместном Соборе 1917-1918 гг.

В зарубежной историографии наиболее фундаментальные работы по истории Церкви XVIII—XX вв. принадлежат американскому историку Г. Фризу, однако событий 1917 года он касается лишь в общем контексте изучения церковных реформ начала XX в. Интересный материал содержится в монографиях английского историка Дж. Кан-шшгема⁷⁴ и эмигрантского историка и богослова Н.М. Зернова⁷⁵. Статья другого эмигрантского исследователя И.К. Смолича посвящена общим проблемам взаимоотношений Временного правительства и Церкви⁷⁶. По его мнению, после Февральской революции «волна революционного воодушевления... достигла и церковных кругов. И здесь среди низшего духовенства и мирян вспыхнуло пламя реформаторства». По справедливому замечанию Смолича, корни революционных настроений «родились не в буре мартовских дней», а в прошлом синодальной эпохи⁷⁷.

В книге английского автора В. Мосса, посвященной православию в XX веке, главным отрицательным персонажем изображен архиепископ Сергей (Страгородский), который являлся только «послушной марионеткой в руках» обер-прокурора Львова в «деле проводимой им революции в Церкви». «Революция в Церкви», по мнению В. Мосса, началась 29 апреля, когда Синод принял «обращения... касавшиеся

⁷¹ Бабкин М.Л. Духовенство Русской Православной Церкви и свержения монархии. (Начало XX в. - конец 1917 года). М., 2007. С. 409.

⁷² Белякова Е.И. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004.

⁷⁴ Freeze, L. Gregory. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis. Reform. Counter-Reform. Princeton U. 1983. См.: Глава «Реформы и революция». Р. 450-480.

⁷⁵ Каинишем В. Джеймс. С надеждой на собор: русское религиозное пробуждение начала века. London., 1990.

⁷⁶ Зернов И. Русское религиозное возрождение XX века. Paris, 1974.

⁷⁷ Смолич И.К. Русская Церковь во время революции // Смолич И.К. История Русской Церкви 1700-1917. Ч. 2. М., 1997.

⁷⁸ Там же. С. 727.

установления принципа выборности епископата»TM. Автор этого крайне политизированного исследования не вводит в оборот какие-либо новые источники, используя в основном современную публицистику, в результате его книга напоминает неумелый памфлет, направленный против Московской патриархии.

В середине 90-х годов вышел в свет ряд статей петербургской исследовательницы Т. Г. Фруменковой, широко использовавшей в своей работе богатейший материал РГИА⁷⁰. Одна из работ Фруменковой посвящена непосредственно высшему духовенству после Февральской революции и является, по сути, единственным специальным научным исследованием проблемы. Исследовательница впервые перевела рассмотрение темы «высшее духовенство и революция» из области отвлеченных умозаключений на конкретную источниковую базу. При всех достоинствах этой новаторской статьи, Фруменкова, как представляется, излишне доверчиво подошла к такому сложному источнику, как доносы на архиереев. Истолковав их в духе самих доносчиков, автор пришла к выводу, что «архиереи и после Февраля нередко упорствовали в защите старого строя... не поняли глубины и необратимости случившегося»⁸⁰. Что лично думали архиереи по поводу революционных событий, за редким исключением, конечно, не известно⁸¹. Однако их официальная политическая позиция была почти во всех случаях иной.

В своей последней по времени статье Т.Г. Фруменкова подробно рассматривает персональный состав Синода в 1917 году⁸². Остается

⁷⁰ *Моя; В. Православная Церковь на перепутье (1917-1999). СПб., 2001. С. 34.*

⁷⁹ *Фруменкова Т.Г. Письма па имя обер-прокурора Синода (но материалам РГИЛ за 1917 год) // Исследование источников по истории революции 1917 г. СПб., 1996. Она же. К биографии В.И. Львова // Ил глубины времен. 1997. № 9. Она же. Деятельность В.И. Львова на посту обер-прокурора Св Синода // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века. СПб., 1996.*

⁸⁰ *Фруменкова Т.Г. Высшее православное духовенство России в 1917 г. // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5. С. 82, 91.*

⁸¹ Материалом для такой реконструкции могли бы служить личные письма и дневники архиереев. (См.: Письма патриарха Алексия своему духовнику. М., 2000. В этом церковном издании помещена переписка епископа Алексия (Симанского) за 1917-1921 годы. Однако публикаторы часто просто не смогли точно прочитать рукопись, отсюда в книге и появились такие несуществующие личности, как, например митр. Панкратий и др. С. 32.) Однако, мне не известны дневники архиереев за 1917 год. Видимо, один из немногих такого рода дневников, дневник митрополита Арсения (Стадицкого), хранящийся в ГЛРФе. Судя по описи, он кончается 1916 годом. Известно, что Арсений продолжал вести дневник и далее. Недавно Свято-Тихоновский университет начал публикацию этого ценного источника. См.: *Арсений (Стадицкий)*, митрополит. Дневник 1880-1901. М., 2007.

⁸² *Фруменкова Т.Г. Синод в 1917 году. (Персональный состав) // 90 лет Февральской революции в России СПб., 2007.*

только сожалеть, что высококвалифицированные статьи петербургской исследовательницы так и не вылились в отдельную книгу.

Другой характер носит обширное предисловие П.Н. Грюнберга к публикации некоторых документов из канцелярии патриарха Тихона, посвященных высшему духовенству. Грюнберг, хотя и отдает должное работе Т.Г. Фруменковой («высокий профессионализм, хорошая техника петербургской школы»), отмечает «безусловную чуждость исследователя теме по духу, непонимание специфики той структуры, о положении которой идет речь». По его мнению, Фруменкова не различает законные собрания духовенства и их же «одноименные незаконные сходы, не знает истинной внутрицерковной проблематики» и вообще «находится в плену устаревших школьных представлений»⁸³. Грюнберг считает, что нельзя писать о борьбе белого духовенства и мирян против черного духовенства, так как в «действительности никогда у "нормального" белого духовенства и мирян и "нормального" монашества вкуче с достойными иерархами не было никаких внутренних "противоречий", тем более "политических"».

Что же касается собственно авторской концепции Грюнберга, то она проста и показательна. «После падения Империи власть над Церковью обер-прокурора чиновника, по сути безбожного правительства, была издевательством над Церковью и издревле православной нацией». По мысли автора, иерархия Церкви была «основным идеологическим противником Правительства». Ведя борьбу с епископатом, Временное правительство действовало через Комитеты общественной безопасности, через различные Советы и иные общественные организации, а также «самочинные сходы духовенства и мирян»⁸¹. Вообще трудно сказать что-либо более не соответствующее реальной обстановке 1917 года. Работы таких авторов, как Грюнберг, как это не грустно отметить, симптоматичны для современной церковной историографии в целом.

Коллективная монография «Иерархия Русской Православной Церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху», выпущенная Институтом российской истории (РАН) совместно с Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом, казалось бы, затрагивает тему, сходную с моим исследованием, однако, о периоде в

⁸³ *Грюнберг П.П. О положении епископата Русской Православной Церкви при Временном правительстве // Материалы по истории русской иерархии: Статьи и документы. М., 2002. С. 70-71.*

⁸¹ Там же. С. 79, 88-89.

истории Церкви между Февралем и Октябрем там фактически ничего не говорится, он просто выпадает из поля зрения авторов книги»⁸⁵.

К сожалению, и отечественные, и зарубежные историки, занимающиеся политической историей революции 1917 года, как правило, не уделяют внимание церковным проблемам того периода. Показательна обстоятельная монография американского историка Д. Рейли, посвященная 1917 году в Саратове. Автор этого локального исследования лишь вскользь упомянул, что в «апреле за "контрреволюционную агитацию" был арестован в Саратове и отправлен в Петроград настоятель церкви (имеется в виду епархиальный епископ. — П.Р.) Палладий»⁸⁶. Между тем Саратовская епархия была одной из наиболее «беспокойных» — из нее изгнали двух архиереев, туда ездила синодская ревизия, там состоялись выборы епископа. Эта информация содержится и в церковной, и в светской прессе.

Среди специалистов по политической истории 1917 года, в этом отношении, составляют исключение петербургские историки ГЛ. Соболев и Б.И. Колоницкий. ГЛ. Соболев в монографии, посвященной революционному сознанию рабочих и солдат Петрограда, возможно, первым из советских историков обратил внимание на то, что в идеологической борьбе после Февральской революции «не последняя роль принадлежала церкви»⁸⁷. По мнению исследователя, «церковь становится ревностным служителем Временного правительства», тем самым «демонстрируя удивительную приспособляемость к новому режиму». Автор отмечает попытки либеральных церковных кругов сгладить противоречие между причтом и революционно настроенными прихожанами. В их числе образование «Союза демократического православного духовенства», а также обновленный «Всероссийский церковно-общественный вестник» орган «либерально-клерикальных кругов». Отмечает историк и статьи профессора Б.В. Титлинова, направленные против «реакционной иерархии». Высшее же духовенство, по мнению Соболева, «враждебно отнеслось к тому движению, которое началось после Февральской революции в низших и средних церковных кругах»⁸⁸.

В своей монографии, посвященной борьбе вокруг политических символов в 1917 году, Колоницкий рассматривает среди прочего и

⁸⁵ Лавров ИМ., Лобанов В.В., Лобанова ИМ., Мазырин АМ. Иерархия Русской Православной Церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. М., 2008.

⁸⁶ Рейли Дж.Д. Политические судьбы Российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995. С. 122.

⁸⁷ Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году: Период двоевластия. Л., 1971. С. 188.

⁸⁸ Там же. С. 192.

воздействие языка и символики революции на жизнь Православной Церкви. По мнению исследователя, «общественный кризис в канун революции проявлялся и в церковной жизни, соответственно, политический переворот не мог не привести к радикальному перевороту в этой области». Революция повлияла на церковные службы, ее символика проникла в убранство церквей. «Конфликты между мирянами и священниками, между высшим и низшим... духовенством переплетались с политической борьбой... Борьба оформлялась с помощью языка революции: сторонники радикального обновления церкви именовали своих оппонентов "реакционерами", "распутницами"... Их противники также использовали обличительные политические штампы, именуя своих конкурентов... "большевиками", и даже "ленинцами"». По мнению Колоницкого, «можно говорить и о взаимодействии религиозного и антибуржуазного сознания... Порой авторы и ораторы описывали свершившийся переворот религиозно, он рассматривался как победа истинных идеалов христианства»⁸⁹.

Таким образом, одни и те же вопросы решаются исследователями порой диаметрально противоположно. Какова была политическая позиция епископата после Февральской революции? Какой характер носила политика Временного правительства по отношению к Церкви? Каковы истоки бунта низшего духовенства против епископата? Какова была роль во всем этом обер-прокурора В.Н. Львова? Даже количество уволенных на покой архиереев определяется историками различно. Практически совершенно не рассматривается такой важный вопрос, как введение выборного начала в жизнь Церкви.

⁸⁹ Колоницкий В.И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 56-64. Он же. Политические символы и борьба за власть в 1917 году. Автореферат дисс. док. ист. наук. СПб., 2002. С. 17-18.

Источники

Основной источниковой базой работы послужили богатейшие материалы Российского Государственного исторического архива. В первую очередь — это фонд канцелярии Святейшего Синода (Ф. 796), канцелярии обер-прокурора Синода (Ф. 797), канцелярии патриарха Тихона (Ф. 831) и архив Поместного Собора (Ф. 833). Привлечены также некоторые документы из фондов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Тверской области и Центрально-Государственного исторического архива Украины.

В фондах РГИА отложились официальные доклады иерархов в Синод о событиях, происходивших в управляемых ими епархиях. Иногда письма и отчеты направлялись на имя конкретных членов высшего церковного органа, как правило, первоприсутствующего в Синоде архиепископа Платона (Рождественского) или архиепископа Сергия (Страгородского). Часто архиереи стремились заручиться поддержкой обер-прокурора Синода, на его имя приходили как личные послания, так и официальные рапорты иерархов.

По такой же схеме шли в столицу и документы церковной «оппозиции» (доклады, сообщения, материалы епархиальных съездов), но в обратной последовательности: вначале обер-прокурору, затем в Синод. Практически во всех епархиях наряду с консисторией образовались церковно-епархиальные советы, их деятельность была официально узаконена Синодом. Нередко они находились в оппозиции правящему архиерею, часто пытались сосредоточить в своих руках всю епархиальную власть. Епархиальные советы и созданные «народным правотворчеством» общественные организации духовенства и мирян сигнализировали обер-прокурору о «несоответствующей настоящему моменту» деятельности высших иерархов.

Присылали в столицу также и материалы съездов духовенства и мирян, прошедших по всем епархиям в 1917 году. Иногда это просто

поздравительные телеграммы на имя обер-прокурора, иногда документы съезда представляют подробнейшую стенограмму заседаний. Из некоторых епархий, где борьба за власть принимала наиболее острые формы, в Синод могли приходиться совершенно противоположные отчеты о епархиальных съездах, исходившие от различных противоборствующих сил.

О настроениях духовенства и деятельности епархиальных архиереев информировали обер-прокурора секретари Духовных консисторий. Секретарь консистории напрямую подчинялся обер-прокурору Синода и рассматривался представителем последнего в епархии. Иногда сам обер-прокурор запрашивал секретаря относительно действий местного архиерея.

В некоторые наиболее конфликтные епархии были направлены синодские ревизии, которые возглавляли как светские чиновники, так и представители высшего духовенства. Так, в 1917 году ревизии прошли в Черниговской, Саратовской, Нижегородской, Тверской, Екатеринославской и Рязанской епархиях. Материалы этих ревизий отложились как в фонде канцелярии Синода, так и в фонде канцелярии обер-прокурора.

В фонде канцелярии патриарха Тихона (Ф. 831) отложились некоторые документы, связанные с увольнением архиереев весной-летом 1917 года. Отдельное дело составляют материалы расследования Судной комиссией Поместного Собора «незаконного» увольнения из Орла епископа Макария (Гневушева).

Из фонда Поместного Собора (Ф. 833) привлечены материалы комиссии по «церковному большевизму», созданной Собором весной 1918 года. Она расследовала случаи неповиновения как высшего, так и низшего духовенства центральным церковным властям, начиная с марта 1917 года.

Основной источниковой проблемой при написании работы явилось крайне неравномерное распределение информации по епархиям. Так, по некоторым епархиям и архиереям сохранились многостраничные тематические дела, по другим информация почти отсутствует.

Даже члены Синода в 1917 году делили епархии на «спокойные» и «беспокойные или неблагополучные». Конечно, отдельные документы, сохранившиеся по «спокойным» епархиям, показывают, что и здесь спокойствие было относительное. Однако по каким-либо причинам оно не выливалось в организованный бунт против епископа. Отсутствие серьезного конфликта прямо пропорционально и отсутствию архивных материалов.

Напротив, беспокойные епархии представлены обильным и, как представляется, чрезвычайно репрезентативным материалом. Как

правило, конфликтующие стороны, стремясь заручиться поддержкой центральной власти, присылали в Синод свои версии событий. Это дало возможность представить ситуацию с различных точек зрения, обозначив позицию участников конфликта.

Многочисленные доносы на архиереев используются в основном как источник для уяснения психологической атмосферы эпохи и для изучения реакции властей на них. Определенную трудность представляла рассеянность архивного материала даже по одному и тому же сюжету⁹⁰. Так, например, материалы по Орловской епархии в 1917 году отложились в виде тематических дел сразу в трех фондах РГИА. Важным и верным представляется и мнение П.Н. Зырянова, что «в обстановке нарастающего хаоса обер-прокурор Синода, надо думать, не имел полной информации с мест»⁹¹.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) хранятся материалы деятельности Временного правительства. В книге использованы документы канцелярии министра-председателя Временного правительства (Ф. 1778) и канцелярии Временного правительства (Ф. 1779). В первую очередь, это письма обер-прокурора Синода министру-председателю, а также материалы утверждения Временным правительством определений Синода по увольнению и выборам архиереев. Церковь еще не была отделена от государства, основные решения церковных вопросов формально должно было утверждать правительство.

В этом же архивохранилище находится и личный архив митрополита Арсения (Стадницкого) (Ф. 550). Являясь одним из влиятельнейших архиереев Церкви (член Синода до апреля 1917 года, активный участник Поместного Собора), преосвященный вел активную переписку с церковными деятелями. В книге использованы некоторые письма, приходившие владыке от других иерархов.

Несмотря на относительно хорошую сохранность Государственного архива Тверской области (ГАТО), документов по интересующей теме фактически не было обнаружено. Основной массив материалов Консistorии (Ф. 160) за 1917 год составляют дела, посвященные внутриприходским конфликтам, изгнанию либо арестам неугодных свя-

⁹⁰ Следует отметить, что делопроизводство канцелярии обер-прокурора часто дублировало делопроизводство канцелярии Синода. С этим «канцеляризмом в квадрате» пытались бороться еще в XIX веке. (См.: Алексеев С.И. Святейший Синод в системе вышших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856-1904. СПб., 2003. С. 66.) Поэтому иногда логика распределения документов между двумя архивными фондами в буквальном смысле неумовима.

⁹¹ Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999. С. 276.

щенников, конфликтам внутри монастырей. Интерес представляют отчеты благочинных епархии за 1917 год, написанные на имя местного архиепископа Серафима. Документов же, способных дополнить картину острейшей политической борьбы в данной епархии, обнаружено крайне мало. Между тем материалы по тверскому сюжету, отложившиеся в РГИА, позволяют подробно осветить конфликтную ситуацию, сложившуюся в этой епархии в 1917 году.

Приблизительно то же самое можно сказать и о Центральном Государственном историческом архиве Украины (ЦГИА Украины). Документов, способных в чем-либо поменять представления о ситуации в третьей по значимости Киевской епархии, не обнаружено. Однако дополнить картину церковной жизни в 1917 году эти документы могут.

В частности, становится ясным, что многие, так называемые, контрреволюционные дела рядовых священников не доходили до Синода, а решались на епархиальном уровне. В работе использованы некоторые материалы из фонда Консistorии (Ф. 127) и Киевской духовной академии (Ф. 711).

Можно определенно сказать, что материалы РГИА являются абсолютно приоритетными, как при изучении данной темы, так и вообще церковной истории синодального периода⁹². Вместе с тем работа в тверском и киевском архиве позволяет составить некоторое впечатление об архиве епархии, учитывая то, что данные архивы сохранились гораздо лучше других провинциальных хранилищ⁹³.

Важнейшим источником для исследовательской проблемы являются епархиальная пресса и центральные церковные издания. Однако здесь возникает та же проблема, что и с привлечением архивных материалов, — различная степень информативности церковных изданий. Так, в некоторых епархиях церковная пресса дает широкую и разностороннюю информацию, в других — напротив отсутствует даже официальная информация о церковных событиях.

В ряде епархий «ведомости» в 1917 году пережили процесс радикальной трансформации, превратившись из официального епархиального

⁹² Недавно Г. Фриз высказал мнение, что церковным историкам «следует перенести центр тяжести своего исследования и в большей степени полагаться на местные, в меньшей — на центральные архивы». Фриз Г. Открывая заново православное прошлое: микроисторический подход к религиозной практике в России периода империи // Смена парадигм: современная русистика. I [истор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. СПб., 2007. № 11. С. 3Б9. Данное замечание по всей видимости верно, однако, скорей оно касается исследователя, занимающегося такими темами, как народная религиозность, брак и развод и др.

⁹³ История Русской Православной Церкви в документах региональных архивов России: Аннотированный справочник-указатель М., 1993.

издания в общеполитическую газету. Процесс реформирования местной церковной прессы, как правило, обсуждался на съездах духовенства и мирян. Иногда издание попадало в руки оппозиции правящему архиерею. Политическая окраска некоторых изданий была довольно радикальной: так, там могла даже печататься программа социал-демократической партии. К концу 1917 года активность церковной прессы резко падает, многие издания фактически перестают выходить.

В столичной церковной прессе наибольший интерес и информативную ценность представляет газета «Всероссийский церковно-общественный вестник», которую издавала профессура Петроградской духовной академии. Рупор либеральных, но не радикальных реформ в Церкви, «Вестник» вызывал в церковной среде диаметрально противоположные чувства: от активной поддержки до полного неприятия.

В противоположность «Вестнику» газета «Свободная Церковь», издаваемая в Петрограде священником Галкиным, в будущем активным деятелем Союза безбожников, носила ярко выраженный радикальный характер. Официальная синодальная информация печаталась в «Церковных ведомостях», однако не все важные синодские решения и определения попадали на страницы даже этого официального издания.

Светская периодика уделяла определенное внимание церковной проблематике. Характер публикуемых материалов, как и общая направленность изданий, были различны: от аналитических статей крупных церковных деятелей до откровенно антиклерикальных и даже атеистических карикатур. Изучение этого источника позволяет определить место, собственно, церковных проблем в общем контексте политической ситуации 1917 года.

В качестве важного источника привлечены также «Деяния Поместного Собора 1917-1918 г.»⁹⁴. В 2000-2002 годах под редакцией профессора Гюнтера Шульца вышел трехтомник «Обзора деяний» Собора⁹⁵. Данное издание, выполненное на высоком профессиональном уровне, содержит биографические данные о членах Поместного Собора⁹⁶.

Для восстановления событий революции, понимания политической, идеологической и религиозной ситуации предреволюционной и револю-

⁹⁴ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. 1917-1918 гг. М., 1994. Т. 1, 2.

⁹⁵ Священный Собор Православной Российской Церкви. 1917-1918 гг. Обзор деяний. М., 2000-2002. 3 т.

⁹⁶ Вообще следует выделить издания «Общества любителей церковной истории» Крутицкого Патриаршего подворья. Священник Иоанн Соловьев и его коллеги, переиздавая труды церковных классиков и издавая новые исследования и источники, делают важное и полезное дело, не скатываясь при этом на уровень «житийско научного клиризма», характерного для многочисленных современных церковных изданий.

ционной России служат мемуары и дневники современников событий. Воспоминания — источник сложный, требующий особенно внимательного и критического отношения. Часто некоторые важные события мемуарист сознательно замалчивает, часто многое со временем стирается в его памяти, нарушается последовательность в изложении, иногда над мемуаристом довлеет настоящее, и с учетом этого он и дает оценки тем или иным событиям. Именно поэтому почти все мемуаристы так негативно оценивали деятельность обер-прокурора Синода Львова.

В мемуарах А.В. Карташева, активного участника церковных событий 1917 г., авторские оценки взвешены, хотя и не без некоторой примеси апологетики в отношении себя и религиозной политики Временного правительства. Но, к сожалению, они очень кратки и носят общий характер⁹⁷.

Интерес представляют мемуары церковных иерархов — митрополитов Евлогия (Георгиевского)⁹⁸ и Вениамина (Федченкова)⁹⁹. Произведение Евлогия является записью устных рассказов владыки, записанных Т. Манухиной, просмотренных и отредактированных самим митрополитом. Отметим, что мемуары владыки отличаются фактической точностью и яркой характеристикой действующих лиц и эпохи в целом.

Мемуары же митрополита Вениамина гораздо менее интересны, как в литературном плане, так и по фактическому содержанию. Более того, изложение некоторых эпизодов, свидетелем которых являлся владыка, как показывает настоящее исследование, крайне неточно (церковная смута в Тверской епархии).

Воспоминания протопресвитера русской армии и флота Георгия Шавельского¹⁰⁰ написаны ярко и убедительно, но, к сожалению, слишком пристрастны. Особенно чувствуется нелюбовь Шавельского к черному духовенству в лице высших иерархов. В некоторых рассказах об архиереях, протопресвитер пользуется ничем не подтвержденными слухами, например в рассказе о Василии (Богоявленском). Данные о мздоимстве черниговского архиерея в 1917 году не подтвердила даже отрицательно к нему настроенная синодальная ревизия. Очень интересна также книга Шавельского «Русская Церковь пред революцией»¹⁰¹.

⁹⁷ Карташев А.В. Временное правительство и русская церковь // Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995; Он же. Революция и Собор 1917-1918 гг. // Богословская мысль. Париж, 1942.

⁹⁸ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994.

⁹⁹ Вениамин (Федченков). На рубеже двух анох. М., 1994.

¹⁰⁰ Шавельский Г., протопресвитер. Церковь и революция // Церковно-исторический вестник. 1998, № 1; Он же. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. 2 т.

¹⁰¹ Шавельский Г., протопресвитер. Русская церковь пред революцией. М., 2005.

В ей протопресвитер попытался дать общий обзор церковных проблем накануне свержения самодержавия.

Интерес представляют воспоминания товарища последнего обер-прокурора князя Жевахова¹⁰². Они еще более пристрастны и тенденциозны, чем книги Шавельского.

События церковной жизни на Украине рассматриваются в очень содержательных мемуарах протопресвитера В. Зеньковского¹⁰³.

Важнейшим источником для изучения деятельности Святейшего Синода в апреле-июне 1917 г. является дневник Николая Любимова, который ярко воссоздает обстановку в Синоде и содержит интересные характеристики В.Н. Львова, А.В. Карташева, архиепископа Сергия (Страгородского) и др.¹⁰⁴ Без данного документа было бы чрезвычайно трудно понять механизм принятия Синодом решений по отношению к епархиальным архиереям. Следует отметить удивительную точность Любимова в изложении фактического материала. Дневник Любимова был обнаружен историком М.И. Одинцовым в личном фонде крупного синодского чиновника и известного историка С.Г. Рункевича, находящегося в отделе рукописей Российской Государственной библиотеки в Москве. К сожалению, публикация этого ценнейшего документа выполнена без какого-либо научного комментария.

Большинство авторов мемуаров и дневников — жители столиц или представители церковной элиты, о событиях в провинции им было известно по слухам и газетам, поэтому для реконструкции революции на местах требуются иные комплексы источников¹⁰⁵.

В данной работе я не ставил целью дать максимально полную картину деятельности высшего духовенства после революции, в ней рассматриваются наиболее конфликтные и кризисные ситуации. Поэтому предпринята попытка рассмотреть социально-политическую борьбу в ряде наиболее «беспокойных» епархий в микроисторическом ключе. Свою задачу я видел в построении исследования, основанного на неопубликованных материалах, извлеченных большей частью из синодального архивохранилища.

Основной базой работы служат синхронные источники: архивные материалы и периодическая печать.

¹⁰² Жевцов И.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Си. Синода. М., 1993. 2 т.

¹⁰³ Зегиятский В., протопресвитер. Пять месяцев у власти. Воспоминания. М., 1995.

¹⁰⁴ Любимов П., протопресвитер. Дневник о заседаниях вноио сформированного Синода (12 апреля - 12 июля 1917 г.) // Российская церковь в годы революции. М., 1995.

¹⁰⁵ См., например, чрезвычайно интересный дневник бежецкого священника: «Насколько дешево стала цениться жизнь». Дневник священника И.И. Постникова (1917-1919 гг.) // Источник. 1996. № 3, 4, 5. К сожалению, сохранившаяся копия дневника начинается только 22 октября 1917 г.

ГЛАВА 1

Первая реакция высшего духовенства на революцию: Послания и выступления архиереев перед паствой

К началу Февральской революции Российская Церковь находилась в тяжелом организационном и идеологическом кризисе. Недовольство синодальной системой разделяли люди противоположных политических взглядов. Свою оппозиционность по отношению к существующему порядку вещей, так или иначе, декларировали большинство церковных деятелей. Это и высшее иерархи, и представители духовной профессуры, и рядовые священно- и церковнослужители. Можно выделить три основные причины оппозиционного настроения церковного общества накануне революции.

Первое — недовольство «антиканонической» системой управления Церкви. Отсюда и требование немедленного созыва Поместного Собора (следует отметить, что идею восстановления патриаршества разделяли не все представители церковного общества).

Второе — так называемый «приходской вопрос», который затрагивал без преувеличения большинство духовенства в целом. Особенно острым был вопрос о материальном обеспечении причта. (В годы войны в некоторых епархиях отмечались случаи голодной смерти низших клириков).

И последнее — вера в воздействие на церковную политику так называемых «темных сил», неопределенный образ которых персонифицировался в личности Григория Распутина.

Вопрос о распутинском влиянии наиболее дискуссионный и сложный. Документально подтвердить влияние Распутина на церковную

политику чрезвычайно трудно. Хотя несомненно, что ряд высших иерархов, в том числе Петроградский и Московский митрополиты Питириим и Макарий, слышавшие протесты Распутина, были назначены на свои кафедры с грубым нарушением церковного права⁹⁸.

До убийства Распутина значительная часть и высшего и низшего духовенства была убеждена во всеильном влиянии старца на церковные и государственные дела, и в связи с этим даже наиболее монархически настроенные архиереи крайне пессимистично смотрели на перспективы самодержавия и Церкви: «Страшно становится за Церковь. Хлыст руководит всем», — писал архиепископ Никон (Рождественский) архиепископу Арсению (Стадницкому)⁹⁹. Ему вторил известный монархист Антоний (Храповицкий). «...Если Бог это попустит (революцию. — П.Р.), то это будет карой за предпочтение хлыстовщине православию», — писал он в ноябре 1916 года епископу Андрею (Ухтомскому)¹⁰⁰.

Не будь революции настроение даже самых оппозиционных церковных деятелей не могло бы вылиться в формы какого-либо организованного протеста. Однако предреволюционные настроения духовенства наложили сильный отпечаток на последующее развитие событий.

Реакция высшего православного духовенства, заседавшего в Синоде, на начало беспорядков в Петрограде известна из мемуаров товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя И.Д. Жевахова.

По его словам, Синод собрался на очередное заседание 26 февраля 1917 года в неполном составе. Отсутствовал обер-прокурор Н. П. Раев и некоторые иерархи. Жевахов писал, что перед началом заседания предложил первенствующему члену митрополиту Киевскому Влади-

миру выпустить воззвание к населению, которое «должно избегать общих мыслей, а касаться конкретных событий момента и являться грозным предупреждением Церкви, влекущим в случае ослушания церковную кару... Церковь не должна стоять в стороне от разыгрывающихся событий». По словам Жевахова, митрополит Владимир ответил, что «это всегда так... когда мы не нужны, нас не замечают: а в момент опасности к нам первым обращаются за помощью»¹⁰¹. Настойчивые попытки уговорить иерархов не помогли, и воззвание не было выпущено. Это свидетельство Жевахова активно использовалось историками без критической проверки.

Если же обратиться к протоколам Синода, то 26 февраля заседаний вообще вроде бы и не было, хотя до этого Синод работал регулярно. Так, 23 февраля, в день начала уличных беспорядков в Петрограде, высший орган церковной власти рассмотрел множество дел (в первую очередь, бракоразводных) и вступил в конфликт с Министерством внутренних дел, которое санкционировало показ фильмов патристического содержания на первой и четвертой седмице Великого поста. Синод решил, что, даже «и не будучи сопровождаемы музыкой и другими какими-либо развлечениями», демонстрация фильмов все-таки будет иметь «характер общественных забав», поэтому решение МВД не только не согласуется с законом, «но и противоречит общему желанию... верующих русских людей»¹⁰².

Судя по протоколам, Синод продолжал буднично работать, по крайней мере, до 25 февраля, после чего, согласно журналу, наступил перерыв. Последнее заседание в Протоколах датировано 27 февраля. Однако, если обратиться к сплошной нумерации постановлений и определений Синода, то последнее постановление от 25 февраля имеет порядковый номер 1192,¹⁰³ а следующее — от 27 февраля — 1203¹⁰⁴.

Не доверять свидетельству Жевахова нет особых оснований. Информация об «историческом» заседании Синода проскользнула и в газеты. Так, «Всероссийский церковно-общественный вестник» писал, что 27 февраля (!) на просьбу обер-прокурора Раева (!) осудить беспорядки члены Синода якобы ответили, «что в высшей степени спорным является вопрос: откуда идет измена — сверху или снизу»¹⁰⁵.

⁹⁸ Жевахов И.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя И.Д. Жевахова. М., 1993. Т. 1. С. 288-289.

¹⁰¹ ИТЛ. Ф. 796. Он. 209. Протоколы Синода. Д. 2831. Л. 238-236 об.

¹⁰² РГИА. Ф. 796. Он. 209. Д. 2831. Л. 263.

¹⁰³ Там же. Л. 264.

¹⁰⁴ Всероссийский церковно-общественный вестник. (Далее ВЦОВ). 1917. 7 апреля.

⁹⁸ [Записка директора синодальной канцелярии П.В. Гурьева о «распутинекпх назначениях» и среде высших иерархов] // РГИА. Ф. 796. Он. 445. Д. 745. Л. 1-2. Так, по справке Гурьева, назначение обоих митрополитов было сделано по непосредственному указанию царя и «оформлено путем верпоподдапнейшего доклада обер-прокурора Святейшего Синода», причем члены Синода Л. задним числом узнали о состоявшемся назначении. Таким же образом в Тобольск был назначен и епископ Варнава (Накропин). (Там же. Л. 1об.) Согласно же церковному законодательству, кандидатуры архиереев должен был рассматривать первоначально Синод, а после посылать на утверждение императору. См.: Духовный регламент // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 582. Ср.: «Церковные соборы в своих постановлениях не раз повторяли, что избрание епископа, совершенное исключительно и непосредственно светской властью, помимо или с принуждением духовной не действительно». (Павлов А.С. Курс церковного права. СПб., 2002. С. 171.)

¹⁰⁷ Письмо архиепископа Никона архиепископу Арсению // Церковно-исторический вестник. М., 2000. № 2-3. С. 2003.

¹⁰⁰ Цит. по: Гайдн Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914- весна 1917 г.) М., 2003. С. 235.

Первое после революции заседание Синода состоялось 4 марта¹¹⁴. Высший орган церковной власти принял «к сведению» факт отречения царя и выработал определение о «молебстве Богу об утишении страстей с возношением многолетия Богохранимой Державе Российской и благоверному Временному правительству»¹¹⁵. Только 9 марта было принято обращение к пастве по поводу переживаемых событий. Составленное в самых нейтральных выражениях, оно было опубликовано во всех епархиальных ведомостях. Таким образом, каких-либо враждебных действий или суждений со стороны высшего духовенства по отношению к революции заявлено не было¹¹⁶.

Современник событий, профессор Б.В. Титлинов, справедливо отмечал, что «церковная власть в первые дни революции обнаружила, видимо, готовность принять свершившийся переворот, кажется, не за "страх" лишь, а за "совесть"»¹¹⁷. Это подтверждает и позиция епархиальных архиереев. Большинство из них в течение первой половины марта 1917 г. выпустили послания к своей пастве или выступили с проповедью, стараясь разъяснить смысл происходящих событий, а иногда предпринять попытку легитимировать приход к власти Временного правительства. Условно послания можно разделить на две основные группы: первая — восторженные приветствия новому строю и проклятия старому; вторая — простая констатация событий и призыв подчиниться новой власти.

Большинство посланий и проповедей было опубликовано в местной епархиальной прессе, часть была выпущена в виде листовок. Некоторые выступления архиереев стали причиной конфликтов, как с центральными, так и с местными властями.

Недавно в журнале «Вопросы истории», а после и в виде отдельного издания М.А. Бабкиным была предпринята републикация выдержек

¹¹⁴ Сохранился интересный рассказ об этом историческом заседании Синода архиепископа Арсения (Стадницкого). «4 марта, когда мы, члены Синода, пешком по грязи, старались проникнуть в здание Синода, охраняемое солдатами с ружьями... нас не хотели пускать. Явился обер-прокурор. И вот когда из чала заседания было вынесено кресло, как символ цезаре-папизма в церкви Русской, я не мог сдержать себя и обратился с приветствием, что церковь свободна. Я предложил сложить нам свои полномочия. Но нам не позволили». Новгородские епархиальные ведомости. 1917. 1-15 июня.

¹¹⁵ РГИА. Ф. 796. Он. 209. Протоколы Синода 6-9 марта. Д. 2832. Л. 2. К вопросу о «поминовении» и связанными с ним проблемами. См.: Колоницкий Г.И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 59-62.

¹¹⁶ Не понятно, что имеет в виду М.А. Бабкин, говоря, что члены Синода «в своих республиканских устремлениях в первые недели революции фактически оказались левее кадетов». См.: Бабкин М.А. Свержение монархии в России и православная церковь. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 2003. С. 20.

¹¹⁷ Титлинов Б.В. Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 56.

из значительной части этих посланий. Это позволяет сосредоточить основное внимание как раз именно на конфликтных ситуациях, произошедших в некоторых епархиях после публичных выступлений владык, и рассмотреть реакцию на них центральных властей, а также отметить некоторые наиболее интересные и оригинальные выступления преосвященных.

Один из наиболее последовательных сторонников революции тверской архиерей Серафим (Чичагов) уже 3 марта направил личное письмо В.Н. Львову с восторженными приветствиями: «...Сердце мое горит желанием прибыть в Государственную Думу, чтобы обнять друзей русского народа и Русской Церкви — М.В. Родзянко, Вас и других борцов за честь и достоинство России». Серафим заявлял, что епископат «оскорблен засильем распутицев» и желает «отмыться от всей грязи и нечисти»¹¹⁸.

В своем же послании пастве Серафим писал: «Милостью Божьего народное восстание против старых порядков в государстве, приведшее Россию на край гибели... обошлось без многочисленных жертв, и Россия легко перешла к новому государственному строю»¹¹⁹.

Еще большую активность проявил уфимский епископ Андрей (Ухтомский), по словам митрополита Евлогия, «прогремевший на всю Россию своим либерализмом»¹²⁰. Интересно отметить, что епископа Андрея пытались привлечь к ответственности за «возбуждающие враждебное отношение к правительству статьи» за несколько дней до начала революции, 19 февраля 1917 г.¹²¹

В послании, озаглавленном «Нравственный смысл современных великих событий», владыка писал, что революция произошла потому, что старый режим был «беспринципный, грешный, безнравственный. Самодержавие... выродилось... в явное своевластие, превосходящее все вероятия». По мнению Андрея, «власть давно отвернулась от Церкви, причем последняя подвергалась явному глумлению... Под видом заботы о Церкви на нее было возведено тайное и тем более опасное гонение»¹²². Вызванный сразу после революции в Петроград обер-прокурором¹²³, епископ развернул бурную деятельность. Он, выступая с

¹¹⁸ РГИА. Ф. 797. Он. 86. Д. 91а. Л. 182-183.

¹¹⁹ Тверские епархиальные ведомости. 1917. 9-10 марта.

¹²⁰ Евлогий, митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. С. 267. См. также: Латынова В.В., Исхаков С.М. Андрей (Ухтомский) // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 20-22.

¹²¹ РГИА. Ф. 797. Он. 86. Д. 12. Л. 89.

¹²² Уфимские епархиальные ведомости. 1917. 1-15 марта.

¹²³ РГИА. Ф. 796. Он. 209. Д. 28. Л. 9.

яркими проповедями,¹²¹ участвовал в заседаниях нового состава Синода, ездил на фронт, писал статьи для светской и для церковной прессы, встречался с А.Ф. Керенским.

Правда, постепенно по мере «углубления революции» оптимизм Андрея улетучился. «Был у нас один Распутин до 1917 года, — писал епископ в июне 1917 года, — теперь мы переживаем целое народное бедствие — сплошное распутинство»¹²⁵.

Радостно приветствовал революцию и член IV Государственной Думы епископ Енисейский и Красноярский Никон (Безсонов). Известия о революции в Петрограде дошли до Красноярска 2 марта. «Взволнованный и обрадованный»¹²⁶, как сообщала епархиальная пресса, Никон сразу отправил поздравительные телеграммы М.В. Родзянко, князю Г.Е. Львову, А.И. Гучкову и новому обер-прокурору Синода В.Н. Львову¹²⁷. На «чрезвычайном» заседании Красноярской городской думы епископ Никон был избран членом Комитета общественной безопасности от Красноярского областного военно-промышленного комитета¹²⁸.

4 марта владыка выпустил воззвание к пастве: «Враги русского народа, некоторые представители старой власти исполнили меру своих беззаконий и переполнили чашу терпения Государственной Думы, народных избранников... Новая, только что народившаяся власть нуждается в нашем полном доверии, нашей всемерной поддержке... Отцы, братья и сестры! Вас зовет на помощь растерзанная, истомившаяся Мать... Бросим всякие корыстные и партийные расчеты... будем спокойно работать для Родины, для армии, для победы, для процветания и вечного мира во всем мире!»¹²⁹. В тот же день Никон писал обер-прокурору Львову: «Я уже не утерпел, телеграфировал вам о моем личном

¹²¹ Так, например, 12 марта в Казанском соборе Андрей говорил: «Теперь началась... эпоха новой жизни, случилось почти невероятное. Наступил и дни чистой народной жизни, свободного народного труда! Заглась яркая звезда русского народного счастья». См.: Уфимские епархиальные ведомости. 1917. 1-15 апреля.

¹²⁵ Андрей (Ухтомский). Открытое письмо министру-председателю Керенскому // Там же. 15 июля.

¹²⁶ Енисейская церковная пива. 1917. 31 марта.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ { } ^{ст. 118} Красноярского городского общественного управления. 1917. 3 марта.

¹²⁹ См.: Февральская революция: Сборник документов. М., 1997. С. 198-199. В легенде документа ошибочно стоит: «публикуется впервые»; и действительности, послание было опубликовано в 1917 году. См.: Енисейская церковная пива. 1917. 31 марта. Воззвание было также выпущено в виде листовки тиражом 25 тысяч экземпляров. Никон печатал в виде листовок и другие свои воззвания, например 18 марта, с красноречивым названием: «Не отдадим немцу и одной пяди земли». РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. ДЛМ.Л.3-4об.

отношении к "свершившемуся". Иначе поступить было нельзя. Сами довели себя до краха. Иродиада бесновалась (императрица Александра Федоровна. — П.Р.), и наша дорогая Мать-Родина стояла на краю пропасти...»¹³⁰.

Через несколько дней владыка направил еще одно письмо Львову, со своей оценкой реакции высшего духовенства на революцию. «"Архиереишки" — простите за слово! — набрали в рот воды, запрятались по норкам... Грустно, очень тяжело!.. А работы будет масса, работы новой, хорошей. Я почти утерять было веру в нашу Русскую Церковь, а теперь оживаю»¹³¹.

Гораздо сдержаннее в своем послании к пастве был волынский архиепископ Евлогий (Георгиевский): «Не время теперь спорить о самодержавии, ибо по русской пословице лежащего не бьют». Сожалел владыка, что тяжело отказываться «от идеи самодержавия», правда с оговоркой, что лишь в «той возвышенной форме, как оно отразилось в наших церковных песнопениях». По мнению Евлогия, эта «частная идея, к сожалению, не находила себе практического применения в нашей русской действительности... так как русский царь был окружен... тесным кольцом безответственных и темных влияний». Интересно, что в данном послании архиепископ ссылаясь не на Священное писание, а, по его же словам, на «народные пословицы», например: «Голос народа — голос Божий»¹³² — обоснование более чем сомнительное в устах архиерея.

Другие иерархи, как правило, вели себя осторожнее. Для богословской легитимизации новой власти использовались, как правило, классические ссылки на Послание апостола Павла. (Рим. 13.1—5)¹³³, а для политической использовались отсылки к манифесту в. кн. Михаила с просьбой подчиниться Временному правительству. Иногда позиция епископа менялась в зависимости от политической конъюнктуры или от настроения общества.

Один из авторитетнейших иерархов, тамбовский архиепископ Кирилл (Смирнов) выпустил в виде листовки послание с призывом

¹³⁰ РГИЛ. Ф. 797. Он. 86. От. 3. Ст. 4. Д. 64. Л. 22. Фигменкова Т.Т. Письма на имя обер-прокурора Синода... С. 54.

¹³¹ Там же. Л. 3 об. Фруменкова Т.Г. Указ. соч. С. 55.

¹³² Волыньские епархиальные ведомости. 1917. 8 марта.

¹³³ «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога: существующие же власти от Бога установлены...» Правда, иногда пытались использовать и такие явно сомнительные ссылки на авторитет Священного писания, как Рим. 7(2): «Замужняя женщина привязана законом к живому мужу; а если умрет муж, она освобождается от закона замужества». См.: Нижегородские епархиальные ведомости. 1917. 8 марта.

хранить верность присяге императору Николаю II и оставаться в «полном послушании действующим его именем властям»¹³⁵. Тамбовский исполнительный комитет доносил обер-прокурору, что по получении 28 февраля телеграммы от председателя Государственной Думы владыка выступил главным противником публикации последней: «Стуча кулаком по столу, кричал, что русская революция — водевил и завтра исчезнет как дым»¹³⁶.

Но уже 4 марта Кирилл выпустил новое послание, где напоминал свой призыв ждать «решающего слова, Того, Которому вручена была Самим Господом власть. И вот сегодня дождались мы этого слова, дождались гораздо больше, чем ожидали». Не забыл архиепископ упомянуть и о старом строе, когда «мы жили под постоянным надзором приставленных к нам опекунов»¹³⁶. Спустя некоторое время Кирилл писал уже о «заре новой жизни», а в своем слове от 7 марта, призывал паству к спокойствию, восклицая: «Но как быть спокойным... когда всякий нерв трепещет от восторга, когда от избытка чувств уста сами глаголют»¹³⁷.

Позиция Кирилла не осталась незамеченной, и владыке пришлось давать пространные объяснения обер-прокурору. «До сведения вашего официальным путем доведено, что я решительно выступил против Временного правительства и нового государственного строя», — писал Кирилл В.Н. Львову. «Напечатанное мною воззвание действительно имело место, но в ту пору, когда о Временном правительстве и новом государственном строе не было еще и речи»¹³⁸.

По словам архиепископа вечером 1 марта он получил от губернатора приглашение «пожаловать сегодня... на экстренное совещание по особо важным вопросам». На совещании была зачитана телеграмма Родзянко об образовании при Государственной Думе Исполнительного комитета, а также его же телеграммы к царю и к командующим фронтами. «Все говорили только как верноподданные, и никто из нас присутствующих совершенно не обнаружил иного образа мышления». Было решено телеграммы Родзянко не публиковать. Однако уже во время этого совещания поступили телеграммы Совета рабочих и сол-

¹³⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Д. 46. Л. 4. Па экземпляре листовки, присланной обер-прокурору «доброжелателями» епископа, чернилами стоит дата послания — 3 марта, хотя можно предположить, что она вышла раньше.

¹³⁶ РГИА. Ф. 797. Он. 86. Д. 46. Л. 2 об.

¹³⁷ Выпущена также и виде листовки. В Российской Национальной библиотеке (РГБ) вклеена в номер «Тамбовских епархиальных ведомостей» от 4 марта.

¹³⁸ Тамбовские епархиальные ведомости. 1917. 17-18 марта.

¹³⁹ РГИА. Ф. 797. Он. 96. Д. 295. Л. 1.

датских депутатов, «изложенные совершенно в иных выражениях, чем в обращении Родзянко»¹³⁹.

По просьбе губернатора архиепископ составил обращение к пастве с призывом к спокойствию, которое было готово утром 2 марта и помещено в газете «Тамбовский край». Обращение писалось, подчеркивал Кирилл, когда «ни Временного правительства, ни нового государственного строя еще не существовало». Об отречении императора и отказе великого князя Михаила принять престол стало известно только 4 марта, «причем Синод, к участию в делах которого вы были призваны, хранил глубокое молчание», — писал он обер-прокурору. После получения этих новостей владыка пригласил к себе на совещание местное духовенство для «выработки формулы церковного поминовения новой Предержавной Власти, о чем немедленно было сообщено по телеграфу всем благочиниям епархии». На вечернем богослужении Кирилл произнес слово «об отношении к свершившемуся перевороту», повторенное 7 марта перед торжественным молебном по случаю установления нового государственного строя. «Слово это, — писал владыка, — слышали почти все представители местного официального мира». В заключение Кирилл сообщал, что с «первого дня нового государственного строя ему приходится постоянно и телеграфно, и письменно, и устно давать разъяснения и указания по вопросам, связанным с переживаемым моментом»¹⁴⁰.

Объяснение Кирилла погасило конфликт. Впоследствии ситуация в Тамбовской епархии оставалась спокойной. Этот властный и в то же время популярный в среде духовенства иерарх прочно держал в своих руках нити управления епархией.

Таким образом, даже в случае неосторожного высказывания архиерея по поводу произошедшего переворота он мог удержаться у власти благодаря авторитету среди духовенства и мирян.

В начале марта В.Н. Львов получил телеграмму о выступлении против нового строя Томского епископа Анатолия (Каменского). От архиерея потребовали объяснений. Епископ отвечал телеграммой: «Почитаю долгом совести засвидетельствовать, что агитации против нового строя я и духовенство не ведут, обвинение — или клевета, или недоразумение»¹⁴¹.

В более пространном объяснении, присланном затем в Синод, Анатолий заверял, что когда в Томске узнали «о перевороте и началось

¹³⁹ РГИА. Ф. 797. Он. 96. Д. 295. Л. 2.

¹⁴⁰ Там же. Л. А.

¹⁴¹ РГИА. Ф. 797. Он. 86. От. 3. Ст. 5. Д. 12. Л. 59.

смятение умов, я не делал никаких выступлений, ни частных, ни публичных, и стеснялся даже делать какие-либо распоряжения по своему ведомству». Даже когда к нему обратились за указанием, кого помянуть за службой «вместо лиц царского дома... советовал пока ограничиться упоминанием одного вел. кн. Николая Николаевича, как главнокомандующего, и ждал более точных распоряжений Синода»¹⁴⁵.

Епископ Анатолий отмечает, что такое производство поминовения было встречено всюду сочувственно. «Правда, за литургией в кафедральном соборе... мною был помянут наследник цесаревич и его родители, затем вел. кн. Михаил Александрович и Николой Николаевич в тех видах, что по телеграфным известиям по отречению государя престолонаследие должно было отойти к вел. кн. Михаилу Александровичу с оставлением наследником цесаревича Алексея».

По мнению епископа, «это единственный факт, который мог кому-нибудь не понравиться, но и он не был агитацией и не встретил каких-либо протестов». Архиерей также сообщал, что после того, как была получена телеграмма от первоприсутствующего члена Синода митрополита Владимира, формула поминовения тотчас же была сообщена духовенству епархии, и в своем обращении к Томской пастве, выпущенном в виде листовки, не высказывал ничего агитационного против Временного правительства. А созванное им собрание священнослужителей «приветствовало телеграммой Вас и через вас Временное правительство»¹⁴⁶.

5 марта епископ напечатал обращение к пастве, в котором, по его словам, не было ничего агитационного против Временного правительства. В этом послании, выпущенном первоначально в виде листовки, владыка писал, что «в какие бы формы не вылилась борьба народных партий вокруг Царского Престола, которая ведется в настоящую минуту, мы должны помнить, чтобы эта борьба не мешала нашей победе»¹⁴⁷. Ясно, что данную фразу в тех условиях можно было интерпретировать как завуалированную монархическую агитацию. Однако объяснения Анатолия, очевидно, удовлетворили обер-прокурора, и епископа оставили в покое.

В обращении к духовенству, опубликованном в епархиальных ведомостях и датированном 14 марта, владыка признал, что в мирное время «некоторые несогласия в понимании переживаемого момента могли бы существовать», а в настоящее военное время призывал подчинить-

ся Временному Правительству, так как без властей «страна не может существовать»¹⁴⁸. Объяснения епископа, видимо, не удовлетворили местное духовенство, и Анатолий вынужден был выступить со вторым обращением по «текущему моменту». «Переворот всех нас застал врасплох и перед каждым из нас поставил вопрос, к какому берегу пристать, как самоопределись политически, к какой партии примкнуть... Духовенству, несомненно, нужно держаться той или иной партии... хотелось бы видеть создавшуюся и хорошо организованную народно-крестьянскую партию»¹⁴⁹. Внешне владыка вел себя вполне лояльно по отношению к новому строю, отслужив 23 марта панихиду «по борцам павшим за свободу России». По его инициативе было назначено и время проведения епархиального съезда¹⁵⁰. Однако в епархии начала складываться сильная оппозиция правящему архиерею. (Подробнее об этом см. главу вторую.)

6 марта газета «Бессарабия» опубликовала проповедь, произнесенную накануне архиепископом Кишиневским Анастасием (Грибановским). В ней владыка призывал паству отречься от своих дел для служения делу спасения родины и «тем уподобиться Государю императору Николаю Александровичу, который из-за любви к России... отрекся от престола своих благочестивейших предков, сложил с себя верховную власть, чтобы хорошо было общей родине. Вспомним все дела государя, все, что сделал он на своем крестном пути, в свое царствование. Вспомним последний его завет, которым он призывает всех верных сынов отечества к исполнению долга»¹⁵¹.

Вырезка из данной газеты была отправлена каким-то «доброжелателем» архиерею, обер-прокурору Синода, от архиепископа потребовали объяснений. «...Полагаю со своей стороны, что эта проповедь, если она изложена правильно, могла вызвать при условии переживаемого момента возбуждение в народе против духовной власти...», — писал архиепископу обер-прокурор Синода¹⁵².

¹⁴⁵ Томские епархиальные ведомости. 1917. 15 марта - 1 апреля.

¹⁴⁶ Там же. 15 апреля.

¹⁴⁷ Там же. 23 марта Анатолий также прочел лекцию «о положении церкви в Северо-Американских Соединенных Штатах». Выбор темы был, по сообщению прессы, «определен текущим моментом». Анатолий некоторое время жил в США. Основной вывод владыки состоял в том, что совершенное отделение церкви от государства осуществить нельзя: «Верования членов правительства неизбежно скажутся на направлении их законодательной работы».

¹⁴⁸ РГИА. Ф. 797. Он. 86. От. 3. Ст. 4. Д. 64. Л. 70 б. В вырезке из газеты, присланной обер-прокурору, все места проповеди, касающиеся царя, подчеркнуты и поставлена надпись — «что за восхваления?»

¹⁴⁹ РГИА. Ф. 797. Он. 86. От. 1. Ст. 5. Д. 12. Л. 117.

¹⁵⁰ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 135. Л. 177-177 об.

¹⁵¹ Там же. Л. 178.

¹⁵² Там же. Л. 179.

«Вам угодно знать, правильно ли изложена моя проповедь от 5 марта... и какое она произвела впечатление», — отвечал Анастасий В.Н. Львову. «Изложена проповедь более чем неточно, но основная мысль представлена правильно». По словам владыки, произносил он данную проповедь, когда до Кишинева впервые дошла весть об отречении и когда «народ в массе не хотел поверить этому известию и примириться с ним. Воспользовавшись текстом манифеста, я постарался выяснить слушателям, что император Николай II добровольно отрекся от верховной власти во имя блага Родины... Это слово не только не вызвало возбуждение в народе против духовной власти, но и внесло заметное успокоение»¹³⁰.

Официальное же обращение к своей пастве архиепископ выпустил только перед праздником Пасхи. В нем владыка призывал подчиниться Временному правительству «и молиться о нем, пока весь великий русский народ не соберется на Учредительное собрание и не изберет себе властителя... Тем же, чья совесть не успела еще вполне примириться с т. н. новым строем, мы скажем, что Государственная власть по своей природе есть божественное учреждение, что анархия вредна как для общественной, так и для церковной жизни»¹³¹. Следует отметить, что выступления Анатолия, несмотря на некоторую двусмысленность, все же вряд ли можно было интерпретировать как «монархическую вылазку», видимо, поэтому каких-либо вопросов к нему у властей, после высказанных им объяснений, не было¹³².

Оправдываться перед властями пришлось и архиепископу Таврическому и Симферопольскому Димитрию (Абашидзе). «Сегодня узнал, — телеграфировал владыка 8 марта председателю Государственной Думы М.В. Родзянко, — что бывший вице-губернатор князь Горчаков, желая закрепить за собою губернаторское место, донес правительству о нежелании мною огласить манифест и отменить поминовение бывшего императора, смею уверить, все это не соответствует действительности». По словам Димитрия, известие об отречении и «существовании временного верховного правительства» он получил 4 марта в 12 часов и «беспрекословно принял решение повиноваться». Архиепископ сообщал также, что «лично просил губернатора прислать манифест для публикации, каковые и были разосланы по церквам». Была послана срочная телеграмма обер-проку-

¹³⁰ ГАИ. Ф. 797. Он. 86. От. 3. Ст. 4. Д. 64. Л. 69-70.

¹³¹ Кишиневские епархиальные ведомости. 1917. 2-9 апреля.

¹³² Странно, что М.А. Бабкин относит Анастасия (Грибаминского) к архиереям, занявшим позицию, «не соответствующую духу времени и новому государственному строю». См.: Бабкин М.А. Духовенство Русской Православной Церкви... С. 262.

рору Синода с запросом о формуле поминовения, а до этого им была выработана своя, которая и действовала до синодального определения. В тот же день, 4 марта, по словам архиепископа, он по телефону спросил у полицмейстера «о чтении манифеста в соборе, последовал ответ — лучше подождать».

«По архиепископской совести заявляю, — рапортовал в заключение Димитрий, — что я представляю всю важность настоящего момента и зависимость спасения отечества от безусловного, добросовестного повиновения новому верховному правительству. Я русский патриот и мною будут приняты все меры к проведению в жизнь всех распоряжений нового Верховного Правительства»¹³³. Далее Димитрий туманно информировал, что «не может умолчать о печальном впечатлении, об очередной проповеди архимандрита Андриана» и просил удалить его в другую епархию¹³⁴.

Как сообщало местное церковное издание, на пастырском собрании 9 марта местное духовенство выступило с резким осуждением проповеди архимандрита Андриана, «которая произвела на население тяжелое впечатление и вызвала в обществе нарекание на все духовенство». Было принято заявление городскому Комитету, что «духовенство с молитвой встречает зарю новых дней Церкви и Отечества и не солидарно с Андрианом»¹³⁵. Совершенно ясно, что проповедь архимандрита носила, как тогда говорили, «контрреволюционный» характер. В данном случае показательна реакция не столько духовенства, сколько самого архиепископа.

Обращение Димитрия к местному духовенству и мирянам, датированное самим архиепископом 5 марта, довольно примечательно. Вначале владыка писал о «губительных беспорядках, допущенных бывшим правительством... которое постоянно и искусно вводило всех нас в заблуждения... Ныне Промыслитель предоставил нас самих себе. Ныне Сам Царь Небесный занял Престол Русского Царства, дабы он Единый и Всевышний был верным помощником нашим в постигшей нас великой скорби, в бедствиях, нагнанных на нас руководителями государственной жизни нашей»¹³⁶. Очевидно, в данном послании можно было усмотреть закамуфлированную монархическую пропаганду. Однако вскоре на имя министра внутренних дел и обер-прокурора Синода пришла телеграмма из Симферополя от губернского комиссара Харченко с сообщением, что после

¹³³ ШИЛ. Ф. 797. Он. 86. От. 3. Ст. 4. Д. 64. Л. 37-39.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Таврический церковно-общественный вестник. 1917. 10-20 марта.

¹³⁶ Там же.

«личных переговоров с архиепископом все недоразумения устранены» и владыка «выразил полную готовность подчиниться новому правительству...»¹⁵⁷.

4 марта Пермский епископ Андронник (Никольский) выпустил «призыв ко всем православным христианам»¹⁵⁸, где говорил о «междоусобице» как о Божьем испытании, посланном России. Призывая повиноваться Временному правительству, владыка просил прихожан «умолять Бога, да не оставит Он нас надолго без Царя, как детей без матери», а все случившиеся события называл «скорбным унижением», выражая надежду, что с Божьей помощью Россия получит «родного Царя»¹⁵⁹.

Вскоре в Синод пришла телеграмма от Пермского комитета общественной безопасности, в которой сообщалось, что в проповеди Андронник «сравнивал Николая II с пострадавшим Христом и взывал к пастве о жалости к нему, сам называется¹⁶⁰ (!) на арест, (но) арест не желателен просим выслать вызов в Петроград»¹⁶¹. Ober-прокурор Синода Львов послал епископу телеграмму: «В виду полученных сведений, что Вы стали на защиту старого строя... прошу немедленно сообщить сведения по настоящему предмету»¹⁶².

Андронник отвечал с достоинством (стиль его писаний диссонирует с подобострастными, по большей части, оправданиями архиереев-«монархистов»). Так, говоря о новой власти, он писал: «Временному правительству подчиняюсь... однако боюсь только Единого Бога». Сообщал епископ также, «что создаваемый разными комитетами и советами рабочих террор в противовес нашим призывам к миру... быстрым шагом ведет к погибельной анархии.... Не боялся я прежде писать вышшим властям и даже лично... говорить царю о неотложной борьбе со всякой неправдой, что в народе зреет опасная смута, не боюсь и Временного правительства». О ситуации в Перми Андронник писал, что от «анонимных советов и разных комитетов бегут и комиссары правительства... Уверяю вас, что не далеко время, когда все это вызовет страшное народное негодование до ужасной междоусобицы, которую и

¹⁵⁷ РГИА. Ф. 797. Он. 86. От. 3. Ст. А. Д. 64. Л. 55.

¹⁵⁸ Даже внешне **призыв Андронника отличался от аналогичных** посланий: нее, что касалось Царской власти, написано с **прописных** букв, а Временное правительство со строчной.

¹⁵⁹ РГИА. Ф. 797. Он. 86. Д. 12. Л. 98 а. На **экземпляре** листовки, присланной обер-прокурору, **красными** чернилами надпись «**Явный** (!) пропаганда и **подстрекательство** против повой власти».

¹⁶⁰ **Местные** власти пытались арестовать епископа. Там же. Л. 73 об.

¹⁶¹ Там же. Л. 77.

¹⁶² РГИА. cl). 797. Он. 86. Д. 12. Л. 78.

поджидают немцы»¹⁶⁰. Очевидно, такой ответ не удовлетворил Львова, который направил запрос о деятельности владыки секретарю местной духовной Консистории¹⁶¹.

Секретарь Консистории П. Зеленев писал Львову, что 4 марта, после получения сведений об отречении императора, Андронником было сделано словесное распоряжение о возношении на богослужении имени великих князей, Михаила Александровича и Николая Николаевича. 7 марта было сделано распоряжение о поименовании новой власти. 19 марта владыка приводил к присяге «граждан... с призывом к верной и нелицемерной службе Государству Российскому»¹⁶². Никакой компрометирующей информации на архиерея рапорт секретаря не содержал.

Узнав про этот «секретный» запрос, Андронник писал обер-прокурору: «Я уже посылал вам объяснение моей „опасной“ по нынешним временам деятельности... недоумеваю, на каком основании находите обвинять меня в возбуждении народа не только против Временного правительства, но и против духовных властей вообще». В письме содержалось пожелание читать его «призыв» от 4 марта «как он есть». Наверное, понимая, что обер-прокурор прочитает его «как есть», Андронник оборонялся чрезвычайно тонко, защищая юридически неуязвимую позицию. В «акте об отказе от престола вел. кн. Михаила, узаконяющим Временное правительство, сказано, что после Учредительного собрания у нас может быть и царское правление, как и всякое другое, смотря по тому, как выскажется Учредительное собрание... подчинялся я монархии, подчинюсь и республике... до того же времени ни один гражданин не лишен свободы высказываться о всяком образе правления для России, в противном случае излишним будет и Учредительное собрание, если кто-то уже бесповоротно вырешил вопрос об образе правления в России»¹⁶³.

¹⁶³ РГИА. Ф. 797. Он. 86. Д. 12. Л. Т. 1-74 об.

¹⁶¹ «Прошу немедленно сообщить об отношении преосвященного Пермского к **новому строю**». Там же. Л. 79. Секретарь Духовной консистории находился в **непосредственном** подчинении обер-прокурору и рассматривался как **противовес** власти епархиального владыки «благодаря секретарям **обер-прокурор** всегда находился в курсе дел любой епархии, включая даже сплетни относительно архиерея». См.: *Римский СВ*. Российская церковь в апоху великих реформ. М., 1999. С. 77-79.

¹⁶² р[Г]ЦА. Ф. 831. Он. 1. Д. 86. Л. 26. О положении епископата Русской Православной Церкви при Временном правительстве... С. 102-107.

¹⁶⁶ РГИА. Ф. 797. Он. 86. Д. 12. Л. 80. Сохранился черновик письма Львова к Андроннику, где обер-прокурор **писал**: «Полагаю, что призыв, проникнутый чувством любви к старому **пеизержепному** правительству и **призыв** народа к **избранию** нового царя являются в настоящее время **несоответствующими** обстоятельствам момента и опасен в смысле возбуждения народа против Временного правительства и против духовной власти **вообще**». Там же. Л. 71.

Андронник также изложил суть своей полемики с Львовым и члену Синода архиепископу Арсению (Стадницкому), прося Новгородского владыку «оказать должное внимание к настоящему делу и не допустить безапелляционного ходатайства обер-прокурора... с унижением для архиерейства на непоправимый соблазн православных и на радость восставшим на Церковь»¹⁵⁷.

После всего этого Андронника оставили в покое¹⁵⁸. Можно предположить, что здесь сказались не только вышеприведенные аргументы владыки, но и его положение в епархии, где он пользовался непререкаемым авторитетом как у мирян, так и среди духовенства. Показательно, что епархиальный съезд в Перми полностью поддержал архиерея, который сумел в корне пресечь изгнание духовенства с приходов, принявшее в других епархиях характер стихийного бедствия¹⁵⁹. Конечно, нет смысла видеть в Андроннике и защитника синодального строя. Можно уверенно констатировать, что все наиболее авторитетные иерархи Церкви в последние годы стояли в оппозиции «антиканоническому» строю. Просто Пермский епископ не испытывал оптимизма по поводу возможности новой власти в условиях нарастающего хаоса разрешить и внутрицерковные проблемы, даровав Церкви долгожданную свободу.

6 марта в харьковской газете «Русская жизнь» была напечатана проповедь архиепископа Антония (Храповицкого) по поводу произошедших событий. *Меня спрашивают, почему я не отозвался... о том, кому теперь повиноваться в гражданской жизни, и почему перестали поминать на молитве царскую семью. Пусть не думают, что это молчание или то, что я сейчас скажу, внушено мне страхом. С 28 по 3 марта я ничего не говорил, потому что не знал, какова воля Государя, имя его по-прежнему возносилось на молитве». 3 марта, по словам Антония, решено было поминать Михаила. После отречения новый «государь велел повиноваться Временному правительству, состав которого, возглавляемый кн. Львовым и г. Родзянко, вам известен из газет. С этого момента означенное правительство стало законным в глазах всех монархистов». Антоний призывал к «послушанию Комитету новых министров» и его главе князю ЕЕ. Львову и М.В. Родзянко, «а равно и всем местным властям, которые были и будут утверждены упомянутым комитетом...». (Анто-

¹⁵⁷ ГАРФ. Ф. 550 (Арсений Стадницкий). Он. 1. Д. 56. Л. 1. Андронник и Арсению были хорошо знакомы, т. к. Андронник с 1908 по 1913 год был епископом Тихвинским, викарием Новгородской епархии.

¹⁵⁸ О дальнейшей трагической судьбе этого мужественного человека и Пастыря см.: Дамаскин (Орловский), Андронник (Никольский) Владимир Александрович // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. П. С. 411–413.

¹⁵⁹ Пермские епархиальные ведомости. 1917. 11–21 июня.

ний, очевидно, подобно ряду современников, смешивал Временное правительство, возглавляемое Г.Е. Львовым, и Временный комитет Государственной Думы, возглавляемый М.В. Родзянко).

Отмену молитв за царя архиепископ объяснял тем, что царя теперь нет, «оба царя от управления Россией отказались сами, а насильственно их невозможно именовать тем наименованием, которое они с себя сложили. Если бы царь наш не отказался от власти и хотя бы томился в темнице, то я бы увещал стоять за него и умирать за него... От вас зависит, если желаете, устроить снова царскую власть в России, но законным порядком, чрез разумные выборы...»¹⁷⁰. Пересылая данное поучение в Синод, Антоний писал, что «препровождает его на благоусмотрение Синода... и покорнейше просит указать о том, правильно ли я поступил»¹⁷¹. Несмотря на то что поучение архиепископа можно было интерпретировать как монархическую агитацию, от Антония не стали требовать, как от Андронника, каких-либо объяснений.

Возможно, это объясняется тем, что уже через несколько дней Харьковский владыка стал проситься на покой. Конечно, Антоний не делал открытых заявлений против революции. Однако, чтобы разобраться в настоящей ситуации, он советовал читать пастве книгу протоиерея Т. Буткевича «Уроки Французской революции» издания 1907 года¹⁷². В либеральных церковных кругах данное произведение рассматривалось как антиреволюционный памфлет и намек Антония был понят¹⁷³. В целом позиция самого известного в России архиерея-монархиста была близка позиции епископа Андронника, хотя и была выражена более осторожно.

Дело Екатеринбургского епископа Серафима стоит особняком среди прочих «архиерейских процессов» после Февральской революции. Серафим стал единственным архиереем, уволенным на покой именно по причине произнесения проповеди по поводу революционных событий. Власти в лице обер-прокурора Синода проявили завидную дотошность, проведя настоящее следствие по поводу одного-единственного выступления, которое преосвященный неосторожно позволил себе 2 марта 1917 года. Реконструкция данной проповеди архиерея сама по себе малоинтересна в отличие от многих писаний, которые опальный владыка направлял во все инстанции — от местного Комитета общественной безопасности до обер-прокурора включительно.

¹⁷⁰ Русская жизнь. Харьков. 1917. 6 марта // РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 69. Л. 10.

¹⁷¹ Там же. Л. 7.

¹⁷² Пастырь и паства. Харьков. 1917. № 11–12. С. 332.

¹⁷³ Титлинов Б. В. Церковь во время революции... С. 57.

Будучи проездом в Екатеринбурге, член Государственной Думы священник И. Боголюбов направил В.Н. Львову письмо, в котором сообщил, что местный епископ Серафим подвергнут домашнему аресту, «ввиду сильно обострившихся отношений к нему населения», а духовенство и Консистория «порвали с ним всякие отношения»¹⁷⁴. Еще раньше в Синод пришла телеграмма об «опасной деятельности архиерея»¹⁷⁵. Львов решил провести следствие в «целях сохранения спокойствия в епархии».

Дознание на месте проводил офицер для поручений Военной комиссии Временного комитета Государственной Думы прапорщик Тарусин¹⁷⁶. Вскоре обер-прокурор получил его рапорт с протоколами допросов, а также многочисленные писания самого Серафима. Тарусин отнесся к делу ответственно: показания были сняты с 38 человек, от домохозяйки до владельца завода. Чем руководствовался прапорщик при привлечении к делу свидетелей, неясно: некоторые знали о деятельности Серафима только по слухам, которые и заносили в протоколы допросов.

Расследование складывалось неблагоприятно для владыки: «свидетели» обвиняли его в монархизме, распутинщине и антисемитизме. Однако центральное место в показаниях занимала речь, сказанная им в соборе 2 марта, где Серафим именовал членов Государственной Думы «кучкой безумных бунтовщиков», подкупленных немецкими агентами, призывал население стоять за царя до смерти, а также «звал паству к погрому» (непонятно, к какому. — П. Р.).

В своих письмах архиерей оправдывался довольно оригинально. «Ниспосланным изволением Божиим, — писал он, — политические обстоятельства легли тяжким бременем на мою личность. Не будучи в курсе дела, я, имея только скудные известия о беспорядках в Петрограде, случайно 2 марта выразил по долгу епископского служения скорбь, призвал хранить верность Государю... этот мой молитвенный призыв, какими-то злонамеренными провокаторами извращен в погромную речь и пущен по рукам в сотнях оттисков и сделал свое дело в целях, желательных для крайне левых элементов»¹⁷⁷.

Достоверные сообщения о революции и об отречении царя появились в Екатеринбурге 4 марта, до этого провинция питалась слухами. Тогда, по образному выражению «Епархиальных ведомостей», «все летели и летели новые вести одна другой серьезней, одна другой отрадней. При этих необычных известиях душа рвалась к небу...»¹⁷⁸.

¹⁷⁴ ТИА. Ф. 797. Он. 96. От. 1. Ст. 5. Д. 294. Л. 4.

¹⁷⁵ Там же. Он. 204. Д. 112. Л. 54.

¹⁷⁶ Там же. Л. 130.

¹⁷⁷ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 112. Л. 1.

¹⁷⁸ Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1917. 19 марта.

В доказательство своего неведения Серафим направил в Синод местные газеты от 2 марта¹⁷⁹. После сообщения об отречении императора по запросу Городского головы владыка заявил, что признает Временное правительство, однако местный Комитет общественной безопасности потребовал от него подписку о невыезде и «прекращения сношения с народом». Интересно отметить, что в целях «безопасности» новые власти даже отключили телефон в покоях епископа¹⁸⁰.

Особенно сожалел Серафим о том, что из-за всего этого не смог выразить приветствие Временному правительству и обер-прокурору, а также и Комитету общественной безопасности. Последнее особенно примечательно ввиду того, что епископ был арестован именно этим органом власти¹⁸¹. Говоря же о своем выступлении 2 марта, он заметил, что версия, попавшая в прессу, «заслуживает не только кары, которую я несу и гораздо более суровой...»¹⁸². Фраза, попавшая в печатный текст проповеди именовала членов Государственной Думы «шайкой безумных бунтарей». «Нет, — писал епископ, — я не говорил "шайка", да еще безумных... Я сказал "кучка бунтарей", а это не все равно, что шайка»¹⁸³. Далее епископ замечал, что тогда еще не знал, «что это была не „кучка бунтарей" революционеров, а целый ряд лиц, достойных уважения и обессмертивших свои имена совершением подвига, освободившего Россию от целого ряда неумных правителей, подвига, давшего нашей Родине свободу развития на пути к просвещению и культуре. Но это стало известно после. Этих лиц, которых я назвал бунтарями, было хоть и немного, но они подметили общее недовольство всей России, а потому совершили не бунт, а разумный государственный переворот»¹⁸⁴.

В своих писаниях Серафим прибегал и к «сравнительно-историческому» методу, говоря о «Выборгском воззвании», что только «теперь можно назвать это гражданским подвигом, а в то время оно называлось иначе». О событиях 1905 г. он вспоминал, что «видел, как лилась кровь неповинных людей (!) за баррикадами» и добавлял, «что бы со мной

¹⁷⁹ «Уральская жизнь» и «Зауральский край». 15 передовицах газет можно было прочитать распоряжение полицмейстера, ввиду предстоящей весны, «сбрасывать снег с крыш с крайней осторожностью». Еще 2 марта в Екатеринбурге можно было посмотреть драму в 2 ч. «Любовь была его святыней», каких-либо известий из столицы нет. РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 112. Л. 8 а.

¹⁸⁰ Там же. Л. 1 об.

¹⁸¹ Там же. Л. 2.

¹⁸² Там же. Л. 38 об.

¹⁸³ Там же. Л. 39.

¹⁸⁴ Там же. Рассуждения Серафима по поводу событий в Петрограде показывают, как плохо епископ представлял реальную картину революции.

сделали власти старого режима, если бы я тогда стал на сторону бунта». Рассуждая о присяге монарху, Серафим отметил, что, пока существовал старый строй, он «был верным сторонником его, ибо я смотрю на присягу не как немцы на Международное право»¹⁸⁵.

Но когда Николай II отрекся, он «тем самым развязал руки нам, после чего и я счел себя вправе перейти на сторону новой власти». Говоря же о позиции духовенства, епископ писал, что оно, «конечно, смалодушничило», ибо должно было выступить с аналогичными, как и он, призывами, хотя и это «были слова того момента, когда произносились, и от которых почти отказался и я»¹⁸⁶.

Зывал Серафим и к логике своих обвинителей. «Ради Бога, посудите сами, граждане, мог ли я сказать: вот, дорогие братья! некоторые члены Государственной Думы выступили против правительства и царя! Помолитесь, чтобы Господь помог им! Будьте же справедливы ко мне... когда я твердо стою на новой дороге, и ни к чему это недоверие. Если бы я сказал что-нибудь вроде прежнего теперь... это было бы дело другое, и я заслужил бы возложенную на меня кару»¹⁸⁷. Можно предположить, что даже в Синоде такие писания архиерея могли показаться слишком схоластичными (хотя, судя по пометкам в рукописи, читали их внимательно).

В самом же Екатеринбурге, который Серафим называл «одним из либеральнейших и свободолюбивых городов»¹⁸⁸, настроение было самое серьезное. Так, Съезд уполномоченных комитетов общественной безопасности послал в Синод 17 марта письмо, в котором отмечалось, что «по выслушивании словесных докладов уполномоченных с мест, между прочим, выяснилось, что не исключена возможность выступления отдельных групп населения к реставрации павшего государственного строя, особенно со стороны агентов прежней власти»¹⁸⁹. Одним из этих «агентов» считали и местного епископа. Судьба Серафима была решена, и Синод без колебаний отправил архиерея на покой¹⁹⁰.

Увольнение Серафима все же произошло не только по причине произнесения им злополучной проповеди. Важную, если не определяющую, роль сыграла и позиция местного духовенства. Преосвященный, видимо, и до этого не пользовавшийся авторитетом в епархии, после

своего выступления был в прямом смысле «бойкотирован» екатеринбургским церковным обществом.

Можно констатировать, что все епархиальные архиереи признали Временное правительство и принесли ему присягу. Конфликтные ситуации, возникшие после письменных и устных воззваний некоторых владык, произошли в первые дни революционных событий и объясняются малой осведомленностью преосвященных о ситуации в столице, а не «контрреволюционными намерениями».

Те из архиереев, которые выступили было с монархическими воззваниями, быстро отмежевались от своей «ошибочной» позиции. Только два архиерея, Антоний и Андронник, печатно назвали себя монархистами, а последний еще и вступил по этому поводу в полемику с обер-прокурором. Но даже наиболее оппозиционно настроенный владыка Антоний свое, судя по всему, отрицательное отношение к перевороту выражал лишь в эзоповой форме, в рекомендации читать «контрреволюционную» литературу.

Важной причиной обвинений епископата служил также вопрос о поминовении. Синодская формула о «Богохранимой державе и благоверном Временном правительстве», абсурдная по своей сути (как можно возглашать многолетие правительству временному?) явно запоздала. Поэтому архиереям и духовенству часто приходилось на свой страх вырабатывать свою форму возношений. Однако после официального доведения синодской формулы, случаи «неправильного» поминовения в среде епископата не известны¹⁹¹.

¹⁹¹ Совсем по-другому обстоит дело с рядовыми священнослужителями. Среди них нашлось немало тех, которые по той или иной причине не признали новую власть. Некоторые продолжали поминать царскую семью, по крайней мере, до лета 1917 года. Такие случаи отдельно расследовались церковными и светскими властями. Изучение конкретных ситуаций представляет трудноразрешимую источниковедческую задачу. Если священник не признавался в факте «неправильного» поминовения («кого хочу, того и поминаю» или «поминал и впредь буду поминать»), трудно отличить оговор от реально произошедшего события. См.: также: *Колоницкий Б.И.*, Символы власти... С. 59-62. Видимо, часто после революции обвинение священнослужителя в неких «контрреволюционных» деяниях можно рассматривать, как просто сведение старых счетов. Это служило весомым поводом избавиться от псу[одного] но какой-либо причине священника. Так, например, священника Киевской епархии *Павлюченко* в 1916 году, судя по доносу, обвиняли ни много ни мало как в непризнании непорочного зачатия Иисуса Христа. После *Февральской* революции, его упрекали уже в «деятельности, направленной к низвержению государственного строя». ЦГИА Украины. Ф. 127. Оп.953. Д. 39. Л. 2-4 об. Как показало епархиальное расследование, поводом для обвинения в контрреволюции послужила единственная фраза, сказанная Павлюченко после смены власти, — «Господи рано еще радоваться». (Там же.) Под церковное следствие по факту «контрреволюционных» выступлений попадали и светские лица. См.: *Рогозний П.Г.* «Пред нашими взорами совершился суд над историей». (Проповедь профессора Л.А.Дмитриевского 5 марта 1917 года// Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2008. Т. XXX. С. 447-455.

¹⁸⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 112. Л. 56.

¹⁸⁶ Там же. Л. 40 об.

¹⁸⁷ Там же. Л. 40 об. 41.

¹⁸⁸ Там же. Л. 2 об.

¹⁸⁹ Там же. Л. 130.

¹⁹⁰ Там же. Л. 122.

В определении архиереями своей позиции по отношению к революционным событиям важную роль играли три временных фактора. Первое — время получения первоначальных известий о начале беспорядков в столице; второе — информация об отречении государя и образовании нового правительства, третье — известие об официальной реакции Святейшего Синода. В соответствии с получением данной информации могла меняться, по крайней мере, публичная позиция епархиального архиерея.

Получение официальной реакции высшего церковного органа, по сути, ставило точку на возможном до этого колебании части епископата и рядового духовенства. Только после этого любую нелояльную позицию, исходящую из среды духовенства можно называть в соответствии с терминологией того времени как «контрреволюционную». Но таких случаев в среде высшего духовенства не было. Рассмотренные выше конфликты по поводу первоначальной реакции высшего духовенства — все, которые удалось выявить. Энергия, с которой обер-прокурор пытался разобраться с такими ситуациями позволяет с уверенностью предположить, что любая нелояльная позиция епископа не была бы оставлена без последствий.

Говорить об искренности обращений всего епископата по поводу революции и или нового строя, конечно, нельзя. В некоторых случаях владыки и проявили явный «оппортунизм» и «соглашательство».

И уж совсем нелепо считать, что свержение самодержавия «было выгодно членам высшей иерархии, поскольку уничтожение власти императора как помазанника Божия снимало и сам многовековой историко-богословский вопрос о преобладании власти царя над властью первосвященника или первосвященника над царем»¹⁹¹.

Современный исследователь М.А. Бабкин также пишет, что «призывы, прозвучавшие с церковных амвонов и со страниц епархиальных изданий, побуждали народ к повиновению новой власти, способствовали формированию у него положительного отношения к свержению династии Романовых, и тем самым фактически узаконили Февральскую революцию»¹⁹². Трудно согласиться с таким мнением, ибо поли-

¹⁹¹ Бабкин М.А. Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии. (Начало XX в. - конец 1917 года.) М., 2007. С. 34. При чтении работ Бабкина складывается впечатление, что духовенство Православной Церкви только и волновал вопрос о взаимоотношении священства и царства. Все сложнейшие вопросы церковной истории начала XX века автор рассматривает через призму этой идеи, значение которой автор многократно приуменьшает. Видимо теократические идеи сидели в голове у нескольких епархиальных архиереев и нескольких наиболее активных священников. Громадное же большинство духовенства волновало куда более прозаические проблемы.

¹⁹² Бабкин М.Л. Приходское духовенство Российской православной церкви и падение монархии // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 69.

тическая эффективность выступлений епархиальных архиереев, не говоря уже о приходском духовенстве, фактически равнялось нулю. В схожей ситуации после Октябрьского переворота анафема, провозглашенная большевикам, не помогла их противникам и, следует признать, не сильно повлияла на общую политическую ситуацию¹⁹³. Можно предположить, что выступления высших иерархов имели влияние лишь на позицию рядового приходского духовенства.

Конечно, никакой реальной альтернативы у иерархов и, тем более, у Синода не было. Говоря о возможности какого-либо другого сценария событий, следует учитывать всю совокупность факторов, а не вырывать из контекста всей революции только позицию иерархов, заседавших в Синоде¹⁹⁴.

Выступления владык против революции способны были принести неприятности только им самим, но не повлиять на ситуацию в епархии. Да и возможность удержаться у власти определялась не отношением архиерея к революции, а популярностью его в среде духовенства и прихожан. Это хорошо видно при более детальном рассмотрении ситуаций в различных епархиях Российской Церкви после Февральского переворота.

Ошибочно целиком списывать подобное отношение к революции на малодушие высших иерархов, или на «сервилизм» Церкви в целом, как это делал Л.Д. Троцкий. Он иронизировал по поводу легкого перехода Церкви от «самодержавного» к «благоверному временному правительству»¹⁹⁵. В гораздо более серьезной ситуации, при приходе к власти большевиков, ничего этого не наблюдалось. Большинство и иерархов, и священников были люди большого мужества, их не сломали даже сталинские репрессии, когда вопрос вставал не о власти в стране, а о самой вере, лишь единицы из тысяч позволяли себе какой-либо компромисс.

Несомненно, что основным был факт отречения Николая и отказ от престола Михаила Александровича и призыв последнего к поддержке новой власти. (Всегдатурдно быть роялистом без короля). В связи с этим

¹⁹⁴ Хотя в знаменитом анафемствовании патриарха Тихона от 19 января 1918 года большевики не упоминались, совершенно ясно, что оно было направлено непосредственно против них. Именно так оно и воспринималось в обществе. Отказ от термина большевизм, возможно, произошел по вполне наивной причине, которую декларировали члены соборной комиссии по «церковному большевизму», когда было решено отказаться от термина большевизм и большевик «дабы не рекламировать и не популяризировать среди народа гнусного лжеучения... а в актах, исходящих от Собора, заменяя означенные термины соответствующим описанием». (РГИЛ. Ф. 833. Он. 1. Д. 33. Л. 4 об.)

¹⁹⁵ М.А. Бабкин посвятил доказательству возможной альтернативы в поведении членов Синода целый раздел в своей монографии. См.: Бабкин М.А. Духовенство Русской православной Церкви... С. 203-212.

¹⁹⁶ Записка Л.Д. Троцкого » Политбюро ЦК РКП (б) о политике по отношению к церкви. (30 марта 1922 г.) // Политбюро и Церкви. 1922-1925. Новосибирск; М., 1997. Кн. 1. С. 161.

интересно обращение киевского духовенства, подписанное — «епископы и священники г. Киева». В нем сообщалось, что «Николай II особым указом утвердил временное Правительство, возникшее по почину Государственной Думы и вместе с тем в манифесте, подписанном 2-го марта, признал за благо отречься от престола». Далее содержалась информация об отказе Михаила и призыв: «подчиняйтесь же временному Правительству, как законно поставленному»¹⁹⁷. Явно прослеживается путаница: Николай, конечно, назначил председателем Совета министром князя Г.Е. Львова, но никакого Временного правительства не утверждал.

Новая власть, следовательно, рассматривалась как вполне легитимная. В Государственной Думе многие видели «революционного вождя» и Временное правительство рассматривали как правительство Государственной Думы¹⁹⁸. Важно и то, что новая власть не рассматривалась духовенством как богоборческая. Сказалось и общее оппозиционное отношение высших иерархов к синодальному строю. Что бы ни писалось по поводу Распутина, но вера в его всесильное влияние в среде духовенства была чрезвычайно сильна. Конечно, многие выжидали, чем окончится «борьба вокруг престола». Этим и можно объяснить колебания и непоследовательность части архиереев в первые дни революции.

И, наверное, самое важное: Февральская революция, в отличие от Октябрьской, по сути расколовшей общество, была кратким мигмом консолидации фактически всего общества уже бывшей Российской империи. Ее приветствовали люди совершенно разной политической ориентации от Ленина до Пуришкевича.

Многим казалось, что она остановит хаос и беспорядок. Так, например, небезызвестный профессор Московского университета И.А. Ильин писал, что «русская революция 1917 года была с самого начала революцией во имя порядка. Старая власть отошла в прошлое под флагом "беспорядок во имя самодержавия, поражения и сепаратного мира"... февральский переворот... есть порождение всенародной воли к порядку, т. е. к свободной организации народа и всенародного сознания, что демократический строй необходим для победы, а с победой связана судьба русской демократии»¹⁹⁹. Неизвестно, вспоминал ли впоследствии идеолог монархии о своих высказываниях после Февральской революции?

¹⁹⁷ Киевские епархиальные ведомости. 1917. 12 марта.

¹⁹⁸ Николаев Л.Б. Государственная дума и Февральской революции: Очерки истории. Рязань, 2002. С. 250. Ср.: Даже 7 марта в воззвании одесского генерал-губернатора сообщалось, что в «управление вступило новое правительство под верховным руководством Исполнительного Комитета из членов Государственной Думы под председательством М.В. Родзянко». (Таврический церковно-общественный вестник. 1917. 10–20 марта.)

¹⁹⁹ Ильин И.Л. Порядок или беспорядок?// Ильин И.Л. Собр. соч. М., 1999. Т. 9–10. С. 91–92.

ГЛАВА 2

Епархиальные архиереи и духовенство: Борьба за власть

Борьба за власть в епархиях Российской Церкви

4 марта, явившись в Синод, В.Н. Львов сразу же приказал убрать из зала заседаний царское кресло²⁰⁰. Такой символический жест мог быть интерпретирован не только как разрыв союза поверженного самодержавия и Церкви, но и как гарантия независимости последней от государственной власти вообще. Однако сам обер-прокурор считал иначе, и 14 апреля по его инициативе старый состав Синода («церковная цитадель, в которой засели агенты старого строя»²⁰¹) указом Временного правительства был распущен. В новый Синод были приглашены экзарх Грузии, впоследствии архиепископ Тифлисский Платон (Рождественский), архиепископ Ярославский Агафангел (Преображенский), епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), епископ Самарский Михаил (Богданов), протопресвитер Н. Любимов и протоиереи А. Смирнов, А. Рождественский и Ф. Филоненко. Единственным человеком, перешедшим из старого состава Синода в новый, был архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), впоследствии советский патриарх, слышавший уже тогда в церковных кругах «оппортунистом»²⁰².

Новые члены Высшего церковного органа считались более либеральными и не противодействовали кампании по очистке Церкви от «распутинского епископата», которую Львов начал еще при старом

²⁰⁰ Шавельский Г., протопресвитер. Церковь и революция // Церковно-исторический вестник. М., 1998. № 1. С. 116.

²⁰¹ Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 14 апреля.

²⁰² О роспуске старого состава Синода см.: Фруменкова Т.Г. Указ. соч. С. 77–78; Фирсов СМ. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-Х-1918). М., 2002. С. 495–497.

Синоде с самых одиозных, но его мнению, фигур, таких, как Петроградский митрополит Питирим (Окнов), Московский — **Макарий** (Невский) и Тобольский архиепископ Варнава (Накропин).

Питирим и Варнава, без сомнения, были два самых ненавидимых и презираемых иерарха предреволюционной России. Назначенные на свои кафедры без обсуждения Синодом, по личному распоряжению императора, владыки считались, не без основания, главными протезе Распутина. Сразу после переворота 28 февраля Питирима арестовали и препроводили в Государственную Думу. В столице даже ходили слухи, что митрополита арестовали в бане.

Появление его в Таврическом дворце было «встречено со стороны солдат и народа враждебно». Митрополиту сообщили, что распоряжения об его аресте со стороны Временного комитета не было. Однако владыка, очевидно, опасавшийся расправы, пожелал сначала оставаться в здании Думы. После переговоров с депутатами он согласился вернуться в Александро-Невскую Лавру. Уезжая, преосвященный подал М.В. Родзянко прошение об увольнении²⁰¹.

Конечно, перепуганный владыка с прошением обращался явно не по адресу. Только через несколько дней, 5 марта, Питирим писал первоприсутствующему в Синоде митрополиту Владимиру: «Настоящее мое положение в иерархии церковной постоянно тяготило меня, и я всегда был готов отказаться от управления и уйти на подвиг молитвы, в какой-нибудь монастырь». Митрополит испрашивал разрешения поселиться в пределах Владикавказской епархии, а в случае же невозможности или «других уважительных причин» направить его в любую другую епархию, епископ которой «согласился бы принять меня». Определением Синода на следующий день Питирим был уволен, с назначением ежегодного пособия в размере 4 тысяч рублей²⁰⁴.

Вообще Питирим был колоритной личностью. И конечно его не стоит мазать черной краской, как это делали после революции²⁰⁵. По

²⁰¹ «I [протокол событий] Февральской революции // Февральская революция: Сборник документов. М., 1996. С. 122. Составитель данного «протокола», начальник Общего собрания дел канцелярии Думы Я.В. Глинка, приводит также текст самой записки Питирима, которая по многим текстурально совпадает с прошением митрополита, поданным уже в Синод. Ян р г и а. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 34 а. Л. 1-2.

²⁰⁵ На экземпляре книги «Состав Святейшего Синода...», находящейся в РНБ и ранее принадлежавшей видимо синодскому чиновнику Невдачину(?), карандашом сделаны некоторые приписки с характеристикой иерархов. На странице, посвященной Питириму: «...Вечная память доброму владыке, моему ректору и начальнику по службе, к которому слишком односторонне-жестко отнеслись его современники». Состав Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода и Российской церковной иерархии. Иг., 1917. С. 27. (Шифр 18.33.6.1.) См. также: Фруменкова ТТ. Синод в 1917 году... С. 76-89.

словам лично знавшего его Титлинова, митрополит был «не прочь заигрывать с общественным мнением, братья за либеральные начинания...»²⁰⁶. Одним из таких была и реформа прихода, сторонником которой был и митрополит. В частных беседах о своих связях с Распутиным митрополит отзывался о них, как «об избрании меньшего зла, чтобы избежать большего»²⁰⁷.

Тобольского архиепископа Варнаву (Накропина) уволили определением Синода от 7-8 марта с формулировкой «согласно ранее поданному прошению». В определении содержалась и «справка», что Варнава подал прошение об увольнении еще 6 февраля 1916 года²⁰⁸. Епархиальным архиереем в Тобольск был административно назначен епископ Гермоген (Долганов), бывший Саратовский владыка, находившийся в «заточении» в Николо-Угрешском монастыре в Москве²⁰⁹. Прибывший в епархию Гермоген очевидно довольно быстро нашел общий язык с местным духовенством, и ситуация в ней на протяжении 1917 года оставалась спокойной²¹⁰.

Варнава уже 10 марта телеграфировал в столицу, что он «подчиняется воле нового правительства и сегодня оставляет управление епархией»²¹¹. Затем церковные и светские власти обменивались телеграммами по поводу судьбы переписки архиепископа Варнавы, арестованной местным исполнительным комитетом. Сам Варнава был отправлен в

²⁰⁶ Титлинов И.И. Церковь во время революции... С.53.

²⁰⁷ Якубович ///. Дневниковые записи. 1916-1918 гг. // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. СПб., 1999. С. 107.

²⁰⁸ РГИЛ. Ф. 797. Он. 86. От. 3. Ст. 4. Д. 14. Л. 3. Синод пытался уволить Варнаву еще в 1915 году вследствие самочинного прославления Иоанна Тобольского. Однако в результате оказался в отставке обер-прокурор Синода Л.Д. Самарин. См.: Фриз. Г. Церковь, религия и политическая культура на закате Старого режима // Реформы или революция? Россия. 1861-1917. М., 1992. С. 41-42; Фирсов СМ. Русская Церковь накануне перемен... С. 433-437.

²⁰⁹ В 1912 году епископ Гермоген был уволен от управления Саратовской епархией за обличение распутищины, и по высочайшему повелению заключен в Жировитский монастырь, где проживал в стесненных условиях. После оккупации Варшавы по распоряжению великого князя Николая Николаевича, который благоволил опальному владыке, он был перевезен в Москву. См.: Шавельский Г., протопресвитер. Воспоминания... Т. I. С. 273-276.

²¹⁰ М.Л. Бабкин, как и ряд других исследователей, относит Гермогена к архиереям активно не принявшим революцию, возможно, это и так, однако источником в данном случае служит «надпись» епископа на журнале епархиального съезда духовенства Тобольской епархии проходившего 20-27 мая 1917 года, опубликованная в «епархиальных ведомостях» только 1 августа. См.: Тобольские епархиальные ведомости. 1917. 1 августа. До этого преосвященный никаких публичных заявлений, видимо, не делал. И когда его взгляды стали известны, в стране была уже совершенно другая общественно-политическая обстановка. И очень многие, уже не стесняясь, «проклали» революцию.

²¹¹ РГИЛ. Ф. 797. Он. 86. От. 3. Ст. 4. Д. 14. Л. 6.

Нижегородскую епархию. Уже летом оттуда сообщали, что проживающий в Арзамасе Варнава «ведет контрреволюционную агитацию». Нижегородский комиссар предлагал перевести владыку в губернский город в «целях лучшего надзора за ним»²¹².

Если Питирима и Варнаву уволили без всяких проволочек, то с престарелым митрополитом Макарием дело обстояло сложнее. Он был назначен на московскую кафедру в 1912 году по личному распоряжению Николая II в обход мнения Синода и обер-прокурора В.К. Саблира. Царю были представлены обер-прокурором три кандидатуры на должность московского архиерея, однако они не получили утверждения. Саблир получил письменное распоряжение императора: «Пришлите мне указ о назначении Московским митрополитом архиепископа Томского и Алтайского»²¹³.

В прошлом известный миссионер и просветитель Алтая, пользовавшийся большой популярностью в среде «иногородцев», к моменту назначения в Москву 82-летний Макарий был уже дряхлым старцем. Имевший только семинарское образование, владыка «просвещал» московскую образованную публику, рассказывая поучения, как надо складывать пальцы при наложении крестного знамения или как кланяться иконам. Кроме того, преосвященный мог заснуть во время богослужения, или «затеряться» в Сергиевой Лавре во время посещения ее императором²¹⁴. Конечно, он не был в состоянии контролировать епархиальную администрацию, злоупотребления которой стали притчей во языцех. Макария не любили и считали распутинским ставленником²¹⁵.

Неприятности у владыки начались с первых дней Февральской революции. Еще 24 февраля на Невском проспекте (Макарий на время синодальной сессии находился в столице) агрессивная настроенная толпа пыталась задержать его карету. Однако у членов Синода, по словам товарища прокурора Жевахова, данный эпизод вызвал только злую иронию: «Пора старцу уйти на покой»²¹⁶.

²¹² РГИЛ. Ф. 797. Он. 86. От. 3. Ст. 4. Д. 14. Л. 35.

²¹³ [Записка директора синодальной канцелярии П.И. Гурьева о «распутинских назначениях» и среде высших иерархов] // ИГИА. Ф. 796. Он. 445. Д. 745. Л. 2.

²¹⁴ См.: Розанов И.М. Второе сословие: Мои воспоминания о жизни московского духовенства в последнее пятидесятилетие перед революцией // Ученые записки. М., 2000. № 6. С. 158-159. Волков С. Возле монастырских стен. М., 2000. С. 211-212.

²¹⁵ Автор апологетического жизнеописания и воспоминаний о Макарии писал, что, «к сожалению, столь дивного архипастыря современная Москва не приняла». Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания. М., 1995. С. 201. Архиепископ же I [икон писал: «Московский (митрополит) уже во власти хлыста и считает его чуть ли не за святого». Письмо архиепископа Пикона архиепископу Арсению // Церковно-исторический вестник. М., 2000. № 2-3. С. 203.

²¹⁶ Жевахов И.Л. Воспоминания... Т. 1. С. 285.

После революции в Петроград специально приехала делегация из Москвы уговаривать владыку добровольно подать прошение об отставке²¹⁷. К атаке на митрополита активно подключился и обер-прокурор Синода В.Н. Львов, который ультимативно потребовал от него написать прошение об увольнении. Однако члены Синода на очередном заседании возвратили опальному владыке его прошение, «как написанное под угрозой». Такой демарш членов Синода следует объяснять не особым уважением к Макарию, а, возможно, корпоративной солидарностью. Архиереи понимали, что случай с Макарием может стать прецедентом для последующих возможных действий и против них.

Между тем в Москве дело об увольнении Макария считали решенным. Церковную среду лишь беспокоила возможность административного назначения нового иерарха. «Московское духовенство беспокоится назначением митрополита прежним порядком, что вселяет тревогу и в обществе...», — телеграфировал в Синод комиссар Первопрестольной Н.М. Кишкин²¹⁸.

12 марта в Москву прибыл обер-прокурор Синода В.Н. Львов, чтобы познакомиться с настроениями московского духовенства. В тот же день вечером на квартире епископа Дмитрия состоялась встреча Львова с представителями духовенства и мирян епархии. Как сообщалось в прессе, все присутствующие, за исключением епископов, единогласно заявили о полном расстройстве епархиального управления в бытность митрополита Макария. Однако присутствующий на собрании епископ Антонин (Грановский) высказал «сожаление о том, что, по слухам, В.Н. Львов позволил себе, чуть ли не с оружием в руках, требовать от митрополита Макария подачи прошения об увольнении. Это вызвало резкую отповедь со стороны присутствующих, указавших, что это клевета»²¹⁹. Прибывший также в Москву Макарий, под всеобщим давлением, написал второе прошение об увольнении, по которому и был отправлен на покой.

Однако вскоре бывший московский владыка нашел грамотного и богословски образованного союзника и советчика в лице ректора Духовной академии епископа Волоколамского Феодора (Поздеевского). Последний находился в схожей с митрополитом ситуации: его увольнения требовала практически вся корпорация Академии. За годы ректорства

²¹⁷ Возглавил делегацию из Москвы Самарин, в ее составе также были Кузнецов, Любимов, Новоселов, Мансуров, Цветков и другие видные представители церковных кругов. О посещении делегацией Макария и о беседе с ним сохранились интересные воспоминания, записанные со слов очевидца протопресвитера Любимова. См.: Розанов П.П. Второе сословие... С. 159-162.

²¹⁸ РГИЛ. Ф. 796. Он. 86. От. 3. Ст. 5. Д. 64. Л. 36.

²¹⁹ Томские епархиальные ведомости. 1917.1 мая.

Феодор, отличавшийся деспотичным характером, увольнял из Академии наиболее независимых и любимых студентами профессоров²²⁰. Очевидно, именно он и уговорил престарелого Макария не складывать оружия и продолжать борьбу за московскую кафедру. Владыка прибыл в Сергиев Посад и оттуда начал вести эпистолярную атаку на своих противников. Секретарь Московской консистории Вышеславцев телеграфировал в Синод, что 30 марта получено предписание от Макария, «коим признается съезд духовенства самозванным... кроме того, некоторые священники... прекратившие поминание его, запрещены». Львов отвечал, что Макарий «уволен, все его распоряжения недействительны»²²¹.

8 марта уже губернский комиссар сообщал министру внутренних дел, что прибытие в Сергиев Посад Макария и «общение его с представителями высшей церковной иерархии... вызвало, как со стороны населения, так и со стороны расположенных в посаде войск, опасения за возможность какой-либо реакционной пропаганды...». Комиссар также писал, что 5 апреля по постановлению военного комитета местного гарнизона митрополит Макарий и епископ Феодор были подвергнуты домашнему аресту. В Лавре был опечатан склад литературы «политического содержания с явно монархически-тенденциозной окраской». Комиссар просил министра «войти в сношения с обер-прокурором Синода, чтобы назначить вышеназванным лицам другое помимо Сергиевой Лавры местопребывание».

Ранее Макарий написал пасхальное послание, рукопись которого, по словам самого митрополита, «была арестована г. Комиссаром при наборе в Лаврской типографии за противоположительное содержание»²²². Сам владыка ничего «противного Временному правительству» в своем сочинении не находил, а обвинял лично Львова в возбуждении против него «московского клира, а равно и паствы», которое особенно усилилось после посещения обер-прокурором Москвы. По словам Макария, сам Львов, «вынуждая меня подать прошение об увольнении... прибегал к угрозам включительно до заточения меня в Петропавловскую крепость»²²³.

²²⁰ Подробнее о ситуации в Академии. См.: Голубцов С. Московская духовная академия и эпоха революций. М., 1999. С. 42–67. При первом знакомстве с работой С. Голубцова может сложиться впечатление о ее тенденциозности. Чувствуется, что автор слишком не любит ректора Академии епископа Феодора. Однако, я почувствовал правоту автора, когда в архиве Синода случайно натолкнулся на доносы самого мелочного характера, которые Феодор направлял Московскому митрополиту на некоторых преподавателей Духовной академии.

²²¹ РГИА. Ф. 797. Он. 86. От. 3. Ст. А. Д. 61. Л. 1, 3.

²²² РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 72. Л. 4.

²²³ Там же. Л. 6.

Между тем, владыка не находил прецедента в истории, когда Московский митрополит увольнялся на покой, такого, по его словам, не было даже «при проявлении психического расстройства». Ссылаясь на каноническое право и Вселенские соборы, Макарий пытался показать незаконность действий обер-прокурора и части московского духовенства, на собраниях которого с требованием отставки митрополита «присутствовали учащиеся, солдаты, рабочие и лица женского пола... присутствующие громко бьют в ладоши, кричат и смеются. Это не собрание... а скорее... скопище»²²⁴.

В связи с арестом Макария и Феодора и попыткой распространения данного послания в Сергиев Посад приехал обер-прокурор Синода. Встретился Львов и с профессурой Академии, просившей избавить их от Феодора.

1 мая, докладывая Синоду о поездке в Москву, обер-прокурор «поделиться впечатлениями» от знакомства с Феодором, человеком, по словам Львова, «умным, но сухим и черствым». Очевидно, сам епископ Волоколамский и признался, что правил «послание» Макария — «сделал некоторые поправки и из книги правил подставил в потребных случаях цитаты»²²⁵.

В результате Феодора уволили с поста ректора Академии, и назначили настоятелем Данилова монастыря. «Я, слава Богу, благополучно выбрался из Академии, если принять во внимание всю обрушившуюся на меня злобу Обера и автономистов», — писал сам Феодор архиепископу Арсению (Стадницкому). Сложившуюся ситуацию в Церкви епископ оценивал крайне пессимистично: «Пройдет месяц, другой и попы, сидящие в Синоде, при послушании прочих проведут все реформы. Все ячейки церковной жизни расшатаны и потрясены... увольнение Макария под давлением бесчинной толпы и Обера было шуткой, которая породила наглость Обера»²²⁶.

Из всех уволенных иерархов Макарий оказался самым упрямым, так и не смирившимся с отставкой и не признавшим возводимых на него обвинений. Прочитав в прессе интервью с обер-прокурором, владыка направил личное письмо В.Н. Львову. «Я прошу вас... сообщить мне те данные, какие имеете в подтверждение переданных от вашего имени корреспонденту газеты фактов, позорящих мое имя, и тех лиц, через которых вы получили сведения о сказанных фактах, чтобы я

²²⁴ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 74. Л. 7, 11.

²²⁵ Любимов //., протопресвитер. Дневник... С. 36.

²²⁶ Письма профессоров Академии преосвященному Арсению // Голубцов С. Московская духовная академия... С. 238.

мог привлечь виновных в клевете на меня к суду и ответственности»²²⁷. Львов не растерялся, и к своему ответному письму приложил копию с докладной записки бывшего секретаря Макария, Петропавловского, «об имевших место... и предусмотренных Уголовным уложением закононарушениях». Обер-прокурор просил владыку «сообщить по содержанию этой записки объяснения в самое непродолжительное время»²²⁸.

Записка Петропавловского представляет собою замечательный документ. Бывший секретарь не пожалел бумаги, излагая всяческие дела и делишки, которые проворачивались в московской епархии за последние несколько лет. Петропавловский пытался оправдаться тем, что являлся лишь свидетелем грубых злоупотреблений, например, при назначении и переводах священнослужителей. Макария секретарь обвинял лишь в слабохарактерности, что и позволяло довольно эффективно им манипулировать.

Очевидно, Петропавловский был сильно перепуган, боясь дальнейших расследований своих деяний: «Отпустите же меня с миром, — писал он в заключении, — и все хорошее и, в особенности, плохое (а о последнем я слишком много осведомлен) я унесу с собой в могилу и никогда ничего не всплывет на поверхность»²²⁹. Объяснений Макария на доклад своего бывшего секретаря не последовало.

Наиболее серьезное обвинение митрополита в симонии строились на скопированных Петропавловским письмах священников, которые даже у противников Макария в Синоде вызывали вполне основательные сомнения²³⁰. Очевидно, Макарий не был взяточником, он просто оказался не на своем месте и, находясь в преклонном возрасте, сам стал жертвой манипуляций своего ближайшего окружения²³¹. Однако пресвященный и впоследствии не смирился с фактом своего «незаконного» увольнения (хотя незаконным было наоборот назначение его в Москву) и по-прежнему считал себя Московским митрополитом²³².

²²⁷ РГИЛ. Ф. 797. Он. 86. От. 3. Ст. 4. Д. 61. Л. 13.

²²⁸ Там же. Л. 15.

²²⁹ Там же. Л. 50 об.

²³⁰ См.: Любимов П., протопресвитер. *Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода* // Российская Церковь в годы революции (1917-1918). М., 1995. С. 37-38.

²³¹ Так, например, известный правый деятель и одновременно крупный ученый академик Л.И. Соболевский делился впечатлениями о споем посещении митрополита в 1915 г. «Митрополит Макарий ничего не знает, ничего не помнит, неохотно принимает (утомляется), а его канцелярия ждет бакшиша. Там целое бюро по продаже мест». См.: «Нам придется из политиков и благотворителей перестроиться в ученых и книготорговцев-издателей». Письма академика Л.И. Соболевского академику И.С. Иальмову. 1914-1920 гг. // Наука и власть. 1 [естор. СПб., 2004. № 4. С. 76.

²³² Арсений (Жадановский), епископ. *Воспоминания...* С. 206.

Макарий засыпал своими прошениями вначале Поместный Собор, затем патриарха Тихона и успокоился лишь тогда, когда в 1920 году ему дали пожизненный титул митрополита Алтайского. Нет основания обвинять за увольнение владыки лишь В.Н. Львова: Макария не любило все московское духовенство, и шансов в 1917 году остаться на кафедре у него не было.

Но даже и после увольнения Макария ситуация в епархии оставалась не спокойной. Особенно большой резонанс не только в церковной среде получил бунт монахов московского Данилова монастыря. Насельники не только изгнали настоятеля, но и устроили в монастыре настоящий притон с местным самогоноварением и девицами легкого поведения.

Информация о бунте монахов попала в прессу, корреспондент московской газеты «Утро России» побывал в сбунтовавшемся монастыре. По его словам, «повсюду в кельях валяются окурки, на столах бутылки с вином и ханжой». Взять «интервью» у главного бунтаря и идеолога восстания корреспондент не смог, иеродиакон Софроний в момент посещения монастыря оказался пьяным и его как утверждал сторож и «до сих пор еще не могут вытрезвить».

Управляющий московской епархией епископ Иоасав заявил корреспонденту газеты, что ему известно, что делается в Даниловом монастыре. «Нет слов выразить возмущения по этому поводу... Я назначил ревизию... архимандрит Иоаким не на своем месте, хорошо, что его уволили. Придется разогнать и монахов»²³³.

Направленный в монастырь член Синода протопресвитер Николай Любимов признал газетное сообщение «вполне соответствующим действительности». Дело осложнялось тем, что бывшего ректора Академии епископа Феодора, как уже отмечалось, назначили настоятелем именно Данилова монастыря. Протопресвитер сообщал обер-прокурору, что назначение и приезд в монастырь епископа Феодора «не внесет мира в среду бунтующих монахов, но вызовет по отношению к нему такие эксцессы, какие... имели место и по отношению к архимандриту Иоакиму, вплоть до поножовщины». Любимов сообщал также, что, по его мнению, к которому присоединился и управляющий епархией епископ Иоасав, «сам Феодор будет рад, если Синод... отменит свое постановление о его назначении в Данилов монастырь, ибо этот последний доведен до такой степени разрухи, что быть настоятелем этого монастыря равносильно каторге»²³⁴. Епархиальная ревизия, отчет

²³³ Утро России, 1917. 6 мая.

²³⁴ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 85. Л. 1.

о которой поступил в Синод только в конце 1917 года, признала основным виновником бунта монахов бывшего настоятеля монастыря, «доброта которого, по их словам, была хуже воровства»²³⁵.

Сложная ситуация сложилась и в третьей по значению епархии — Киевской. Здесь основную проблему представляло не противостояние высшего и низшего духовенства, а набиравший силу украинский церковный сепаратизм. Киевской епархией управлял первоприсутствующий член Синода митрополит Владимир (Богоявленский). Человек консервативных взглядов, владыка, благодаря честности и бескомпромиссности, а также личной скромности и благочестию, пользовался большой популярностью в церковной среде. Его перевод с петроградской кафедры в 1915 году на киевскую рассматривался как своеобразная опала, а сам митрополит получил ореол жертвы «темных сил».

После революции Владимир всеми силами, и первое время небезуспешно, пытался сдержать радикальное церковное движение. Главным соратником митрополита в этом был энергичный викарий, епископ Чигиринский Никодим (Кротков), человек определенно выраженных консервативных взглядов. Очевидно, Никодим сильно раздражал обер-прокурора Львова, только этим можно объяснить навязчивое желание последнего убрать епископа из Киева.

Вскоре для этого появился удобный предлог. Никодим в феврале 1917 года поставил свою подпись под запиской киевских монархистов, представленной императору. Именно это обстоятельство и послужило официальной причиной для перевода владыки из Киева в Саратов на должность второго викария епархии. За компанию с епископом решено было перевести и секретаря Киевской духовной консистории Лузина. Такое решение вызвало «недоумение» у митрополита Владимира, которого поставили перед свершившимся фактом. Владыка писал в Синод, что «за названными лицами не имеется решительно никаких проступков». По мнению митрополита, такое решение «неудобно именно в настоящее время, требующее идейных работников, богатых творческими силами»²³⁶. Архиепископ Платон разъяснял, что такое перемещение «вызвано необходимой предусмотрительностью об обеспечении мира в Киевской Церкви», отсылая также митрополита к содержанию

²³⁵ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 222. Л. 1об.

²³⁶ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 176. Л. 11. Протопресвитер Любимов и своем дневнике подробно описал дебаты в Синоде по поводу перевода Пикодима. Так, например, обер-прокурор В.И. Львов считал, что удаление **Никодима**, «пожалуй, лучше» даже для **Владимира**, «так как он человек прямой и честный, по страшно **слабохарактерный** и поддающийся чужим влияниям». Любимов. П., протопресвитер. Дневник... С. 78.

вышеупомянутой монархической записки, которая «в скором времени имеет быть напечатана»²³⁷.

Никодим, конечно, не желал перевода в саратовское захолустье, представив в Синод объемистое прошение с подробными разъяснениями своих действий. Свой перевод он называл «наказанием», говоря, что в составлении записки не участвовал. По его словам, в середине января 1917 года протоиереем Стельмашенко и членом киевской судебной палаты Туткевичем ему был показан текст записки, в которой говорилось о разрухе в государстве, деятельности Думы, земского и городского союзов, о польском и еврейском вопросе. Прочтя записку, он отказался поставить подпись, отказался подписать и вторую ее редакцию. В третий раз, по словам Никодима, он все же поставил подпись: «Правые деятели были настойчивы в своих действиях, они могли и угрожать»²³⁸. Правда, владыка писал, что окончательно вынудило его поставить свою подпись заявление Стельмашенко, что «государь ждет этой записки... поддержите государя». Никодим сообщал, что сейчас он «глубоко сожалеет об этом».

В Синод епископ писал, что в подписанном им тексте отсутствовала просьба о роспуске Государственной Думы. По его словам, в Киеве на двух пастырских собраниях был «подробно обследован вопрос об упомянутой записке, и было установлено, что в ней ничего не говорилось о роспуске Государственной Думы». В заключение Никодим информировал Синод о своей деятельности, в том числе о поездках с подарками на фронт, о выпуске им 6 листовок²³⁹.

Трудно сказать, насколько повлияло данное оправдание Никодима (в Киев для расследования дела приезжал член Синода архиепископ Платон). Синод 17 июня снова вернулся к его делу. Было решено и епископа, и секретаря Консистории Лузина оставить в Киеве²⁴⁰.

Между тем часть духовенства в епархии была недовольна «старорежимной» политикой Владимира и Никодима. Так, например, сельский священник Филиппович, писал обер-прокурору, что в Киеве «ни одно распоряжение Синода не приведено в жизнь... по-прежнему владычествоует Консистория по указам епископа»²⁴¹. Про епископа Никодима

²³⁷ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 176. Л. 6-6 об.

²³⁸ Там же. Л. 12 об.

²³⁹ Там же. Л. 13 об. Характерно название данных листовок: «Не сдавайся в плен», «Иди па войну как на лов Божий», «Держи присягу до конца» и т. п.

²⁴⁰ Там же. Л. 16. И прессе даже писали, что вопрос о переводе Никодима «из личного... превратился в событие... имеющее крупное общественное значение». Киевлянин. 1917. 28 июня.

²⁴¹ РГИА. Ф. 797. Он. 86. От. 2. Ст. 3. Д. 69.

священник сообщал, что он « всю свою гениальную тактику от старого режима использует, чтобы отстоять ускользающую из рук городского духовенства власть ».

А некие « монахи » Киево-Печерской Лавры доносили главе правительства князю Г.Е. Львову о черносотенных настроениях в монастыре, всячески поддерживаемых митрополитом Владимиром, который, по их мнению, « водит за нос всех в Петрограде, давая лобзание Иуды и новому правительству и В.Н. Львову »²⁴¹.

Доведено было до сведения обер-прокурора и письмо членов Киевского церковно-епархиального совета: « Что и предвиделось, то и случилось ». « Работа наша с митрополитом Владимиром оказалась невозможной »²⁴². Далее авторы послания манерно просили войти в их « плачевное положение и обсудить с точки зрения петроградских горизонтов и перспектив, какой елей или вино возложите на наши язвы, или же с благоразумием еврейского священника или левита пройдете мимо ». В послании обер-прокурору сообщалось, что журналы совета митрополит Владимир не подписывает, в результате все « постановления продолжают висеть в воздухе ». По мнению авторов письма, владыкой высказывается « явное сочувствие старому строю ». Митрополит ищет себе поддержки в « реакционных кругах Киева, что особенно сказалось в виде протеста против перевода... епископа Никодима... в епархии полная разруха »²⁴³. Удивительно, но авторы письма совсем ничего не говорят о национальном движении на Украине, списывая все на реакционность Владимира.

По сути в епархии сложилась ситуация двоевластия или даже многовластия, образовавшийся после революции комитет духовенства, выбранный съездом епархиальный совет действовали параллельно с Консисторией и епископами. Более того, комитетом духовенства была создана должность комиссара по духовным делам, которую занял священник Пospelовский. Очевидно, что священник быстро проникся идеей значимости своей должности, и когда 28 апреля митрополит провел совещание с членами консистории, Пospelовский запротестовал о том, что не был извещен об этом заседании. « Как комиссар по

* РГИА. Ф. 796. Оп. 204. От 5. Ст. 1. Д. 184. Л. 2 об.

²⁴¹ Письмо было написано членом совета протоиереем Липковским и « иже с ним » и предназначалось Ф.И. Мищенко, П.П. Кудрявцеву и о. К.М. Агееву. К письму было приложено также послание В.П. Львову. Данное двойное послание содержало странную просьбу: письмо обер-прокурору не вручать, а содержание довести « в вольной устной передаче ». Судя по тому, что письмо отложилось как раз в фонде обер-прокурора, эта просьба не была исполнена.

²⁴² РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 294. Л. 30-33 об.

духовным делам, — писал Пospelовский, — я должен быть осведомлен о делах духовного управления »²⁴⁵.

Митрополит не признавал деятельность комитета духовенства, по его словам, учреждения « самочинного... стремящегося к захвату ему не принадлежащих прерогатив »TM. В свою очередь, члены последнего обвиняли владыку в непризнании « выборного начала » и « полном непонимании событий »²⁴⁶. Главный противник Владимира комиссар Пospelовский сам поехал в Синод с жалобой на митрополита. Однако, в результате, уже в середине лета вышло определение Синода о « не-закономерном » вмешательстве комиссара по духовным делам в дела епархиального управленияTM.

Настроение церковного сепаратизма было особенно сильным в сельской местности.

Следует отметить, что церковная элита епархии в большинстве выступала против « церковного украинства »²⁴⁷.

Вначале в Киевской духовной академии вполне толерантно относились к деятельности Центральной Рады и даже жертвовали средства в Украинский национальный фонд. Однако, после заявлений Рады о территориальной автономии и украинизации, настроение профессуры резко изменилось. Очевидно, добавили масло в огонь и запросы Рады о чтении в Духовной академии курса « украинознания ». Видимо, все это и подтолкнуло корпорацию Киевской академии выступить с протестом против « насильственной украинизации »²⁵⁰.

Конечно, и Владимир, и Никодим выступали против каких-либо форм сепаратизма. Возможно, именно это и послужило впоследствии причиной трагической гибели Киевского митрополита²⁵¹.

* ЦГИА Украины. Ф. 127. Он. 953. Д. 46. Л. 3.

²⁴⁶ Киевлянин. 1917. 7 мая.

²⁴⁷ Последние новости. Киев. 1917. 6 мая. В письме Львову секретарь Консистории Лузгин опровергал эту информацию. По его словам епархиальное руководство совсем не отрицает выборного начала. РГИА. Ф. 796. Оп. 86. Д. 48. Л. 60 об.

²⁴⁸ Киевлянин. 1917. 20 июля.

²⁴⁹ Подробнее о церковной ситуации на Украине см.: Зеньковский В., протопресвитер. Пять месяцев у власти: Воспоминания. М., 1995.

²⁵⁰ ЦГИА Украины. Ф. 711. Оп. 3. Д. 3872. Л. 19. В данном протесте сообщалось, что « украинцы не являются отдельной народностью. Это часть русского народа, жившая некоторое время отдельно... и поэтому выработавшая некоторое особенности своего быта и говора... 15 Малороссии всегда было сильное течение, отстаивающее особенности местного быта и языка... В это чистое по себе течение, овеванное поэзией Шевченко и своеобразной красотой местной природы... вносится струя, готовая замутить его и сообщить ему характер сепаратистского движения ».

²⁵¹ См.: :Тжовасий В., протопресвитер. Пять месяцев... С. 42-43. Енлош (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни... С. 285-286.

Впрочем, неприятности начались и у других викарных епископов. Обер-прокурор Львов чутко реагировал на «запросы» с мест по поводу «реакционных» или «контрреволюционных» деяний епископата. Иногда такие запросы приходили вроде бы и не по назначению. Так, телеграмма из Читы по поводу епископа Ефрема (Кузнецова) и его «реакционной деятельности как организатора черной сотни» пришла в Петроградский совет. В ней товарищ председателя Комитета безопасности Оболдуев «настоятельно» просил удалить на покой «в не области» епископа, так как его оставление «угрожает общественной безопасности». Копия телеграммы вместе с требованием «сообщить о принятых мерах» пришла обер-прокурору от Исполнительного комитета Совета за подписью Н.С. Чхеидзе²⁵². В.Н. Львов, не желая подчиняться влиянию Петроградского совета, наложил резолюцию: «Повременить». И только когда от комиссара Временного правительства Н.К. Волкова пришло письмо, «вполне подтверждающее характеристику епископа, данную г. Оболдуевым», обер-прокурор потребовал «незамедлительных сведений о названном епископе»²⁵³.

Из Читы Комитет общественной безопасности сообщил, что у «активного черносотенца Ефрема обнаружен большой склад погромной литературы». Комитет предложил епископу выехать в Петроград в распоряжение обер-прокурора. В заключение телеграммы сообщалось, что Ефрем «сегодня выехал», а также высказывалось настоятельное пожелание отправить преосвященного на покой, «не допуская возвращения его хотя бы временно»²⁵⁴. Однако до пункта назначения владыка не доехал, так как, по его словам, видел «бесцельность» поездки в столицу, никакой причины такого обращения с собой он не находил и просил расследовать дело²⁵⁵. Вообще, часто местные власти упорно старались выпроводить неугодых им владык в Петроград в распоряжение обер-прокурора или даже в столичный Совет.

Неприятности сразу после революции начались и у викария Омской епархии Петропавловского епископа Мефодия (Красноперова). Местный Совет рабочих и солдатских депутатов требовал его удаления «за реакционную деятельность, угрожающую общественному спокойствию».

²⁵² РГИА. Ф. 797. Он. 86. Д. 294. Л. 11, 17.

²⁵³ Там же. Д. 46. Л. 68-68 об.

²⁵⁴ Там же. О». 96. Д. 294. Л. 18.

²⁵⁵ Там же. Он. 86. Д. 46. Л. 75. Синод разрешил Ефрему вернуться в Читу, откуда пришла телеграмма от местного Комитета с требованием отменить решение Синода ввиду «избежания эксцессов и сохранения достоинства революционной власти». РГИЛ. Ф. 797. Он. 86. От. 1. Ст. 1. Д. 46. Л. 65 об.

В чем выражалась его «деятельность» владыка сам попытался разъяснить Святейшему Синоду. По его словам, «революцию и дальнейшие дни переворота» он провел в Уфе, где замещал епископа Андрея. Приехав же в Петропавловск, услышал, будто в архиерейском доме и женском монастыре спрятано много сахара, махорки и мануфактуры. Эти слухи, по мнению епископа, распространялись «главным образом среди солдат... Пущена была также молва, что в монастыре спрятана погромная литература (книга — проповедь Иоанна Кронштатского, где в двух поучениях к словам Св. Писания об избииении 30 000 евреев подставлено в скобках "революционеров")»²⁵⁶.

25 марта на собрании местного Совета было решено произвести обыск. Ночью к епископу явились представители Совета: 20 рабочих и солдат. Показана была бумага с разрешением на обыск, в том числе и с подписью городского комиссара. Потом оказалось, как сообщал Мефодий, что «комиссар об этом не знал».

Искали «погромную» литературу и сахар, «ничего не нашли, конечно». Обыск продолжили в монастыре и в церкви. В алтарь солдаты заходили с ружьями и по приказанию унтер-офицера «шарили даже под престолом». Потом по указанию одной монахини начали искать у некоего Воробьева, «который торгует книгами ... и поклонник Иоанна Кронштатского». На его квартире обнаружили «около пяти пудов книг о. Иоанна с вставленными словами "революционеры"». На следующий день, по словам владыки, он произнес проповедь в соборе, где рассказывал об обыске. «Теперь же мне поставлено в вину, почему я знал о секте иоаннитов и не предупредил их (очевидно, Совет)».

В Синод Мефодий писал, что знал о секте, «но что они продают погромную литературу, нет. Когда я мог предупредить Совет рабочих, когда я приехал в Петропавловск 23 марта вечером, а 25 был обыск?»

Преосвященный возмущался, не понимая, в чем состояла его реакционная деятельность? «Я не был ни "союзником" ни "черносотенцем". Призывал к подчинению Временному правительству, к миру и любви». В заключение преосвященный просил Синод заступиться за него. По его мнению, «в Сибири "свободы" стараются использовать много шире, чем в коренной России. Все хотят управлять, а повиноваться некому. Каждое слово стараются уловить, перевернуть и поставить на счет»²⁵⁷. Данный случай не имел никакого печального последствия для Мефодия. В то же время обращает на себя внимание отношение к «секте

²⁵⁶ РГИА. Ф. 831. Он. 1. Д. 86. Л. 73.

²⁵⁷ Там же. Л. 77.

иоаннитов»²³⁸, которых после революции часто рассматривали как наиболее воинственно настроенных «контрреволюционеров»²³⁹.

Показателен случай с воронежским архиепископом Тихоном (Никаноровым). Из письма владыки следует, что 8 июля к нему в архиерейский дом явился председатель Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Кобытченко с «толпой солдат и рабочих». Увидев на стене гостинной портреты императоров, он приказал немедленно их убрать. По словам Тихона, картины были приобретены до его вступления на кафедру и «распоряжения такого, чтобы не иметь портретов царей, никто мне не объявлял», и вообще, по его словам, они «служили... как украшение комнаты». После «удаления» портретов был произведен обыск, изъята текущая документация, переписка владыки, а также «серебряных монет рублей на 90»²⁶⁰.

Тихону было объявлено, что он арестован и обязан немедленно отправиться в Петроград «в сопровождении солдата и явиться в Таврический дворец». Подчиняясь этому требованию, архиепископ «наскоро собрался» и выехал из архиерейского дома в полночь²⁶¹. По прибытии в столицу он был доставлен в Таврический дворец в комнату Исполнительного комитета, где просидел около 5 часов, затем в автомобиле с «солдатиком и членом Исполнительного комитета» был отвезен по его просьбе в Александро-Невскую Лавру²⁶².

Очевидно, местные власти в Воронеже действовали по известной аналогии первых дней революции, когда арестованных министров и прочих «слуг режима» привозили в здание Государственной Думы. Однако, что делать с архиереем, никто не знал, даже обвинение в контрреволюции ему не было предъявлено, поэтому от него решили избавиться, отвезя в первое указанное им место.

В случае с Воронежским владыкой и Синод, и обер-прокурор встали на его защиту, так как «не обнаружили какие-либо законные основания

²³⁸ Сам Мефодий писал, что «из печатных руководств об этой секте известно, что она вредная в нравственном отношении как хлыстовского характера». Там же. Л. 76.

²³⁹ Ср.: Так, В.С. Войтинский вспоминал о своем посещении Кронштадта в 1917 году, где «хозяином был не Совет, а бунтарски настроенная... толпа, во главе которой стояли... частью совершенно темные элементы (уголовные преступники, черносотенцы-иоанниты)». Войтинский И.С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 130. Курьезен комментарий Ю.Г. Фельштинского: «Иоанниты (госпитальеры) — члены духовно рыцарского ордена, основанного... крестоносцами в начале XIII века... В царской России иоанниты являлись опорой политической реакции». Там же. С. 301.

²⁶⁰ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От 1. Ст. 5. Д. 223. Л. 3-3 об.

²⁶¹ Интересно отметить что, по словам секретаря Консистории, он обратился к губернскому комиссару «за оказанием защиты архиепископа, но принятые меры не имели успеха». Там же. Л. 7.

²⁶² Там же. Л. 4-4 об.

для привлечения его к ответственности». В постановлении по этому поводу отмечалось, что Тихон и при «прежнем государственном строе подвергался даже преследованиям тогдашних гражданских властей» и ему выражалось «глубокое сочувствие» по поводу «незаслуженного им ареста»²⁶³. Воронежский совет считал иначе: председатель Исполнительного комитета Кобытченко просил «воздержаться» от обратной отправки Тихона, «иначе неизбежны эксцессы и за последствия комитет не ручается». В телеграмме обер-прокурору выражалась просьба задержать Тихона до решения общекрестьянского съезда²⁶⁴. Несмотря на это Тихон все-таки вернулся в Воронеж. В.Н. Львов послал телеграмму губернскому комиссару с просьбой «оградить владыку от обид и оскорблений и устроить ему достойную встречу»^{*}.

Такая позиция по отношению к архиерею со стороны Львова объяснялась тем, что он не терпел вмешательства в собственные дела со стороны местных органов власти.

Арест Тихона получил наиболее широкий резонанс в церковном обществе. О данном инциденте писали в газетах, постоянно вспоминали его на Поместном Соборе. Там арест Тихона был интерпретирован как факт «церковного большевизма», то есть открытого неповиновения священнослужителей духовной власти, или использования ими в своих интересах власти светской. Такую перевернутую интерпретацию данного случая можно объяснить только плохой осведомленностью о реальностях инцидента в Воронеже²⁶⁶.

В некоторых случаях обер-прокурор направлял следователей, чтобы получить информацию о деятельности архиерея из первых рук. Так было в Нижнем Новгороде, где против архиепископа Иоакима (Левицкого) выступили и местное духовенство, и светские власти. Обвиняли владыку в «политической деятельности, противной интересам народа», в участии в черносотенных организациях, а также в допущении под «святую крышу» архиерейского дома «зловредного и

²⁶³ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 223. Л. 1.

^{*} РГИА. Ф. 797. Он. 96. Д. 294. Л. 25-26.

²⁶⁴ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 223 Л. 6. Дальнейшая судьба архиерея была трагична: в 1919 г. большевики повесили его на царских вратах водной из церквей Воронежа. См.: Биографические сведения // Священный Собор Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. Обзор деяний. Первая сессия. М., 2002. С. 390.

²⁶⁶ М.Л. Бабкин тоже относит Тихона к архиереям, занявшим позицию, «не соответствующую духу времени и новому государственному строю». Ср.: «В приемной Тихона (Никанорова) вплоть до 9 июня висели портреты императора Николая II, его супруги и императора Александра III. Когда местный исполком снимал портреты, архиепископ выразил протест па его не законные действия». Бабкин М.А. Духовенство Русской Православной Церкви... С. 262.

братоубийственного жандармского управления»²⁶⁷. (Преосвященный отдал, видимо в аренду, флигель архиерейского дома охранному отделению.)

Архиепископа, обвиняли также в манипуляциях при выборах в последнюю Думу. Уже 20 марта президиум Нижегородского исполнительного комитета «постановил» удалить архиепископа на покой. В постановлении отмечалось, что владыка «определенно проводил в жизнь черносотенные убеждения в тесном сотрудничестве с охранным отделением»²⁶⁸. Вменялась в вину преосвященному и дружба с А.Н. Хвостовым (нижегородским губернатором, впоследствии, с 1915 года, министром внутренних дел). «Это были настоящие друзья, — сообщала местная газета, — частенько коротавшие часы за бутылкой доброго вина»²⁶⁹. 21 апреля Губернский исполнительный комитет подверг приехавшего из Петрограда Иоакима домашнему аресту²⁷⁰.

Собравшийся без участия архиерея съезд местного духовенства и мирян носил радикальный характер. Делегаты приветствовали телеграммой Петроградский совет с пожеланием «стоять на страже завоеванных свобод»²⁷¹. В отношении местного архиерея съезд постановил: «...считать дальнейшее его пребывание на Нижегородской кафедре вредным для церкви, так как оно вносит смуту и разделение...»²⁷². За оставление преосвященного проголосовало 48 человек, против — 244. Вскоре в Синод пришла коллективная «жалоба» от некоторых участников съезда. Интересно, что жалобщики не были сторонниками Иоакима и даже писали, что против его удаления «никто не возражал и не выступил не единым словом». Не понравилась же им та обстановка, в которой проходил съезд. По их словам, в число депутатов, «вопреки принципам выборного начала», вошел Комитет объединенного духовенства, образованный сразу после переворота.

Возглавлял данную организацию священник Гагинский, который, судя по всему, и руководил антиепископской оппозицией в Нижнем Новгороде. Жалобщики считали, что саму баллотировку по поводу местного архиерея Гагинский «обставил такими актами», в которых они видели и «глумление и кошунство». Такими действиями они счи-

* РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 125. Л. 7. Л. 25 об.

* РГИА. Ф. 797. Он. 86. От. 3. Ст. 5. Д. 12. Л. 84.

²⁶⁹ Нижегородский листок. 1917. 15 марта.

²⁷⁰ РГИЛ. Ф. 797. Он. 86. От. 3. Ст. 5. Д. 12. Л. 83.

²⁷¹ Ср.: 3 февраля 1917 года Нижегородский съезд духовенства выразил царю «чувства верноподданнической преданности и готовность всецело отдать себя... на службу Церкви и Вашего Императорского величества». Резолюция Николая II: «Сердечно благодарю». РГИЛ. Ф. 797. Он. 97. Д. 485. 71. 38.

²⁷² РГИЛ. Ф. 797. Он. 86. От. 2. Ст. 3. Д. 43. Л. 3-4.

тали молитву перед баллотировкой: «Днесь благодать Святого Духа нас собра», а также подсчет голосов перед голосованием. По их словам, ящики с шарами были вынесены на центр зала, «приставлены к нему свидетели, шары считали и вынимали громким голосом, ящики, освобожденные от шаров, поднимали высоко над головой и потрясали ими, чтобы показать, что в них ничего не осталось»²⁷³. Показательно, что такие, казалось бы, обычные в условиях баллотировки действия, вызвали непонимание у части духовенства, не привыкшей к подобным «актам».

Что касается архиепископа Иоакима, то он, не дожидаясь увольнения, подал в Синод просьбу о временном отпуске и уехал в Крым. Обер-прокурор послал в Нижний Новгород члена Государственной Думы от Нижегородской губернии священника А. Альбицкого расследовать деяния владыки. Очевидно, священник, не обладая талантами следователя, скучно ревизовал хозяйственную часть архиерейского дома²⁷⁴. И только 1 августа Синод направил телеграмму в Крым (Севастополь) Иоакиму. В ней сообщалось, что в связи с продолжающимся поступлением заявлений о «немедленном увольнении Вас... прошу уведомить, не найдете ли возможным ныне подать прошение об увольнении на покой»²⁷⁵.

14 сентября Иоаким написал прошение с просьбой уволить его «вследствие неблагополучно сложившихся условий служения» и назначить настоятелем Симонова монастыря²⁷⁶. Синод с увольнением владыки не торопился, и до конца 1917 года он формально сохранял должность. Только 28 марта (10 апреля) 1918 г. постановлением патриарха Тихона и Синода Иоаким был уволен от управления епархией и назначен управляющим Воскресенским ставропигиальным, Новоиерусалимским монастырем²⁷⁷.

Также не был уволен при Временном правительстве и Волынский архиепископ Евлогий (Георгиевский), несмотря на требования местного Совета²⁷⁸ убрать владыку как «примыкавшего к преступной организации "Союз русского народа"». Свои требования Совет направлял председателю Временного правительства князю Г.Е. Львову.

²⁷³ РГИЛ. Ф. 797. Он. 86. От. 2. Ст. 3. Д. 43. Л. 26.

²⁷⁴ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 125. Л. 7. Л. 35.

²⁷⁵ Там же. Л. 42.

²⁷⁶ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 405. Л. 4.

²⁷⁷ Акты патриарха Тихона... С. 116-117.

²⁷⁸ Евлогий вспоминал, что председателем исполкома Совета был избран доктор Истомин, который ранее делал операцию владыке. По словам Евлогия, на заседаниях он произносил «зажигательные речи. Об удачной операции он теперь жалел. "Не знал я, что Евлогий "черная сотня", а то я б его во время операции..."». Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни... С. 263.

В архиве Синода сохранился отпуск письма обер-прокурора В.Н. Львова главе правительства, в котором он сообщал, что преосвященный Евлогий «никогда к крайне правым организациям не принадлежал и тем более к Союзу русского народа. Состоя же членом Государственной Думы III созыва, всегда примыкал... к умеренным группам... и пользовался полным уважением левых партий...». Львов также сообщал, что вследствие этого Евлогию запретили баллотироваться в последнюю Думу²⁷⁹.

Но если за оставление Волынского преосвященного выступил съезд местного духовенства, то для члена Синода Ярославского архиепископа Агафангела (Преображенского) неприятности начались именно со съезда духовенства и мирян. Проходивший в спокойной обстановке общепархиальный съезд неожиданно принял резолюцию о местном архиепископе. В ней сообщалось, что «все отрасли епархиального управления и при выборном начале будут жизненно плодотворны... только когда во главе их стоит человек, пользующийся доверием и любовью своей паствы».

Архиепископ же Агафангел, по мнению духовенства и мирян, «по своим административным взглядам не удовлетворяет требованиям переживаемого времени». Закрытой баллотировкой 98 против 16 съезд выразил владыке свое недоверие и пожелал видеть во главе «соборной Ярославской Церкви... избранное лицо, более способное вести органы управления на началах братства, равенства и свободы»²⁸⁰. Резолюция по поводу Агафангела была направлена в Синод, где обсуждалась 6 июня. Сам архиепископ заявил, что вначале съезд прислал ему поздравительную телеграмму, но после праздника Троицы собрался только в количестве 116 человек, и новый председатель «совершенно произвольно поставил вопрос о доверии» — «По словам владыки, съезд не имел права судить своего епископа, и «как лица собравшиеся могли высказывать свое обо мне мнение... когда большая часть их меня совсем никогда не видывала». После обмена мнениями решено было направить в Ярославль архиепископа Платона, «чтобы как-нибудь ликвидировать этот инцидент»²⁸¹. Не дожидаясь приезда Платона, ярославский архиерей сам попытался «ликвидировать инцидент».

²⁷⁹ ЧТИЛ. Ф. 797. Он. 86. От. 1. Ст. 2. Д. 79. Л. 1. В защиту Евлогия выступал также и съезд местного духовенства. *Евлогий (Георгиевский)*, митрополит. Указ. соч. С. 265. В связи с этим удивительно — явление исследовательницы Т.Г. Леонтьевой: «Разумеется, лишился своего поста и небезызвестный архиепископ Евлогий». См.: *Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс...* С. 194.

²⁸⁰ РГИЛ. Ф. 796. Он. 201. От. 1. Ст. 5. Д. 204. Л. 4 об.

²⁸¹ Любимов. //., протопресвитер. Дневник... С. 103.

²⁸² Там же. С. 104. РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 204. Л. 7-8.

Судя по письмам и сообщениям местных газет, присылаемых в Синод, владыка поднял «усиленную агитацию» в свое оправдание. Высказывались опасения, что преосвященный хочет «повторить у нас историю митрополита Макария». Московский сценарий в Ярославле не прошел. Агафангелу довольно быстро удалось мобилизовать своих сторонников, славших в Синод заявления, что «голос ярославского съезда не может быть голосом всей епархии». В результате Синод 21 июля вернулся к положению дел в Ярославле, отменил командировку Платона и посчитал инцидент исчерпанным²⁸³.

Можно предположить, что конфликт в Ярославской епархии не носил такого принципиального характера, как в Твери или в Орле. Важную роль сыграло и то, что преосвященный Агафангел был членом нового Синода, слыл «либералом» и, конечно, мог оказывать влияние на принятие того или иного решения высшей церковной властью.

Большие неприятности начались после Февраля и у епископа Екатеринославского и Мариупольского Агапита (Вишневого). Деятельность этого провинциального архиерея еще до революции, благодаря столичной прессе, получила всероссийскую известность. Особенно «прославился» владыка во время выборов в последнюю Государственную Думу. Агапит смог умело организовать предвыборную кампанию в соответствии с пожеланиями сверху, чем вызвал негодование даже самых умеренных политических деятелей. Сам владыка не оставался в долгу, назвав октябристов «христопродавцами и предателями Церкви»²⁸⁴. «За наш успех на нас лают уже и слева и отчасти справа», — писал Агапит обер-прокурору Синода В.К. Саблеру после первого этапа выборов. «Окончательные выборы... назначены на 20 октября, будет жаркое дело, но и к нему мы готовимся в союзе с правыми»²⁸⁵.

Следует отметить, что активная черносотенная деятельность епископа вызывала у части духовенства епархии большое недовольство. Агапит перед самой революцией, 16 января, жаловался в письме директору канцелярии обер-прокурора В.И. Яцкевичу, что его «верность гражданскому долгу не нравится известной части общества». По его словам, и во время выборов он лишь «исполнял предписания» властей. Недоволен был владыка и тем, что его «мирные беседы... о возрастающей дороговизне и инородческом засилье... именуются погромными речами». Называл епископ и своего основного противника в епархии, ректора духовной семинарии протоиерея Кречетовича,

²⁸³ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 204. Л. 15.

²⁸⁴ *Тупликов И.Н.* Церковь во время революции... С. 34.

²⁸⁵ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 1. Д. 283. Л. 15.

который, по мнению архиерея, и организовывал в прессе статьи, направленные против него²⁸⁶.

После Февральской революции Агапит 5 марта выпустил в виде листовки свое воззвание. «Темные силы, — писал владыка, — толкали нашу родину к гибели... И в эту годину испытаний Промыслу Божию... угодно было указать дорогой Родине Путь спасения — вверив судьбу... ПРАВИТЕЛЬСТВУ из ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАРОДНЫХ в ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ, которым прекрасно известны современные недуги и нужды нашего отечества»²⁸⁷. Посылая экземпляр данного воззвания обер-прокурору Львову, Агапит писал, что оно отпечатано в количестве восьмидесяти тысяч и из него «ясно видно мое отношение к великим... событиям»²⁸⁸. 6 марта духовенство епархии совместно с владыкой отправили и поздравительные телеграммы Родзянко и Львову. Бывший «хриstopродавец» Родзянко именовался в одной из них уже «славным екатеринославцем»²⁸⁹. Правда, почти одновременно пришел в Синод и донос на епископа от «граждан и духовенства», в котором сообщалось, что он «тайно возмущает духовенство против нового правительства».

В епархии в скором времени организационно оформилась и оппозиция правящему епископу. 7 марта в Екатеринославле состоялось многолюдное собрание духовенства и мирян, созданное «по почину» ректора духовной семинарии протоиерея Кречетовича. Протоиерей произнес речь о «крепостной зависимости духовенства». Говорилось и о реакционной деятельности местного архиерея. Был также избран Епархиальный комитет Православной Церкви, который также возглавил Кречетович. 9 марта, как сообщали «епархиальные ведомости», в здании Консистории собрались представители епархиальных учреждений и духовно-учебных заведений. Епископ Агапит произнес речь, говоря об «обновленной и свободной России», которая «ликует и торжествует». Перед собравшимися также выступил уполномоченный Исполнительного комитета Туровец, заявив, что «духовенству в настоящий момент необходимо выразить свое "я", высказать во всеуслышание свои чувства и настроения»²⁹⁰.

Активно занимался церковными делами и местный Исполнительный комитет, избрав уполномоченного по наблюдению за деятельностью епархиальных учреждений. Его представители прибыли в

²⁸⁶ РГИА. Ф. 797. Он. 86. От. 1. Ст. 1. Д. 9. Л. 3.

²⁸⁷ РГИА. Ф. 79(1 Он. 2(М. От. 1. Ст. 1. Д. 283. Л. 23.

²⁸⁸ Там же. Л. 22.

²⁸⁹ Екатеринославские епархиальные ведомости. 1917. 11 марта.

²⁹⁰ Там же.

столицу и нанесли визит министру-председателю князю Г.Е. Львову. Последний 12 марта передал обер-прокурору просьбу комитета «устранить преосвященного Агапита... так как он раздражает своими действиями все население Екатеринославля». На данном документе обер-прокурор поставил резолюцию: «Обратить внимание на преосвященного Агапита».

20-21 марта в Екатеринославле состоялось еще одно собрание представителей духовенства и мирян. На этом нем отмечалось, что «бескровная русская революция, разорвав цепи византийского абсолютизма, тем самым ясно поставила вопрос о свободной церковной жизни». Было также принято постановление поручить Епархиальному комитету разработать проект памятника «борцам за свободу».

Очевидно, после письма председателя правительства обер-прокурору Агапит был вызван в столицу для личного объяснения. В деле сохранилось письмо епископа Львову, в котором он просит с «миром» отпустить его обратно в епархию, так как он «честно и по совести трудится на пользу и во славу Свободной Святой Церкви Свободного народа и усердно... выполняет все указы Благоверного Временного Правительства»²⁹¹. Преосвященный был отпущен в епархию, где конфликт между ним и частью местного духовенства вспыхнул с новой силой.

В борьбе за власть в епархии Агапит применял довольно простую, но надежную тактику. На каждое обвинение или донос в свой адрес он отвечал двумя, причем свои послания преосвященный направлял не только в Синод, но и лично влиятельным синодским чиновникам. Так, например, управляющему канцелярией Синода Гурьеву он направил донос на своего главного врага протоиерея Кречетовича, обвиняя последнего в провокаторстве, со ссылкой на сведения, опубликованные в печати. Директору канцелярии обер-прокурору Яцкевичу Агапит доносил о деятельности секретаря Консистории Зарина, который «вошел в соглашение с Кречетовичем»²⁹². В Синод преосвященный сообщал, что он «с первого момента переворота... шел навстречу требованиям времени... протоиерей Кречетович и его сподвижники, издавна из чувства мести... досаждают мне неприятностями, причем всегда сводят эти неприятности к одной мысли — показать, где это только возможно, что я человек в общественном отношении опасный, стремлюсь к восстановлению старого строя... по теперешним временам это самый надежный прием»²⁹³.

²⁹¹ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 1. Д. 283. Л. 25.

²⁹² Там же. Л. 57.

²⁹³ Там же. Л. 72.

Не спали и противники архиепископа. На заседания губернского съезда Совета рабочих и солдатских депутатов 8 июля, в качестве «гостя», выступил протоиерей Кречетович, рассказав собравшимся о реакционной деятельности местного архиерея. Съезд постановил ходатайствовать об удалении преосвященного. Агапит направил в Совет обширное послание, в котором писал, что такое «решительное заявление о моей деятельности в духе старого режима, исходящее от такого авторитетного лица, как председатель Совета рабочих и солдатских депутатов, подтверждается ссылкой на то, что имеются доказательства...».

От себя же Агапит сообщал, что «с первых дней установления в России нового свободного строя... я в своей деятельности... руководствовался только и единственно провозглашенным народом принципом общественности». Рассказал владыка также о своей поездке в Петроград и разговоре с обер-прокурором, которому он «изложил все свои действия» и получил одобрение со стороны Синода. Коснулся Агапит и личности своего основного оппонента Кречетовича, который, «пользуясь свободой слова... эту свободу сейчас же обратил на меня, заявив на собрании духовенства и мирян, что местная церковь завонялась (так. — П.Р.) от епископа». Преосвященный просил сообщить ему письменные доказательства своей «противообщественной деятельности». В заключение Агапит призывал «Божье благословение на высокополезную деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов»²⁹¹.

В Синод же владыка продолжал слать одну за другой жалобы на протоиерея Кречетовича. Агапит просил «предписать» последнему, чтобы он «не вводил двоевластия в епархии»^{2*}. Потом последовала просьба «изъять» из епархии «большевиков» Кречетовича и Мурина. В следующем прошении владыка «со слезами коленопреклоненно» просит вновь «изъять» теперь уже «охранника» Кречетовича и Мурина, «или хотя бы одного Кречетовича». По словам преосвященного, последний «опорочивает уже не только мою личность, но и деятельность Синода»³.

Во всяком случае, когда на заседании местного комитета РСДРП происходили выборы на «всероссийское совещание», то много внимания было уделено рассуждению о «контрреволюции». «Между прочим, сообщалось в прессе, очень яркую речь произнес о. Кречетович о контрреволюции в православном ведомстве... В ответ на всеоб-

^{2*} РГИА. <1> 796. Он. Ш. От. 1. Ст. 1. Д. 283. Л. 98-100 об.

³ Там же. Л. 101 об.

²⁹⁶ Там же. Л. И 306 - 114.

щее требование об удалении Агапита Св. Синод устроил "дознание" над "оппозицией"».²⁹⁷

Между тем Синод еще 17 июля постановил поручить первоприсутствующему члену архиепископу Платону «отправиться в пределы Екатеринославской епархии для разъяснения взаимоотношения клира и мирян»²⁹⁸. 10 августа Синод слушал устный доклад Платона о ситуации в епархии. По странному мнению архиепископа, «взаимоотношения в епархии не вызывают необходимости к принятию каких-либо распоряжений»²⁹⁹.

Подав свой голос и протоиерей Кречетович. «Перед вами невинная жертва произвола епископа Агапита», — писал он обер-прокурору. «Синод стоит за него, ибо он приятель Платона». Протоиерей просил «избавить епархию от глупца и интригана»³⁰⁰. 25 августа Губернский исполнительный комитет писал министру исповеданий А.В. Карташову, что «отказ удовлетворить ходатайства клира и мирян епархии и Совета рабочих и солдатских депутатов является неожиданным для Исполнительного комитета... Если и всегда, то теперь особенно опасно... контрреволюционное движение»³⁰¹.

В конце концов, Агапит остался на своем месте, а «изъяли» из епархии протоиерея Кречетовича³⁰². Владыка мог торжествовать победу. Говоря о причинах такого синодского решения, приходится признать, что протоиерей Кречетович был прав: удержаться у власти Агапиту помогла дружба с влиятельнейшим членом Синода Платоном. Конечно, сыграла роль и удивительная изворотливость екатеринославского владыки. По-видимому, архиерей относился к людям, для которых не существовало никаких политических принципов. Вскоре членам Синода пришлось пожалеть о своем решении. Если после революции черносотенец Агапит встал на позиции «общественности» и слал благословение Совету, то после провозглашения независимости Украины он

²⁹⁷ Борьба: орган Екатеринославской организации РСДРП. 1917. 10 августа.

²⁹⁸ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 1. Д. 283. Л. 15.

²⁹⁹ Там же. Л. 64.

³⁰⁰ У Агапита действительно были дружеские отношения с архиепископом Платоном, этим можно и объяснить странный вывод о спокойствии в епархии, сделанный им после посещения Екатеринославля.

³⁰¹ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 1. Д. 283. Л. 212.

³⁰² Из Екатеринославской в Тверскую епархию был также переведен викарий, Таганрогский епископ Иоанн (Номмер), которого после революции обвиняли в чрезмерном деспотизме. См.: Вотчина таганрогского епископа // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 31 мая. К сожалению, с многостраничным делом, посвященным епископу Иоанну, мне, несмотря на приложенные старания, ознакомиться не удалось. (Официальная причина неоднократного отказа — плохая сохранность дела).

стал активнейшим «самостийником». В Екатеринославле на площади перед молебном владыка взывал: «Москва нас знищила», прекратил поминовения патриарха и взывал к полному церковному отделению Украины.

В 1918 году он встречал речью и троекратным лобзанием въезжавшего на белом коне в Киев Петлюру. После прихода на Украину Деникина и возвращения из Галиции митрополита Антония началось расследование деяний владыки Агапита. Архиерейский Собор, состоявшийся в Новочеркасске, постановил лишить его кафедры и сослать в монастырь³⁰³. В 1922 году Агапит стал «обновленцем».

Схожую «идейную» эволюцию проделал и архиепископ Владимирский Алексей (Дородницын). Сразу после революции на владыку пришел донос. Некий крестьянский «депутат» И. Шкрабенко, приехавший в «губернский город Владимир» в начале марта 1917 г. «погостить у своего зятя», пробыл там 9 дней и «узнал много нового про жизнь архиепископа Алексея», который, по его словам, «и в настоящую смуту не успокаивается и доселе настроен против нового правительства», называет его «проклятое, созданное не от Бога, а от дьявола». Далее Шкрабенко перечислял стандартный для церковных склок перечень грехов архиерея: «Архиепископ Алексей любит иметь у себя притон женщин, из которых выбирает по вкусу... постов никаких не соблюдает, ест постоянно мясо и курятину и постоянно пьяный. Каждый день ездит кататься с женщинами, поклонник Распутина и каждое воскресенье служит ему панихиды»³⁰⁴.

Такое послание «депутат» направил в Петроград председателю Государственной Думы М.В. Родзянко, от которого оно поступило в Синод и дало название делу о владимирском архиерее. Оно тянулось до конца года и составило внушительный фолиант.

Трудно сказать, верили ли власти в такого рода сообщения даже в условиях настоящей «охоты» на «распутинский епископат», устроенный обер-прокурором Львовым. Почти одновременно с письмом Шкрабенко в «Новом времени» появилась заметка о поднесении Алексием своей книги Распутину с дарственной надписью³⁰⁵. Владыка спешно отправил в Синод телеграмму с просьбой расследовать это дело, так как «здесь скрывается мошенническая проделка. Распутина никогда

³⁰³ Подробнее о деятельности Агапита и суде над ним. См.: Шавельский Г., протопресвитер. Воспоминания... Т. 2. С. 375-378. (Шавельский также пишет о большой дружбе Агапита и Платона). Евлогий (Георгиевский), митрополит. Пуп моей жизни... С. 320-321.

³⁰⁴ РГИЛ. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 102. Л. 3-3 об.

³⁰⁵ Донос датирован 15 марта, заметка в «Попом времени» 18 марта.

не видел, всегда презирал». Однако сведения о подарке старцу быстро распространились, и Алексей вынужден был их печатно опровергать, выпустив два послания «К моей пастве», где пытался объяснить, как у Распутина оказалась его книга с надписью «Благословенному старцу Григорию Ефимовичу на молитвенную память»^{**}.

Если вначале он опровергал все обвинения, то через некоторое время вынужден был признать факт надписи на книге. По словам Алексея, его обманули и, подписывая книгу для некоего почитателя, он не предполагал, что Григорий Ефимович — это и есть Распутин. Впрочем, другую свою брошюру «Две морали», с подписью «автор», он действительно послал «старцу» с «тем тайным намерением, чтобы ее прочитали высокие покровители Распутина и увидели, чем отличается мораль хамства, которой они жили, от морали христианской»³⁰⁶. Кто же были эти высокие покровители, которые должны были прочесть «Две морали», Алексей не уточнил.

Такие путанные оправдания мало помогали, и собравшийся 3-6 мая Епархиальный съезд духовенства и мирян, по словам докладной записки председателя съезда, «единогласно постановил удалить архиепископа Алексея из Владимирской епархии»³⁰⁸. Обвиняли владыку не только в «сношении с Распутиным», но и в грубости, деспотизме, в «реакционном характере деятельности», в черносотенстве, а также в «стремлении войти в сношения с сильными мира сего, неоднократные приглашения во Владимир и льстивая угодливость пред Елизаветой Федоровной в то время, когда циркулировали уже слухи, враждебно настроивавшие народ к дому бывшего императора». «Правда, — отмечалось на съезде, — после падения старого строя во взглядах архиепископа Алексея произошла как бы неожиданная перемена»³⁰⁹. Следует отметить, что сразу после революции Алексей действительно быстро поменял политические ориентиры и 28 марта приветствовал войска, отправляющиеся на фронт, речью, поминая «старых деспотов, канувших в вечность», и говоривший о готовности пожертвовать капиталами³¹⁰.

Однако эту перемену епархиальный съезд принимать во внимание не хотел, считая, что «фальшиво звучит для паствы призыв к свободе... на устах человека, еще недавно заявившего себя реакционером по

³⁰⁶ РГИЛ. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 102. Л. 24 и далее. Одно послание было также опубликовано во «Владимирских епархиальных ведомостях» 24 марта.

^{*} РГИЛ. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 102. Л. 26 б, 26 б об.

³⁰⁸ Там же. Л. 20.

³⁰⁹ Там же. Л. 21.

³¹⁰ Старый владимирец. 1917. 25 марта.

церковно-общественной жизни»³¹¹. В результате съезд решил просить Синод «уволить» владыку со своего поста, как «запятнавшего себя деяниями грубого произвола и связью с темными силами и веяниями отжившего прошлого»³¹².

Алексий не смирился с решением епархиального съезда и забрасывал Синод своими пространными посланиями. По его словам, съезд происходил бурно и возбужденно, с аплодисментами и криками «долой» и «прочими свойствами партийного митинга... причем некоторые депутаты были явно в нетрезвом виде»³¹³. Отвергал он и обвинения в реакционности, т. к. он «смело, открыто и ревностно вышел навстречу новому течению жизни нашего отечества и внес от себя некоторый полезный труд». По поводу же своего «якобы деспотизма» Алексий писал, что, наоборот, скрывал многие поступки местного духовенства и стоит ему их открыть, то «получится нечто ужасное»³¹⁴.

Однако ни Синод, ни тем более обер-прокурор не думали заступиться за Алексия, а делегация от Владимирской епархии на съезде духовенства, проходившем в Москве, передала властям официальное ходатайство об удалении епископа»³¹⁵. Все это, видимо, и подстегнуло владыку открыть «ужасные проступки», отправив в Синод большое послание, которое можно было бы условно назвать трактатом о нравственности духовенства епархии»³¹⁶. Алексий не пожалел красок, описывая похождения (в основном, сексуальные) своих противников. Все оказалось бесполезным — даже лично оправдаться перед Синодом ему не позволили, мотивируя это тем, «что документы, относящиеся к делу Распутина и лицам, близким к нему, вытребованы Чрезвычайной следственной комиссией»³¹⁷. Определением Синода от 1 августа 1917 г. Алексий был уволен на покой; даже отслужить прощальную литургию во Владимире ему не разрешили»³¹⁸.

Тогда беспокойный иерарх уехал на Украину, где начал активную агитацию в духе украинофильства и, по словам профессора Киевской академии М. Поснова, «стал на путь церковного революционера», тре-

³¹¹ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 102. Л. 71.

³¹² Там же. Л. 24.

³¹³ Там же. Л. 68 об.

³¹⁴ Там же. Л. 60.

³¹⁵ См. об этом и о позиции. Св. Синод; Любимов И., протопресвитер. *Дневник...* С. 104.

³¹⁶ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 102. Л. 76 и далее.

³¹⁷ Там же. Л. 301. *Чрезвычайная следственная комиссия*, образованная указом Временного правительства, ведавшая расследования «преступных действий высших чинов старого строя». См.: Высшие и Центральные государственные учреждения России. (1801-1917). СПб., 2000. Т. 1. С. 245-247.

³¹⁸ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 102. Л. 292, 297.

буя отделения Украинской церкви от Великорусской»³¹⁹. Деятельность Алексия на Украине в духе «церковного большевизма» рассматривал уже Поместный Собор, на котором звучали предложения о запрещении или даже лишении сана строптивого архиепископа.

Интересно также отметить, что до своего украинского периода деятельности Алексий никак не проявлял своих сепаратистских симпатий и занимал правую позицию по церковно-государственным вопросам. Его бывший сослуживец по Херсонскому духовному училищу священник Тимофей Лещенский, возмущенный, по его словам, до «глубины души» деятельностью Алексия на Украине писал митрополиту Владимиру, что Дородницын «никогда не интересовался украинскими вопросами... и в монашество и архиерейство поступил ради карьеры»³²⁰.

Саратовская епархия считалась в 1917 году одной из самых неблагополучных. Еще при старом строе в августе 1916 года в Саратов была направлена ревизия во главе с преосвященным Кириллом (Смирновым). В его отчете отмечались и положительные, и отрицательные стороны деятельности местного епископа Палладия (Добронравова). В числе достоинств архиерея отмечалось его редкое усердие, проповеднический талант, миролюбие. Отрицательной стороной деятельности выступало покровительство некоторым духовным и светским лицам, переехавшим вместе с епископом со старого места службы (Пермская епархия) на новое. Этим лицам «молва приписывала исключительное влияние на дела епархиального управления»³²¹.

Вскоре после революции епископ Леонтий (Вимпфен), незадолго до этого переведенный в епархию викарием, начал активно выступать против местного епархиального архиерея Палладия»³²². Он обвинял его, устно и печатно, во всевозможнейших грехах, называя «распутинцем и реакционером». По его словам, Палладий после революции «растерялся, страшно боялся ареста, бездействовал, прятался»³²³. Более того, Леонтий прервал всякое литургическое общение с Палладием и запретил

³¹⁹ Письмо М. Поснова — И. Глубоковскому // Сосуд избранный. История российских духовных школ. СПб., 1994. С. 171. Колоритный портрет Алексия дан в воспоминаниях Евлогия. См.: *Евлогий, митрополит. Путь моей жизни*. С. 283-285. См. также: *Голостенов М.Е. Алексий (Дородницын) // Политические деятели России 1917: Биографический словарь* М., 1993. С. 16-17.

³²⁰ ЦГИА Украины. Ф. 127. Он. 1054. 2 ст. Д. 166. Л. 37 об. Интересна подпись под данным письмом: «Природный украинец (малоросс) священник Тимофей Лещенский».

³²¹ РГИА. Ф. 797. Он. 86. От. 3. Ст. 4. Д. 25. Л. 1 об.

³²² Епископ Леонтий с 1914 года три раза перемещался с одной викариной кафедры на другую. Из Казани был переведен в Тифлис, оттуда в Оренбург и затем в Саратов.

³²³ ГАРФ. Ф. 550. Он. 1. Д. 98. Л. 21.

помянуть его за богослужением. Данный случай был экстраординарным даже в эпоху революционных «нестроений» в Церкви.

В письме обер-прокурору Синода от 10 марта Леонтий сообщал о своей нелегкой и «неравной» борьбе с «приверженцами распутинского режима». По его словам, он уже давно знает об общении епископа Палладия с Распутиным. Якобы сам Палладий, «желая, вероятно, меня запугать, рассказал мне, как "Григорий Ефимович" к нему милостив и как он им был выдвинут даже на кафедру экзарха Грузии». Викарий писал также, что ему стоило огромных усилий убедить Палладия созвать духовенство и послать правительству телеграммы. О себе Леонтий сообщал, что он не желает «лицемерить ни пред престолом Божиим, ни пред народом, совершая богослужения с... приверженцем Распутина»³²¹.

В свою очередь противники викарного епископа считали, что его выступления против Палладия имеют «личные причины». Выдвигались и обвинения против викария в приверженности «немецкой партии». «Леонтий, — писал ректор местной семинарии, — по своему происхождению немец (барон фон Вимпфен), а по матери племянник генерала от "кувакерии" Воейкова, который пред отречением бывшего царя советовал ему открыть... фронт для усмирения русской "сволочи"»³²⁵.

На состоявшемся в апреле съезде духовенства и мирян «бурные прения, каких до сего дня не знала саратовская епархия, закончились единодушным приговором о немедленном удалении епископа Палладия и в купе с ним и епископа Леонтия»³²⁶. Несмотря на телеграмму обер-прокурора Львова, в которой тот просил «не прибегать к насилию, выжидать решения Синода», представители духовенства обратились в Военный комитет с просьбой содействовать в удалении Палладия. Комитет признал пребывание епископа в Саратове «вредным... как лица, не соответствующего убеждениям переживаемого момента». Преосвященный был арестован и 23 апреля под конвоем отправлен в Петроград в распоряжение обер-прокурора Синода³²⁷.

Еще раньше, по предложению В.Н. Львова, в епархию отправилась ревизия во главе с начальником канцелярии обер-прокурора Ф. Виноградовым, чтобы на месте разобраться в сложившейся ситуации. В своем отчете о поездке в Саратов он принял сторону епископа Палладия. По его мнению, отношение епархиального владыки к новому го-

³²¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. От. 3. Ст. А. Д. 15. Л. 5-6.

³²⁵ Борис, архимандрит. По поноду церковного соблазна и Саратовской синархм // Саратовские епархиальные ведомости. 1917. 1 апреля.

³²⁶ Саратовские епархиальные ведомости. 1917. 1 мая.

³²⁷ Там же.

сударственному строю было «с самого начала доброжелательным и искренним». Как следует из отчета, местные власти лояльно относились к архиерею, которого считали «безвредным для нового строя». Однако, судя по всему, к ссоре двух епископов саратовские власти относились с некоторым юмором. Так, комиссар по управлению Саратовской губернией Н.И. Семенов в беседе с Виноградовым назвал выступления викарного епископа Леонтия «булгой»³²⁸.

Конечно, следует учитывать, что, говоря о лояльном отношении властей Саратова к Палладию, Виноградов имел в виду позицию представителей Временного правительства. Военный комитет, арестовавший владыку, действовал в городе как независимая политическая сила, не подчиняясь ни комиссару правительства, ни местному Совету³²⁹.

На заседании Синода 5 мая Виноградов сделал пространный доклад о Саратовской епархии, по мнению члена Синода Н. Любимова, вполне «благоприятный» для Палладия. Говоря о Леонтии, ревизор «прямо признал его интриганом». По его мнению, Леонтий, как «человек злобный, должен быть удален из Саратова»³³⁰. Обер-прокурора не совсем устраивал такой вывод. Он считал что, «Палладий — несомненный распутинец, что он сам сознался в своей близости к Распутину и подал прошение об увольнении на покой»³³¹. В конечном счете, Синод принял соломоново решение: уволил обоих епископов. Разница заключалась лишь в том, что Леонтия уволили без пенсии³³².

Леонтий с таким решением был не согласен. «Не вижу за собой никакой вины, — писал он обер-прокурору, — а ревизия Виноградова была в мое отсутствие, и никто из лиц, которые могли бы дать показания в мою пользу, не допрашивались. Все это не соответствует обновленному православному строю»³³³. Писал Леонтий и на имя Председателя Временного правительства, жалуясь на несправедливое увольнение. Г.Е. Львов запросил обер-прокурора Синода о подробностях настоящего дела и о причинах увольнения епископа³³¹. Обер-прокурор в ответном послании кратко изложил биографию Леонтия, особо отмечая его родственную связь с бывшим дворцовым комендантом В.И. Воейковым и «крайнюю неуживчивость» владыки, вследствие чего он не мог

³²⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 25. Л. А об., 7 об. (булга - склака).

³²⁹ ГейлиДДж. Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове. Саратов. 1995. С. 90.

³³⁰ Любимов П., протопресвитер. Дневник... С. 62.

³³¹ Там же. С. 63.

³³² РГИЛ. Ф. 797. Оп. 86. От. 3. Ст. А. Д. 25. Л. 9.

³³³ РГИЛ. Ф. 797. Оп. 86. От. 3. Ст. А. Д. 15. Л. 19.

³³⁴ Там же. Л. 22.

долго оставаться на одном месте. По словам В.Н. Львова, в Саратове Леонтий проявил «крайне враждебное отношение» к епархиальному епископу Палладию, «выразившиеся... в прекращении молитвенного общения с ним, возбуждении против паствы и в жалобах в Св. Синод, голословных или вовсе не соответствующих действительности»TM. Такой ответ обер-прокурора не совпадал с его предшествующей позицией по отношению к обвинениям, высказанным викарием епархии Леонтием против преосвященного Палладия (как уже было сказано, В.Н. Львов верил, что Палладий был «распутинец»), видимо, объясняется желанием оправдать перед правительством решение об увольнении викария Саратовской епархии.

Напряженная ситуация сложилась и в Томской епархии, где против местного архиерея, члена последней Государственной Думы Анатолия (Каменского) сложилась сильная оппозиция, которая сразу после революции стала забрасывать Синод телеграммами с требованием уволить владыку, деятельность которого, по их мнению, «носит явно реакционный характер»TM. Вскоре местное духовенство и миряне из числа противников Анатолия получили сильную поддержку в лице общественного Комитета. Наиболее активно оппозиция выступила на съезде духовенства и мирян, открывшемся в Томске 25 мая.

Сам Анатолий отправил в Синод подробный и яркий отчет. По его словам, уже открытие съезда «ознаменовалось бурными сценами». Проблема, по мнению владыки, заключалась в том, что на заседание попало много посторонних людей, не имеющих на то полномочий. Так, например, из одного прихода со священником Шигаревым прибыло сразу 12 человек, которые «составляли такую сплоченную банду насильников, что по мановению своего отца настоятеля, по характеру и внешнему виду настоящего демагога (бывшего келейника митрополита Макария), готовы были всякого растерзать»TM.

Выяснение отношений, по словам Анатолия (владыка в докладе именовал их «разъяснениями»), началось и в среде его противников. Так были «разъяснены» и Шигарев, как участник погрома в 1905 году, и другой противник епископа — священник Панов, «стучавший по кафедре кулаком на председателя съезда, вопивший неистово "ты буржуй"».

Миряне, считал епископ, попали под руководство преподавателя томского епархиального училища А. Смирнова «типичного "ЛЕНИНЦА",

³³⁵ ГАРФ. Ф. 1778. Он. 1. Д. 328. Л. 53-53 об.

³³⁶ РГИА. Ф. 796. Он. 2(М. От. 1. Ст. 5. Д. 135. Л. 1.

³³⁷ Там же. Л. 15.

которого, в конце концов, тоже "разъяснили", уличив в подлогах в приходно-расходной книге училища». К Смирнову присоединились несколько священников «одинакового с ним настроения». В числе их был протоиерей Макарий Топоров, «родной племянник бывшего митрополита Макария, который, пользуясь покровительством своего дяди, творил беззакония и избегал ответственности». Этот протоиерей, по словам Анатолия, «до государственного переворота сидел тихо... но когда начались митинги, стал выступать на них... вместе с сим начались, появляется его статьи провокационного характера в "Сибирской жизни" направленные против меня. Вот эта компания и повела борьбу против меня»³³⁸.

Атаку на преосвященного оппозиция вела чрезвычайно грамотно. Среди противников архиерея был и секретарь Консистории С. Шалаев, который благодаря своему служебному положению был в курсе всех дел епархиального управления и активно делился со съездом «компрометом» на епископа. Основным обвинением Анатолия послужила его резолюция от 11 марта 1917 года, разрешающая освятить иконы на знаменах-хоругвях, присланных из Петроградского отдела «Союза Михаила Архангела» В.М. ПуришкевичемTM. Неблагоприятную роль против архиерея сыграло и то, что депутатом местного Исполнительного комитета был также противник епископа, псаломщик села Павловского И.М. Смирнов. Вместе с ним на съезд пришли представители Комитета прапорщик Сизов, Наумов и «полдюжины вооруженных солдат-милиционеров, которые разместились в различных местах входной лестницы и при дверях».

По словам Анатолия, делегаты Исполнительного комитета заявили, что «необходимо вопрос об отношении съезда к епископу решить в смысле отрицательном... если же духовенство не захочет высказаться в этом направлении, будут приняты меры»³⁴⁰.

Как бы то ни было, съезд духовенства большинством голосов 73 против 34 выразил недоверие своему епископу. Анатолий сообщал в Синод, что «по непроверенным, правда, сведениям... среди депутатов съезда было много если не пьяных, то сильно подвыпивших... Говорят, — продолжал епископ, — всего было выпито 10 ведер. Один ящик вина, присланного депутатам из свечного завода 18 июня утром, до сей поры находится в помещении съезда в духовной семинарии».

³³⁸ РГИА. Ф. 796. Он. 2(М. От. 1. Ст. 5. Д. 135. Л. 18.

³³⁹ Изложение этого события у Фруменковой не вполне точно. Анатолий не освящал никакого знамени, а только поставил свою резолюцию. (Фруменкова ТТ. Высшее духовенство... С. 82.)

мо РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 135. Л. 17.

Вмешательство Комитета в работу съезда зафиксировано и в напечатанных протоколах съезда. Интересно отметить, что на протоколе о вынесении недоверия владыке сам Анатолий поставил резолюцию: «Только бы Господь не оставил меня своим доверием и милостью...»³¹¹.

Свой рапорт в Синод прислал и главный противник Анатолия — секретарь Консistorии Шаламов. Он представил перед депутатами негативный образ преосвященного.

Съездом была создана Ревизионная комиссия, которая проверяла хозяйственную и денежную часть деятельности местной церковной власти. Основным обвинителем выступил секретарь местной Консistorии. Однако все финансовые дела оказались в исправном состоянии. Тогда, по словам секретаря, съезд обратил «особое внимание» на те дела Консistorии, которые, так или иначе, освещали церковно-общественную позицию архиерея. На съезде стали зачитывать резолюции преосвященного на протоколах Консistorии. Например, такие многочисленные, как «красножабрый, краснощея, пантофельный, кошерный и т. п.»³¹². Что конкретно означали эти резолюции и на каких документах их ставил Анатолий, секретарь Консistorии не пояснил.

Особое внимание, конечно, привлекла уже известная резолюция от 11 марта, положенная преосвященным на отношении Усть-Калманского отдела Союза Михаила Архангела, разрешающая освятить и хранить в местной церкви знамена союза. По словам Шаламова данная резолюция была получена Консistorией 13 марта, и он, как секретарь, «решительно запротестовал против исполнения означенной резолюции, считая ее... после государственного переворота провокационным актом».

Излагая далее свой отчет о съезде, секретарь Консistorии начинает говорить о собственных действиях уже в третьем лице. Во время «заседания съезда секретарю Консistorии многократно приходилось выступать с различного рода разъяснениями... секретарь Консistorии счастлив засвидетельствовать, что исчерпывающие его разъяснения неоднократно сопровождалась аплодисментами депутатов съезда». А после освещения вопроса о союзническом знамени «была выражена благодарность депутатов мирян и группы духовенства "за высокопоянтый и исполненный долг гражданина"».

Правда, писал Шаламов, «некоторая группа депутатов, преимущественно клириков, настроенных реакционно и названная на съезде темными силами», посчитала секретаря «церковным революционером», с

³¹¹ Протокол Iл первого чрезвычайного съезда представителей духовенства и мирян в г. Томск. Томск. 1917// Там же. Л. 47 об.

³¹² РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 135. Л. 28 об.

чем сам Шаламов в принципе согласился, «если разуметь под "церковным революционером" борьбу с самодержавием епископата»³¹³.

Вместе с тем, значительная часть духовенства все же поддерживала Анатолия. Многие были недовольны активным вмешательством в церковные дела Исполнительного комитета. Последний и после съезда продолжал забрасывать посланиями столичные власти, как светские, так и церковные, с ультимативными требованиями устранить преосвященного, который не только «терроризирует» духовенство, но и в «настоящее время распространяет книгу "Печаль русской земли"»³⁴¹.

Второй рапорт направил в Синод и секретарь Консistorии Шаламов, сообщая, что в Анатолии продолжает «плотно сидеть епископское самодержавие». Он вновь затронул свою любимую тему — резолюции преосвященного на документах. По его словам, «если до революции какое-либо епархиальное учреждение проявляло инициативу, эта инициатива подвергалась осмеянию в резолюции в таком роде: "шумим, братцы, шумим"». «Конечно, в другой раз, — продолжал Шаламов, — никому не хотелось фигурировать в роли Репетилова, и творческий порыв замирал». В заключение доклада секретарь Консistorии сообщал в Синод, что Анатолий «все также стоит на том же пути, что и до революции, а игнорирование церковного общества — есть дело контрреволюционное и поэтому не терпимое»³⁴⁵. Такая резко антиепископская позиция человека, занимавшего должность секретаря Консistorии и бывшего фактически независимым от местного архиерея, не могла не обратить на себя внимание членов Синода.

21 июля архиепископ Сергей телеграммой предложил Анатолию добровольно подать прошение об увольнении на покой. Владыка требуемое прошение написал, мотивируя свою просьбу «переутомлением и нуждой в продолжительном лечении». Синод не стал сразу принимать решение об устранении томского епископа, возможно, по причине усилившейся активности сторонников Анатолия. Последние сообщали, что решение съезда — результат сведения личных счетов. По их словам, преосвященный «вполне, безусловно, признает Временное правительство... и с негодованием отвергает всякую мысль о контрреволюции»³⁴⁶.

8 августа Анатолий написал в Синод еще одно письмо «в дополнение прошению об увольнении». Владыка просил назначить расследование

³¹³ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 135. Л. 29.

³⁴¹ Видимо, правильно — «Книга русской скорби»: сборник, издаваемый В.М. Пуришкевичем, был посвящен жертвам революционного террора в России.

³⁴⁵ РГИЛ. Ф. 796. Он. 2(М. От. 1. Ст. 5. Д. 135. Л. 50 об.

³⁴⁶ Там же. Л. 37.

его деятельности, и только «если по проведению расследования окажется невозможным остаться в епархии, прошу вместо увольнения назначить викарием в одну из приволжских епархий»³⁴⁹.

Очевидно, епископ нашел удачное время для своего протеста: ситуация в Синоде поменялась и Анатолий не был уволен, а лишь отправлен в отпускTM. Никакое расследование его деяний не проводилось. Епископ представлял епархию на Поместном Соборе, а 14 декабря приехал в Томск и лично вступил в управление епархиейTM.

Не все увольнения епископата в 1917 году следует связывать с политической борьбой за власть. Очевидно, увольнение некоторых архиереев произошло по каким-то другим причинам. Так, например, 23 мая, согласно прошению, по причине болезни был уволен Тульский епископ Парфений.

Также 26 июня направил в Синод прошение об увольнении и епископ Полоцкий Кирион. Он жаловался на «расстроенное» здоровье и просил уволить его с 1 августа. 12 июля епископ прислал в Синод телеграмму, сообщая, что по совету врачей ему «необходимо отправиться на юг»³⁵⁰. 1 августа просьба Кириона была удовлетворена, он был уволен и стал просить пособие на лечение. И до своего увольнения, по причине нездоровья, он фактически епархией не управлял. Правда, следует отметить, что епископ Кирион, грузин по национальности, 8 сентября 1917 года был избран католиком Грузии. Его самочинные и «автокефалистские» действия были подвергнуты осуждению в послании патриарха Тихона от 29 декабря 1917 года³⁵¹. Сам Кирион, очевидно, страдал острой формой душевного расстройства и летом следующего года покончил жизнь самоубийством³⁵².

Не совсем ясны причины увольнения архиепископа Херсонского и Одесского Назария (Кириллова). Он был уволен от управления епархией согласно прошению, 28 сентября и одновременно назначен членом московской синодальной канцелярии и управляющим Симоновым монастырем³⁵³.

³⁴⁹ РГИА. Ф. 796. Он. 2(М. От. 1. Ст. 5. Д. 135. Л. 60.

TM **тр** **фруменкова** ошибается: **Анатолий** не был уволен; **причиной** ошибки стало, возможно, исправил 1)100 **прочтение документа**. (*Фруменкова Т.Г. Высшее духовенство...* С. 82, 91.) Определения Синода об увольнении епископа также не было. Что Анатолий не был уволен, видно также из местных «епархиальных ведомостей».

³⁵⁰ Томские епархиальные ведомости. 1917. 15 декабря.

³⁵¹ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 284. Я. 1.

³⁵² Акты **святейшего** патриарха Тихона... С. 71-75.

³⁵³ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 2М. Я. 8. Следственное дело патриарха Тихона. М., 2000. С. 662.

³⁵⁴ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 405. Л. 1.

Также были уволены епархиальные архиереи в Чернигове, Курске, Рязани и Харькове. (Подробно о ситуации в этих епархиях рассказывается в главе о выборах архиереев.)

Особая ситуация сложилась в Грузии, где сразу после революции необычайно сильно проявилось движение церковного сепаратизма. Уже 12 марта собравшийся в Мцхете собор, хотя и отслужил благодарственный молебен об «укреплении нового русского правительства», в то же время объявил об автокефалии Грузинской церкви с полной независимостью от Синода³⁵⁴.

Экзарх Грузии архиепископ Платон (Рождественский) сообщал в Синод, что ему предъявили заявление об автокефалии, в котором говорилось: «С этого дня вы юридически и фактически перестаете быть экзархом Грузии... и лишаетесь права распоряжаться грузинскими епархиями и приходами»³⁵⁵. Согласно этому заявлению, в управление местной церковью до выборов католикоса вступил епископ Леонид. По словам Платона, он заявил, что не может подчиниться постановлению собора и что только высшая духовная власть «может лишить меня должности и звания, а не их собор из канонически подчиненных мне иерархов».

Однако в скором времени Платону все же пришлось покинуть Грузию. Архиепископ был включен в новый состав Синода. Автокефалия Грузии, хотя и не была признана Синодом юридически, фактически все же состоялась. Так, на заседании 23 июня Синод признал «создавшийся факт независимой организации грузинской церкви... откладывая вопрос о правовом признании... до предстоящего Поместного Собора»³⁵⁶. Однако позиция Синода начала меняться после поездки в Грузию и доклада профессора В.Н. Бенешевича на заседании Синода 28 июня. Именно после этого, как писал епископ Андрей (Ухтомский), «раздалось в Синоде страшное слово схизма»³⁵⁷.

В состав Грузинского экзархата входила и Сухумская епархия, которую составляли в большинстве абхазские и русские приходы. В Сухум в мае 1917 года приезжала специальная делегация от грузинских «автокефалистов» с целью переговоров о возможном церковном слиянии с Грузией. Эту перспективу абхазские представители на переговорах отвергнули. Сами абхазцы желали отделения от Грузинского экзархата, либо провозглашения их собственной автокефалии. Однако все-таки, соблюдая каноническую субординацию, остались в подчинении местному епископу и запросили о

³⁵⁴ РРГА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 281. (По поводу объявления автокефалии Грузинской церковью.) Л. 8 об.

³⁵⁵ Там же. Л. 8 об.

³⁵⁶ Там же. Л. 12.

³⁵⁷ Там же. Л. 34.

решении их вопроса Синод. Только спустя несколько месяцев оттуда пришла телеграмма о передаче решения их вопроса Поместному Собору^{35*}.

Поместный Собор не успел рассмотреть ситуацию в Грузии, но совершенно ясно, что он бы не признал ее автокефалии. 29 декабря 1917 года патриарх Тихон выпустил послание грузинским епископам — «автокефалистам», призывая их «подчиниться требованию церковных правил и, следуя каноническому порядку, явиться на Всероссийский Священный Собор, и, сознавая свои заблуждения, предать свои вождения об автокефальном устройении Грузинской Церкви на суд сего Всероссийского Собора...»¹⁹. Деяния грузинских епископов также рассматривались на Соборе как факт «церковного большевизма».

Работа с источниками убеждает в том, что выводы обобщающего характера о причинах, ходе и результатах внутрицерковной борьбы, а также об участии в ней архиереев можно делать только при более детальном рассмотрении конкретных случаев. Наиболее показательна в этом отношении ситуация, сложившаяся в трех наиболее неблагоприятных епархиях — Тверской, Орловской и Енисейской.

Тверская епархия

Тверской архиепископ Серафим (Чичагов) (1856–1937) был крупным церковным и политическим деятелем предреволюционного периода. Представитель известного дворянского рода, боевой гвардейский офицер, он, приняв священство, а после смерти жены, и монашество, быстро сделал карьеру и в духовном ведомстве. В 1903 году принял активное участие в деле подготовки канонизации Серафима Саровского. К началу 1917 года архиепископ Серафим был членом Синода и выборным представителем от монашества в Государственном Совете, являлся одним из влиятельных иерархов Церкви. Тверской владыка был активным противником синодального строя и сторонником коренных реформ в области церковного управления³⁶⁰.

^{35*} Подробнее о ситуации в Закавказье рассказывается в интересном дневнике члена Собора от Сухумской епархии Г. Голубцова. См.: Голубцов Георгий, протоиерей. Поездка на всероссийский церковный собор // *Российская церковь* в года революции (1917–1918). М., 1995.

¹⁹ Д. Т. и патриарха Тихона... С. 75.

³⁶⁰ Так, в 1916 году на собрании благочинных Серафим развил свои мысли по поводу церковных реформ. «Вотуже 200 лет русеют церковь л пшена строгого канонического управления на началах соборности, много делалось для разъединения епископов между собой и Св. Синода. Но всему бывает предел, и наша церковь дошла до критического угрожающего положения. Продолжение этого состояния невыносимо для всех верующих, опасно для церкви и самого государства. Уничтожение свободы в церкви неизбежно приводит к внутреннему духовному разложению. Многие старые должны измениться, улучшиться, а иначе угрожают государству жестокие потрясения». *Тверские епархиальные ведомости*. 1916. № 13–И. С. 111–113.

Возможно, именно поэтому Серафим так искренне приветствовал Февральскую революцию. Находясь в дни переворота в Петрограде, преосвященный, по всей видимости, не спешил в Тверь, где и до этого он появлялся не особенно часто. Большинство текущих дел по управлению епархией выполнял викарный епископ Арсений (Смоленец)³⁶¹.

Между тем ситуация в епархии накалялась. Сказалось и то, что, в отличие от большинства провинциальных городов, где смена власти произошла спокойно, а иногда и незаметно, в Твери мартовские беспорядки, по выражению очевидцев, приняли «грозную и зверскую форму»¹⁶². С этим явно диссонировали слова архипастырского воззвания Серафима о «Божьей милости народном восстании... обошедшемся без многочисленных жертв»³⁶³. Только 20 марта владыка прибыл в Тверь и попытался взять инициативу реформ церковного управления в свои руки. На собрании городского духовенства архиепископ выступил с инициативой скорейшего проведения съезда. Также был решен вопрос о переизбрании благочинных, благочиннических советов и духовных следователей. (Сам Серафим в 1914 году отменил выборы благочинных, как «незаконные и вредные»³⁶⁴.)

«Однако, — как сообщал Серафим в Синод, — мое стремление внести некоторое успокоение в духовенство и прихожан оказалось безрезультативным». На местах вместо благочинных и их помощников духовенство и прихожане стихийно создавали исполнительные комитеты, которые и взяли в свои руки процесс избрания представителей на епархиальный съезд. На фоне пассивности городского духовенства особую активность проявило сельское население. Наибольшую организованность проявили низшие священно- и церковнослужители уездного Ржева, образовав «союз дьяконов и псаломщиков», чрезвычайно радикальная программа которого была опубликована даже в центральной прессе³⁶⁵.

На открывшийся 20 апреля в здании Женского епархиального училища Чрезвычайный съезд прибыло депутатов гораздо больше предусмотренного числа, но право решающего голоса было дано всем.

³⁶¹ Арсений (Смоленец) был человеком высокообразованным, с не совсем обычной для епископа биографией: поляк по национальности, он перешел в православие, окончил юридический факультет Варшавского университета и Казанскую духовную академию. В Твери с 1912 г.

¹⁶² РГАО. Ф. 103. Оп. 1031. Д. 1934. Л. 1. См. также: Вениамин (Федченков), митрополит. Па рубеже двух эпох. М., 1994. С. 145–148.

³⁶³ Вестник Тверского губернского исполнительного комитета. 1917. 11 марта; Тверские епархиальные ведомости. 1917. № 9–10. С. 2.

³⁶⁴ Указания и распоряжения Высокопреосвященного Серафима архиепископа Тверского и Кашинского по Тверской епархии. Тверь. 1914. С. 45–46.

³⁶⁵ Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 23 апреля.

«Отслужив перед открытием съезда молебен, — сообщал в Синод Серафим, — я увидел, среди церковных ревнителей нет ни одного из известных мне в епархии. Все были новые неведомые лица или давно прославившиеся дурными поступками люди. Сильно пахло спиртом, ханжой. Несомненно, прошли в число депутатов сектанты и большевики».

Председателем большинством голосов был избран бывший священник, депутат II Государственной Думы Ф. В. Тихвинский, лишенный сана за отказ выйти из фракции трудовиков. Съезд сразу принял радикальный характер, особенно, по словам архиепископа, «в крайнем революционном настроении» пребывали ржевские депутаты, их «поддерживала кучка крикунов, которая набрасывалась буквально с кулаками на всякого несогласного с ними»³⁷⁰.

Попытка приглашенного на съезд Серафимом профессора Московской духовной академии И.М. Громогласова внести успокоение в ряды депутатов закончилась неудачей. По словам владыки, профессор «признал съезд сборищем врагов церкви и отказался прочесть лекцию». Неудивительно, что при таком настроении депутатов вопрос о переизбрании епископов, как гласят официальные протоколы съезда, был сведен «с принципиальной точки зрения к местному архиепископу»³⁷¹. Серафима обвиняли в неискренности, деспотизме, потворстве доносам, «введению полицейского строя в епархии, что он проведен в Тверь темными силами, что он слуга старого режима». В результате съезд вынес решение, об оставлении Серафимом епархии, «ввиду явно выраженного недоверия к его церковно-общественной деятельности». Когда депутаты перешли к обсуждению викарного епископа Арсения, последний пришел на съезд и, говоря словами официального протокола, «проявил сердечное и корректное отношение к епархиальному съезду».

Архиепископа чрезвычайно удивил и даже обескуражил такой ход дела. «Наша губерния во власти большевиков, — писал владыка обер-прокурору Синода Львову, — а потому стоит рядом с Кронштадтом по настроению и возбуждению... Для меня теперь ясно неоспоримо, что большевики создают церковную революцию с намерением ослабить духовенство и сделать его беззащитным». Более того, Серафим считал, видимо, что возможности остаться в Твери у него нет, поэтому и просил помощи у своего давнего «приятеля»³⁷² Львова: «Усердно прошу вас помочь мне в такую трудную минуту моей жизни... Хочу надеяться,

³⁷⁰ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 154. Л. 19 об.

³⁷¹ Протоколы Чрезвычайного Епархиального съезда духовенства и мирян Тверской епархии. 20-25 апреля 1917 г. Тверь, 1917. С. 6.

³⁷² Серафим называл Львова «приятелем», так как они были хорошо знакомы по совместной службе в гвардии.

что вы придумаете мне дело в Синоде и дадите таким образом пережить кризис... В голову не могло придти, что я доживу до современного положения»³⁷³.

Между тем в столицу направилась делегация Тверского съезда во главе с председателем съезда Тихвинским. Даже видавших виды членов Синода она шокировала своим радикализмом и несговорчивостью. Депутаты информировали церковный орган, что в Твери создан Епархиальный совет, который становится во главе управления епархией; архиепископ и Консистория фактически отстранены от власти, звучало также требование немедленного удаления из епархии Серафима. По словам члена Синода протопресвитера Любимова, члены делегации заявили, что «ни на какое соглашение они не пойдут. Если так, — возмущался протопресвитер, — то зачем же они пришли в Синод». А товарищ обер-прокурора А.В. Карташев назвал действие депутатов «чем-то вроде мародерства в тылу, или действием рабов, спущенных с цепи»³⁷⁴.

Обер-прокурор Синода в личном разговоре все же обнадежил делегацию, заявив, что, по его мнению, Серафим в епархию не вернется, ссылаясь на только что полученное письмо архиепископа. В Тверь делегация приехала в хорошем настроении, слух об обещании Львова начал быстро распространяться, чем вызвал негодование владыки. «Прошу Синод меня не увольнять, — телеграфировал Серафим, — частное письмо не может заменить прошение»³⁷⁵.

Синод определением от 10 мая отправил Серафима в отпуск. Временное управление епархией было возложено на его викария Арсения, сумевшего найти общий язык с радикально настроенной частью тверского духовенства. Согласно постановлению съезда, в Твери избрали Епархиальный совет, куда и вошли наиболее активные противники Серафима.

Однако опальный преосвященный решил не сдаваться и уже из Москвы начал вести активную борьбу за тверскую кафедру. Гнев владыки вызвали действия викария Арсения, которого Серафим стал считать своим основным соперником за власть в епархии³⁷⁶. В своих

³⁷³ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 154. Л. 3.

³⁷⁴ Любимов Н., протопресвитер. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля - 12 июня 1917 г.) // Российская церковь в годы революции (1917-1918). М., 1995. С. 23-24.

³⁷⁵ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 154. Л. 6.

³⁷⁶ Серафим предлагал Синоду назначить викарием па место Арсения ректора тверской семинарии архимандрита Вениамина (Федченкова). В своих воспоминаниях Вениамин касается событий в Твери в 1917 году. Однако изложение церковной смуты у него крайне неточно. См.: Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох... С. 148-150.

многочисленных письмах и докладах в Синод владыка обвинял Арсения не только в том, что он «счел возможным явиться на этот незаконный съезд... испросил прощения и обещал исправиться», но и в том, что викарий после своего назначения временно управляющим епархией переехал жить в покои архиепископа, а также прекратил поминовения его имени за богослужением.

Сам Арсений, человек чрезвычайно осторожный, конечно же, не мог пойти на такой шаг, о чем и сообщал в Синод: «В настоящее время, — писал он, — за богослужением поминают в иных местах архиепископа Серафима, в других мое имя, в третьих не поминают никого, в некоторых городах такая разнообразная практика применяется одновременно к смущению верующих»³⁷³. Члены тверского Епархиального совета заняли еще более «гибкую» позицию, сообщая в Синод, что сами «не имеют права, с канонической точки зрения, разрешить непоминовение, опасаясь, с другой стороны, всевозможных эксцессов на местах, в случае распоряжения о поминовении». Члены совета просили церковную власть разрешить наконец неопределенную ситуацию в епархии, дать ей возможность избрать епископа.

Также, не дождавшись быстрого решения проблемы, представители епархиального Совета обратились в Тверской губернский совет крестьянских депутатов с «просьбой содействовать удалению» Серафима. На заседании бюро Совета крестьянских депутатов 12 июня в присутствии представителей Епархиального совета (священник Вихлин, дьякон Крылов и псаломщик Воскресенский) было решено «принять активное участие в удалении Серафима» •".

Обер-прокурор Синода получил ультимативное заявление от Совета крестьянских депутатов. В нем сообщалось, что Совет «возмущен систематическим игнорированием постановлений» Чрезвычайного съезда духовенства и мирян и «считает своим гражданским долгом немедленно принять меры к проведению в жизнь постановлений съезда». Также Совет протестовал против выдачи Серафиму содержания и требовал «немедленно взыскать деньги», полученные епископом после 25 апреля³⁷⁴. Какие еще решения епархиального съезда «проводить в жизнь» должен был Губернский Совет — неясно.

Особенное негодование обращение членов Епархиального совета к крестьянским депутатам вызвало у Серафима. «Куда мы едем? — писал он члену Синода архиепископу Михаилу, — Неужели каждый пья-

ный дьякон, вроде Крылова, имеет право бороться против архиепископа?»³⁷⁶

Обращение к самарскому владыке Михаилу было не случайно: именно его Синод командировал в Тверь разобраться в ситуации на месте³⁷⁷. Серафим начал забрасывать ревизора своими письмами, советуя, как разрешить конфликт его и части местного духовенства. «Сколько ни думаю, — писал архиепископ, — нахожу только два пути... чтобы Синод по вашему докладу прислал мне срочную телеграмму о сокращении отпуска... а преосвященного Арсения об освобождении от управления. Иначе преосвященный Арсений не сдаст мне управление.» «Но этого мало», — добавлял владыка, советуя «немедленно» перевести своего викария в другую епархию или отправить в отпуск, а также распустить Епархиальный совет. Серафим также желал, чтобы будущий съезд, который должен был состояться 8 августа, «отменил относительно меня постановление первого»³⁷⁸.

Центром «заговора» против себя владыка считал Ржев, где продолжал действовать «союз дьяконов и псаломщиков». Основную причину недовольства низших членов клира Серафим видел в том, что он не допускал назначение на должности не кончивших курс семинарии³⁷⁹. Между тем члены Епархиального совета, «партия клириков товарищей большевиков», по характеристике архиепископа, почувствовав опасность и, очевидно, боясь возвращения Серафима, составили и отпечатали в виде листовки обращение к Тверской епархии. Листовка была разослана по всем церквям епархии. «Стало ясно, — сообщалось в ней, — что владыка добровольно не уйдет... а при создавшемся положении жить вместе нельзя и кто-нибудь должен уйти: епархия от епископа или епископ от епархии». Члены Совета информировали также о своем совместном с делегатами от Ржева визите в Петроград, где они встречались с обер-прокурором, а также присутствовали на заседании Синода. Здесь они и получили информацию о ревизии Михаила и услышали заявление обер-прокурора, что «епископ может быть удален только по суду». Это, конечно, сильно удручило делегацию. Даже им было ясно, что документально никаких «преступлений» Серафима подтвердить не удастся. Члены Епархиального совета просили высказаться по поводу Серафима всю тверскую епархию³⁸⁰. Сам Серафим,

³⁷³ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 154. Л. 34.

³⁷⁴ Тверской листок. 1917. 6 июля.

³⁷⁵ РГИА. Ф. 79(г). Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 154. Л. 39.

³⁷⁶ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 154. Л. 51 об.

³⁷⁷ Материалы ревизии Михаила отложились в фонде канцелярии обер-прокурора и составили отдельное дело. РГИА. Ф. 797. Он. 86. От. 2. Ст. 3. Д. 44.

³⁷⁸ Там же. Л. 17 об.

³⁷⁹ Там же. Л. 20 об.

³⁸⁰ Там же. Л. 59.

находящийся в Москве, назвал данный документ «экземпляром нового вранья». По его мнению, окончательно скомпрометировал себя сотрудничеством с Епархиальным советом преосвященный Арсений и «заслуживает одного порицания». Сам временно управляющий епархией сообщал, что он, «ознакомившись» с данным обращением и сделав «некоторые смягчения», все же не считал возможным его подписать. По поводу же обращения членов Епархиального совета к крестьянским депутатам Арсений заявил, что узнал об этом «post factum и считал, что члены Совета в данном случае выступили в качестве представителей епархиальной общечеловечности»⁷⁹⁷.

Между тем, приехав в Тверь, архиепископ Михаил 28 июля собрал представителей духовенства и мирян для разъяснения основного вопроса — «о бывшем 22-26 апреля епархиальном съезде». Большинство собравшихся, а это были в основном представители городского духовенства, высказывались в поддержку архиепископа Серафима. Так, преподаватель местной мужской гимназии Н.Ф. Платонов, бывший в то время комиссаром по церковным делам, заявил, что сам съезд проходил в обстановке полного хаоса: «говорили сразу по 10 человек, с одним сделалась даже истерика»⁷⁹⁸. Отмечалось, что большинство обвинений в адрес владыки являлись голословными. Резко в защиту съезда выступил дьякон Крылов: он сравнил его с первым Вселенским Собором, «который был так же бурным»⁷⁹⁹. (Вообще дьякон Крылов был деятельным противником Серафима, составив объемистый доклад с перечислением многочисленных «вин» архиепископа)⁸⁰⁰. Однако закрытой баллотировкой 100 человек против 7 собрание высказалось за возможность возвращения Серафима в Тверь⁸⁰¹. По поводу тверского «раскола» Синод принял специальное послание, в котором призывал епархию помириться со своим архипастырем.

Несмотря на такие, казалось, благоприятные для преосвященного обстоятельства, новый съезд, открывшийся 8 августа в присутствии архиепископа Михаила, снова большинством голосов высказался против Серафима. За оставление владыки в Твери проголосовало 136 де-

⁷⁹⁷ Ф. 797. Он. 86. От. 2. Ст. 3. Д. 44. Л. 61.

⁷⁹⁸ Н.Ф. Платонов, происходивший из духовного сословия, после Февральской революции был членом Комитета общественной безопасности и, как вспоминал митрополит Вениамин, на него «возложено было попечение о церковно-государственных делах в губернии». Вениамин (Федченков), митрополит. Указ. соч. С. 144.

⁷⁹⁹ ГИЛ. Ф. 797. Он. 86. От. 2. Ст. 3. Д. 44. Л. 2.

⁸⁰⁰ Член Епархиального совета дьякон Крылов обвинял Серафима не только в высокомерии и оскорблении низших клириков, но и в монархизме со ссылкой на проповеди владыки до революции. Там же. Л. 48-40 об.

⁸⁰¹ Там же. Л. 7.

путатов, против же было 142⁸⁰². Такая разница с предыдущей баллотировкой объясняется тем, что на съезде присутствовали представители всей епархии, тогда как 28 июля Серафим получил убедительную поддержку только у городского духовенства.

Сам архиепископ основным виновником такого результата считал своего викария Арсения, который, по его словам, «стал во главе самой дерзкой непримиримой агитации, восстанавливая против меня духовенство и паству... и распространяя клеветы на меня...». По словам преосвященного, Арсений «ради экономии собственных средств... в мое отсутствие ежедневно обедал в моем доме, привозил даже гостей женского пола, загнал моих лошадей и изгонял монашествующих, приписанных к моему архиерейскому дому... обсудил до последней возможности, как парализовать действия предстоящего 8 августа съезда». По словам Серафима, на съезд были «впущены солдаты, которые по условному знаку кричали и не давали никому из моих сторонников говорить». Обвинял архиепископ своего викария и в том, что он постоянно «шептался со своими агитаторами»⁸⁰³. Данное письмо, направленное архиепископу Платону, определением Синода было препровождено в Тверь Арсению с требованием «предоставить... объяснения»⁸⁰⁴.

Арсений благодарил Синод за признание «правила *audiatur et altera pars*. Я же постараюсь, — обещал владыка, — изобразить факты *sine ira et studio*, достоверно, по крайней мере, с субъективной точки зрения»⁸⁰⁵. Арсений действительно постарался: его доклад представляет собой образец грамотно построенной богословско-юридической защиты, написанный великолепным литературным стилем. Владыка сообщал, что в отношении с ним Серафим всегда «был ровен, корректен и вежлив». В области же управления епархией «придерживался тактики просвещенного абсолютизма и не был склонен к соборности в решении дел».

После революции Серафим также ни в чем не советовался со своим заместителем, «хотя следовало бы сговориться о будущем совместном образе действий». 21 апреля во время работы съезда, «около полуночи», Арсению позвонил один из его друзей, сообщив, что на следующий день на съезде будут обсуждать вопрос о викарии. Это и побудило его утром прийти в здание епархиального училища. Решение съезда по поводу Серафима Арсений оценивал как явление «в высшей степени печальное, но не антиканоническое, сообразно практике Восточных

⁸⁰² «Тверской епархиальный съезд духовенства и мирян // Тверская мысль. 1917.

11 августа.

⁸⁰³ ГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 154. Л. 70 а.

⁸⁰⁴ Там же. Л. 72 а.

⁸⁰⁵ Там же. Л. 73 а.

Церквей, столь часто меняющих своих архипастырей по воле церковно-народного собрания». Тем более, считал викарий, «съезд был открыт законной властью и ею не был закрыт». По поводу своей речи перед депутатами Арсений сообщал, «что в ней не было сделано ни намека на личность архиепископа». По его словам и впоследствии он был против негуминования Серафима и «не вел никакой противной ему агитации». Владыка сообщал, что начиная с августа среди священников епархии, «преимущественно городских», начало зреть серьезное недовольство деятельностью Епархиального совета: «Им стали приписывать стремление к демократизации священства в ущерб умственного уровня его носителей». Сыграло свою роль и обращение к Совету крестьянских депутатов, которое произошло, по словам Арсения, «в мое отсутствие в Твери и, конечно, без моего ведения». Да и вообще, по словам владыки, он «старался держаться политического нейтралитета».

Арсений считал, что Серафим, обвиняя его, «черпал свои сведения не из осторожных источников и не разнообразных... Но не могу не подметить и другой стороны дела, субъективной. В письме нить рассуждения, лучше сказать предположений, такова: шептался Арсений с кем-нибудь — следовательно, шептался против меня; такое же понимание моих действий навязано и всем: явился я на съезд, конечно, с той целью, чтобы занять живое место; ездил по епархии — какая может быть другая цель поездок, кроме подкопов против архиепископа. Пусть меня простит высокопреосвященный, но я решительно протестую против навязывания мне подобной психики и логики, и считаю ее совершенно произвольной и оскорбительной для меня»³⁹⁰.

В заключение своего доклада Синоду Арсений представил приложения, содержащие конкретный «источниковедческий» разбор положений из жалобы Серафима. Так как последний обвинял своего викария в агитации против него во время поездок по городам епархии, Арсений телеграммой запросил всех благочинных тех мест, где он был за время своего управления тверской епархией³⁹¹. Ответ всех протоиереев был одинаков: Арсений не вел никакой агитации против Серафима.

Однако даже такой конструктивный разбор обвинений Серафима не помог викарию. Определением Синода от 11 сентября Арсений был перемещен в Таганрог на должность викария Екатеринославской епархии, а Таганрогский епископ Иоанн (Поммер) был назначен викарием в Тверь³⁹². В центральной прессе даже появилось

сообщение, что по возвращении Серафима в Тверь викарий был «арестован в административном порядке»³⁹³. В действительности же Арсений спокойно, без всяких эксцессов покинул Тверь. Во время торжественного прощания с паствой ему были поднесены иконы и митра³⁹⁴.

Однако Серафиму не суждено было долго торжествовать победу. В декабре Исполнительный комитет местного Совета рабочих и солдатских депутатов предъявил ему ультиматум: сдать все дела по управлению Тверской епархией Епархиальному совету до 1 января 1918 года и покинуть пределы губернии. В письме, направленном владыке за подписью председателя Исполнительного комитета А. П. Вагжанова, содержалась интересная мотивировка такого решения: «принимая во внимание постановления Чрезвычайного съезда духовенства 20-25 апреля и результаты баллотировки 8 августа»³⁹⁵.

Несчастному владыке ничего не оставалось, как снова покинуть Тверь. В Москве Серафим попытался заручиться поддержкой патриарха. Тихон направил письмо викарию епархии с просьбой сообщить обстоятельства конфликта архиепископа с Советом³⁹⁶. Иоанн отвечал, что не знает «решительно ничего такого, что могло бы послужить достаточным основанием для насильственного удаления архиепископа». По его мнению, на данный ультиматум Совета можно смотреть только как на «предложения». «Такие предложения некоторые архипастыри оставляли без внимания. Отъезд может быть истолкован как проявление малодушия. Не уехать из епархии по предложению политической организации легче, чем потом приехать обратно в епархию», — считал Иоанн. «Конечно, — добавлял викарий, — при возвращении надо быть готовым ко всяким случайностям, от которых не спасут ни сан, ни возраст... но Бог милостив»³⁹⁷. В епархию Серафим не вернулся, хотя и принимал активное участие в заседаниях Поместного Собора как Тверской архиерей. Основным виновником ситуации, сложившейся в епархии, архиепископ считал членов тверского Епархиального совета, которые, по его мнению, и строили против него всевозможные козни. Не доволен был владыка и позицией Синода, а также и патриарха, который, по его словам, во время доклада о положении в Твери «смеялся и балагурил»³⁹⁸.

³⁹³ русское слово. 1917. 17 сентября.

³⁹⁴ Тверская мысль. 1917. 26 сентября.

³⁹⁵ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 154. Л. 128.

³⁹⁶ Там же. Л. 127.

³⁹⁷ Там же. Л. 129.

³⁹⁸ Письма патриарха Алексия своему духовнику. М., 2000. С. 112.

³⁹⁰ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 154. Л. 78 а.

³⁹¹ Там же. Л. 82 а.

³⁹² Там же. Л. 104.

На Соборе Серафим изложил свое видение «тверской революции в духовенстве». По мнению архиепископа, дьяконы и псаломщики «выдумали» поход против него по причине введения им экзамена на священнический санTM. Не забыл владыка и своего «приятеля», бывшего обер-прокурора Синода, который, по его словам, в его деле «играл непонятную и странную роль». Правда, основное обвинение в адрес Львова в том, что он принял делегацию «незаконного» съезда, было явно неубедительно. Серафим сам выступил инициатором апрельского съезда и даже благословил его открытие⁴⁰⁰.

Напрасно Серафим выражал недовольство и Синодом. Можно уверенно сказать, что именно благодаря позиции Синода он сумел сохранить пост епархиального архиерея до 1918 года, а также добиться перевода в другую епархию своего основного «конкурента» Арсения. (Следует отметить, что Арсений, несмотря на декларируемой нейтралитет, конечно же, желал занять место епархиального владыки.) Причем «победа» Серафима произошла, казалось бы, на неблагоприятном для него общеполитическом фоне. Негативно его деятельность оценивалась печатными органами влиятельных в губернии партий. В кадетской «Тверской мысли» появлялись заметки, сочувствующие викарному епископу⁴⁰¹, а со страниц эсеровской газеты звучал призыв положить конец «контрреволюционным» и «корниловским» выступлениям Серафима⁴⁰². Правда, при изучении местной прессы напрашивается вывод, что церковные проблемы находились явно на периферии политической жизни губернии.

Важную роль в решении не увольнять Серафиму сыграл его авторитет в церковной среде, а также личные связи владыки с обер-прокурором и членами Синода⁴⁰³.

Говоря об основных виновниках «похода» против него, преосвященный был, безусловно, прав. Именно дьяконы и псаломщики были больше всего недовольны его епархиальной политикой. (К началу 1917 года в тверской епархии числилось 580 дьяконов и 1 118 псалом-

щиков, 14 протоиереев и 1 176 священников. Количество церквей — 1 291 единица⁴⁰⁴.)

Прибыв в епархию в 1914 году, Серафим не только ввел экзамен на священнический чин, но и запретил псаломщикам самим ходатайствовать о разрешении держать экзамен на чин дьякона⁴⁰⁵. Именно низшие священно- и церковнослужители были движущей силой церковной оппозиции архиерею и смогли захватить власть в епархии. Однако в скором времени в епархии сложилась сильная оппозиция Епархиальному совету. В основном деятельностью Совета были недовольны представители церковной интеллигенции.

Членов Епархиального совета стали обвинять в узурпации власти и в «большевизме». Даже духовенство из наиболее «оппозиционного» по отношению к Серафиму Ржева выступало с осуждением деятельности местных дьяконов и псаломщиков⁴⁰⁶. Против проведения советом в жизнь Церкви «большевистских начал» протестовали наиболее видные представители духовенства Бежецка⁴⁰⁷. О «большевиках, засевавших» в Епархиальном совете, писал архиепископу и протоиерей Весьегонского уезда Василий Образцов⁴⁰⁸.

Интересно отметить, что когда в конце февраля 1918 года представители Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов силой захватили помещения архиепископа, реквизируя его имущество и разогнали тверскую консисторию⁴⁰⁹, на местах, с подачи Серафима, это стали воспринимать как провокацию Епархиального совета⁴¹⁰.

Конечно, для церковных интеллигентов типа Ивана Постникова или Василия Образцова, рассматривавших революцию как «наказание за грехи», архиепископ Серафим воспринимался как жертва «церковного большевизма», а члены Епархиального совета как лица, «опозорившие епархию». Впрочем, в епархии было немало сторонников и у изгнанного, благодаря интригам Серафима, викария Арсения. Важно

³⁹⁸ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. 1917-1918. М., 1994. Т. 2. С. 194.

⁴⁰⁰ Неубедительная Персия Серафима о незаконности съезда попала и в официальную историю Церкви: См.: Цыпин В., протоиерей. История Русской Церкви. М., 1997. С. 12. Автор данной работы пишет, что тверской съезд «собрался незаконно без согласия правящего архиерея».

⁴⁰¹ Тверская церковная драма // Тверская мысль. 1917. 1 сентября.

⁴⁰² Тверской листок. 1917. 12 сентября.

⁴⁰³ Так, некоторые церковные круги активно выдвигали кандидатуру Серафима на выборах Московского митрополита. См.: РГИЛ. 797. Он. 86. От. 3. Ст. 4. Д. 40. Л. 1.

⁴⁰⁴ РГИЛ. Ф. 797. Он. 86. От. 2. Ст. 3. Д. 23. Л. 300.

⁴⁰⁵ См.: Указания и распоряжения Высокопреосвященного Серафима архиепископа Тверского и Кашинского по Тверской епархии. Тверь. 1914. С. 26.

⁴⁰⁶ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 154. Л. 15-16.

⁴⁰⁷ Там же. Л. 146.

⁴⁰⁸ ГАТО. Ф. 160. Он. 1. Д. 22518. Л. 24.

⁴⁰⁹ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 154. Л. 147-148 об. Секретарь Тверской консистории сообщал, что члены Исполнительного комитета забрали с собой все бракоразводные дела за 1916-1917 годы, заявив, «что они сами удовлетворят все просьбы о разводе».

⁴¹⁰ «Насколько дешево стала цениться жизнь»: Дневник бежецкого священника И.И. Постникова // Источник. 1996. № 4. С. 13, 15.

отметить, что даже в среде епископата виновником сложившейся ситуации некоторые считали самого архиепископа⁴¹¹.

История церковной смуты в Твери показательна и для изучения феномена «церковной революции». В столичных епархиях основной костяк реформаторского движения в 1917 году составляла интеллектуальная элита церковного общества: профессура духовных академий, наиболее видные протоиереи и священники. В провинции же, и Тверь не была здесь исключением, антиепископский и антисинодальный протест сильнее звучал именно со стороны низших клириков. Поэтому во многих провинциальных епархиях церковная революция принимала радикальный характер. Схожий характер носила и церковная смута в Орловской епархии.

Орловская епархия

Епископ Макарий был назначен епархиальным архиереем в Орел перед самой революцией. Для 59-летнего владыки это была первая епархия, где он стал правящим епископом. Макарий, в миру Михаил Васильевич Гневушев, известность получил не только как церковный деятель, но и как один из основателей и руководителей правомонархического движения в России. В результате многочисленных конфликтов и расколов в среде правых, Макарий постепенно отошел от политической деятельности, переключившись на церковную⁴¹².

На Орловскую кафедру Макарий был поставлен определением Синода 28 января 1917 года, и прибыл в епархию почти через месяц — 25 февраля⁴¹³. Встречали нового владыку торжественно и местные власти, и духовенство. В кафедральном соборе викарий епархии епископ Павел (Вильковский) произнес речь, приветствуя Макария «как борца за исконные начала святорусской жизни... и признанного вождя той истинной общественности». В ответном слове преосвященный остановился на трудностях переживаемого страной военного времени, отметив «противогосударственную деятельность тех слоев нашего

⁴¹¹ Так, например, епископ Алексей (Сималский) писал архиепископу Арсению (Стадницкому) о Серафиме: «Нельзя не признать, что больше всего себе вредит и повредил и в данном деле он сам». Письма патриарха Алексея... С. 112.

⁴¹² О политической деятельности Макария. См.: биографическую справку в указателе сборника документов: Правые партии: документы и материалы 1905-1917 гг. М., 1998. 2 т. Т. 1. С. 668-669. Следует отметить, что авторы комментариев иногда путают Макария (Гневушева) и Макария (Невского). Там же. С. 333, 778.

⁴¹³ Прежний Орловский архиерей Григорий был уволен «по болезни» 28 января 1917 года. РГИА. Ф. 797. Он. 86. От. 3. Ст. 4. Д. 68. Л. 5.

народа, которые возмнили губительное намерение использовать час страданий народной и государственной жизни для целей своих политических партий». Касаясь реформ в Церкви, Макарий заметил, что о необходимости таких преобразований пишется «в таких органах, которые явно принадлежат евреям»⁴¹⁴.

В это время на улицах столицы уже третий день кипели революционные страсти, провинция же продолжала жить спокойной жизнью. Когда сведения о перевороте дошли до Орла, Макарий выпустил архипастырское воззвание, в котором акценты были расставлены уже иначе. Призвав к подчинению Временному правительству, епископ писал, что в «дни укрепления истинных начал истинной свободы, только что приобретенной, все силы ума, сердца и воли направлены на строение новых порядков жизни... настало время радостного и воодушевленного труда... занялась заря свободы над всем миром русским. К Солнцу красному, к свободе души и тела пойдем все вместе мирным путем мирного и особенно усиленного труда»⁴¹⁵. Однако в первые же дни «истинной свободы» преосвященный, «неожиданно» заболев воспалением легких, слег почти на месяц, по сути, так и не вступив в управление Орловской церковью⁴¹⁶.

10 марта на празднике «свободы» Макария заменил его викарий епископ Павел, когда при «красном колокольном звоне» был совершен торжественный ход и молебен по случаю «дарования Благоверным Временным Правительством свобод гражданам России». Молебен совершался в «присутствии войск гарнизона и многочисленных свободных граждан»⁴¹⁷.

Далее события в Орле начали принимать неуправляемый для епископата характер. В городе «самообразовался» Временный исполнительный комитет Орловского объединенного духовенства и мирян под

⁴¹⁴ Орловские епархиальные ведомости. 1917. 5 марта. Вместе с тем, важно отметить, что Макарий не был сторонником синодального строя, так, еще в 1912 г. будущий епископ, выступая на 4 всероссийском съезде Союза русского народа, «высказал убеждение» в необходимости скорейшего созыва церковного Собора и восстановления патриаршества. В то же время Макарий считал, что все церковные вопросы следует «изъять из обсуждения Государственной Думы, где участие в их решении принимают и иноверцы». Правые партии... Т. 2. С. 184.

⁴¹⁵ Орловские епархиальные ведомости. 1917. 30 марта.

⁴¹⁶ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 113. Л. 170.

⁴¹⁷ Орловские епархиальные ведомости. 1917. 30 марта. По распоряжению губернского комиссара СИ. Маслова к времени начала праздника (12 часов) должны быть закрыты все общественные правительственные и учебные заведения. Орловская мысль. 1917. 10 марта.

председательством местного священника Сергея Аракина^{41*}. Комитет развил необыкновенно бурную деятельность, начав планомерное и уверенное наступление на местную церковную власть. По словам викарного епископа Павла, вынужденного вступить в полемику с Комитетом, последний «каким-то неожиданным способом привлек на свою сторону всех до одного дьяконов и псаломщиков»¹¹⁹, потребовав от Консистории все решения передавать на усмотрение Комитета. Сам отец С. Аракин и его последователи «поспешили войти в сношение с Комитетом общественной безопасности и даже с рабочими организациями», подкрепляя свои требования о передаче власти «угрозами арестовать, бойкотировать, удалить и т. п. прелестями нового самоуправления организации демократии», — писал в Синод епископ Павел¹²⁰. О самом же правящем архиерее викарий говорил, что он хотя ничего и не делал для церковной реформы, «но зато и противное сему последнему отнюдь себе не позволял»¹²¹.

По словам Павла, «орловская церковь» переживает «очень опасные и тревожные дни.... Все в епархии растерялись до последней степени... и вот начался великий соблазн церковный. Кто по лукавству и воспитанной веками трусости, кто в самом деле уверовал в Комитет, стали мало-помалу перебегать к о. Аракину с изъявлением ему покорности. Сначала стали перебегать поодиночке, потом, слышу рассуждают, как бы перебежать к нему скопом». По словам Павла, вскоре по отбытии в Петроград Макария¹²² к нему «явился сам Аракин, чтобы, как сказал, представиться». Однако, договориться епископу удалось с ним лишь об общем собрании городского духовенства, которое и состоялось 16 апреля. По словам Павла, все «оказались до такой степени смущены и запуганы», что побоялись даже поставить на обсуждение и голосование вопрос об отношении к Исполнительному комитету Аракина.

¹¹⁹ Норное организованное собрание духовенства в Орле состоялось 22 марта в помещении Петропавловского братства, председателем собрания был избран священник Сергей Лракш. На данном собрании, как писала местная галета, было «сказано много воодушевленных и искренних слов». После этого Аракин обратился к Макарию с просьбой разрешить поездку в Москву с «целью ознакомления» с организацией «Московского объединенного духовенства». По словам газеты, епископ отказался дать такое разрешение. Орловский вестник. 1917. 24 марта.

⁴¹⁹ Возможно, основную роль в Комитете играли священники, так как, по словам епископа Павла, дьяконы и псаломщики были приглашены «для кворума и демократического ансамбля». РГИЛ. Ф. 796. Он 204. /I. 113. Л. 26.

¹²⁰ Там же. Л. 15.

⁴²¹ Там же. Л. 39 об.

⁴²² Макарий уехал в столицу 14 апреля для личного доклада обер-прокурору о состоянии дел в епархии.

На другом собрании духовенства, состоявшемся через несколько дней, уже сам Павел добился того, что вопрос о законности Комитета был наконец поставлен. Но, по его словам, Аракин «мобилизовал все свои силы. Были налицо все дьяконы и псаломщики города, подававшие голоса хором». Пришлось архиерею убедиться в невозможности переломить ситуацию, «а об избрании нового комитета не может быть и речи». Сам Павел пытался убедить собрание, «что Аракину нет никаких оснований обвинять хоть кого-нибудь... будто они составляют группу "темных сил", намерившись противиться новому правительству и церковным преобразованиям». Однако все старания владыки ни к чему не привели, единственное, о чем удалось договориться — о проведении съезда духовенства и мирян, открытие которого было намечено на 10 мая. Павел сообщал в Синод также, что «Комитет Аракина представляет собой явление совершенно недопустимое, с которым не может мириться никакая даже самая незначительная общественная совесть». Возмущало епископа и то, что Комитет никто не выбирал, «а подобрал его себе сам о. Аракин из лиц известного сорта». Касаясь личности самого организатора Комитета, Павел сообщал, что до революции он был следователь орловского благочиния, «т. е., сказать потеперешнему, консисторский сыщик... я не раз имел случай убедиться, что он действовал в большом контакте с "видами" отцов и не отцов, ворочавшими в Консистории делами»¹²³.

Особенно возмущала Павла «фанатическая нетерпимость» своих противников и «неизвестно для чего понадобившийся союз с выдвинутой революцией властью в городе, всегда готовой предоставить нашим объединителям сколько угодно физической силы (милиция и пр.)». По словам владыки, ситуация в епархии такова, «что не только действовать и публично выступать как-нибудь не в согласии с о. Аракиным и его Комитетом, но даже просто говорить об этом в частном обществе считается у нас чуть ли не государственной изменой. В настоящее время, — заключал епископ, — по-видимому, нет никакой возможности оказать ему противодействие вследствие того, что упущено время». По мнению владыки, вокруг Комитета сплотились лица, еще вчера «спорившие между собой около хороших мест и казенных денег, а теперь наперебой спешаются сговориться с новой "властью", наперед учитывая выгоды от этого при предстоящих всяческих избраниях и переизбраниях». Павел считал, что столичные власти не должны просто наблюдать в «Церкви Божьей торжество захватного права», и просил командировать из столицы в

¹²³ РГИЛ. Ф. 795. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 113. Л. 25.

Орел «сильное и авторитетное лицо, например члена Государственной Думы»⁴²¹.

Между тем исполнительный Комитет выпускал от своего имени листовки, информируя духовенство и мирян о предстоящем съезде, поставив на первое место три вопроса — о выборном начале, о переизбрании членов Консистории, о переизбрании благочинных. В заключение сообщалось, что за «разъяснением вопросов... надлежит обращаться к о. Сергею Аракину, священнику Сергиевской кладбищенской церкви г. Орла»⁴²⁵. Во второй листовке «в дополнение к вопросам», выносимым на съезд, появились требования амнистии духовенства — «очищение в формулярных списках прежней судимости», уравнивание епархиального женского училища во всех правах с женской гимназией, изыскание средств к обеспечению духовенства, «без унижения его достоинства». Содержалось в листовке и требование канонического характера: «скорейший созыв Собора одновременно с Учредительным собранием и предоставление на Соборе права решающего голоса белому духовенству и мирянам». Комитетчики также сообщали о своем «желании» присутствовать на предстоящем съезде в полном составе с правом решающего голоса для каждого члена»⁴²⁶.

Перешли в наступление и «союзники» Аракина в лице Комитета общественной безопасности, который на своем заседании, «обсудив деятельность М. Гневушева», сообщил в Синод, что «означенный Гневушев, известный ревнитель старого режима, сподвижник Восторгова и других темных деятелей, вносивших смуту в русло государственной и церковной жизни, неуместен и даже опасен в качестве иерарха при новом порядке...», т. к., по мнению Комитета, «он не только не проявлял почину в духе новых начал... но оказывал противодействие последнему»⁴²⁷.

Сам Макарий также слал в Синод рапорты, в которых отвергал репутацию защитника старого строя и описывал ситуацию в епархии в самых пессимистических тонах. Епископ отмечал, что среди духовенства «появились лица, которые приняли на себя обязанности земских комиссаров... разъезжают по приходам и потворствуют толпе, сеют семена вражды к землевладельцам и призывают к т. н. отобранию земельных имуществ». Далее епископ останавливается на личности священника Сергея Аракина, который по его словам, недовольный тем, что в церкви, где он служил, учредили второй штат, «тайно и неоднократно

⁴²¹ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 113. Л. 26 об.

⁴²⁵ Там же. Л. 5.

⁴²⁶ Там же. Л. 35, 35 об.

⁴²⁷ Там же. Л. 9.

собирает псаломщиков, дьяконов и священников с целью возбуждения против меня крайнего недовольства, как со стороны духовенства, так и мирян». «В последнее время, — по словам Макария, — он не ограничивается посылкой телеграмм обер-прокурору... но и вошел в связь с т. н. исполнительным комитетом из солдат и рабочих, уверяя ложно их, что это старый прежний гражданский и государственный строй».

О своих противниках Макарий говорил как о людях, «ограниченных количеством, и необходимо сказать, и уместно, по его словам, они, бывшие ярыми членами Союза русского народа, теперь стали социалистами-террористами»⁴²⁸. В местной прессе епископ опубликовал обращение к пастве, где писал, что в Орле он человек новый и «если добра не успел сделать, но ведь и зла тоже еще (!) не сделал». Говоря же о своей деятельности, в которой не было ничего «опасного», а только то, что он «всемерно работал... над освобождением, хотя и не полным, рабочего класса из цепких лап жестокого и чуждого русскому народу капитала». Епископ указывал, что из правых партий он уже вышел 6 лет назад и «занился своим делом». По поводу же обвинений в связях с «темными силами» Макарий писал: «...Я не могу считать рабочих и вообще народ, благу которого я служил, „темными силами“». Преосвященный отмечал, что у него нет «непростительных грехов против демократии и свободы народной». Отрицал Макарий и то, что он в своих проповедях «сравнивал убиенного иудеями Иисуса Христа с насилием, или что-то в этом роде, над Николаем вторым». По его словам, он способствовал пресечению еврейского погрома в Киеве в 1906 году и даже являлся председателем городской думской комиссии по оказанию помощи евреям⁴²⁹. «Конечно, — заключал Макарий, — были ошибки в моей деятельности, но ничего никогда не было во вред народа, которому посвящена большая половина моей жизни»⁴³⁰. Следует отметить, что черносотенцы, к числу которых и принадлежал владыка, и до революции нередко использовали антикапиталистическую риторику, как ни парадоксально, конкурируя в этом с левыми партиями.

Однако попытка епископа перейти на революционный язык не принесла успеха, а только вызвала злобный юмор у представителей

⁴²⁸ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 113. Л. 3.

⁴²⁹ Нет смысла искать противоречие между черносотенной деятельностью епископа и выступлением его против еврейских погромов. По мнению современного исследователя, все наиболее видные деятели правых партий отрицательно относились к погромам. См.: Кирьянов Ю. М. Правые партии в России. 1911-1917. М., 2001. С. 350-359. Это, конечно, не мешало многим из них быть антисемитами.

⁴³⁰ Макарий, епископ. Правда и беспристрастность — основа и источник истинной свободы. // Орловские епархиальные ведомости. 1917. 16 апреля. То же. Орловский вестник. 1917. 13 апреля.

«революционной общественности». Владыке напомнили его предыдущую черносотенную деятельность, связи с Распутиным (со ссылкой на только что опубликованные писания Илиодора) и недавние речи в защиту самодержавия⁴³¹.

В Синод Макарий писал, что Исполнительный комитет «не обращает никакого внимания на... желания лучшей части духовенства, всецело преданной Временному правительству и желающей осуществить принцип новой церковной жизни: "свободная Церковь в свободном государстве"». Правда, тут же отмечал епископ, «свободы в действительности нет никакой: такого давления на совесть и даже саму жизнь... никогда еще не было»⁴³². Самому Макарию «аракинцы» предъявили и ультиматум: все решения по управлению епархией «должны подлежать контролю Комитета... который имеет право признавать или не признавать ваши определения и постановления». На данном документе епископ написал резолюцию, что он «лично ничего не имеет против большей осведомленности... по делу епархиального управления», но считает необходимым сообщить это высшим властям для разрешения этого вопроса"⁴³³. Однако попытки Макария найти компромисс с Комитетом только подогрели аппетиты последнего.

Более активно пытались противодействовать «аракинцам» епископ Павел и секретарь Консистории Пятницкий, который, в отличие от других, занял бескомпромиссную позицию по отношению к Комитету, вообще отказываясь признать деятельность последнего. Стараясь сплотить противников Комитета, Павел в обращении к корпорации Орловского духовного училища писал: «Аракин считает свое дело конченным и требует какого-то присоединения к себе. Кроме того, весьма недвусмысленно намекает, что всех можно и арестовать с помощью городского Комитета общественной безопасности, этой почти единственной действующей ныне власти в городе, к которой наши церковные объединители уже успели примазаться»⁴³⁴.

Почувствовав колебание церковной власти, на сторону Комитета переходили многие представители духовенства. Тактическую ошибку допустили и местные архиереи Макарий и Павел, благословив съезд духовенства и мирян. В число делегатов этого съезда, проходившего с

⁴³¹ Орловский вестник. 1917. 14 апреля. Макарий отрицал обвинения в «распутистве». Там же. 16 апреля.

⁴³² РГИА. Ф. 796. Он. 2(М. От. 1. Ст. 5. Д. 113. Л. 32 об.

⁴³³ Там же. Л. 38.

⁴³⁴ РГИА. Ф. 796. Он. 204. Д. 113. Л. 19-19 об. В данном обращении Павел также писал, что «Лракин берет отпуск, чтобы ехать в Петроград, Москву, Калугу и др. города представлять от имени объединенного духовенства нашей епархии».

10 по 18 мая, в полном составе «с правом решающего голоса для каждого» вошел аракинский Комитет. Перед открытием съезда с рассказом об истории возникновения Исполнительного комитета и его борьбе с Макарием и Павлом выступил сам Сергей Аракин⁴³⁵. Да и впоследствии больше всего съезд занимался разбором «реакционной» деятельности или «бездеятельности» орловских епископов •*. Уже на втором заседании поступило внеочередное предложение обсудить «преступную бездеятельность епископов Макария и Павла и противодействие их обновлению церковной жизни и опасность их пребывания на епископской кафедре». Вспомнили на съезде и факты, характеризующие прошлую деятельность Макария в Москве, «когда он был близок к Григорию Распутину, Грингмуту и Восторгову». Помянули и «двоякую и двуличную деятельность епископа Павла, помогавшего тормозить начавшиеся переустройства церковно-общественной жизни»⁴³⁷. В то же время делегаты съезда решили не приглашать епископов на это собрание, а постановили, «во избежание осложнений и репрессий епископа Макария, уполномочить духовного комиссара и его заместителей принять все меры, чтобы ни одно постановление этих епископов не считалось бы законным без подписи комиссара»⁴³⁸.

Целый день депутаты потратили на обсуждение современной политической обстановки, досталось от них и самодержавию, которое, по их мнению, преследовало Церковь. В числе жертв гонений фигурировали «митрополит Филипп, убиенный при Иване Грозном, и епископ Арсений Мацеевич» (в действительности митрополит. — П.Р.). Вспомнили также и местного «страдальца» священника о. Высокопольского, посланного в 1905 году на каторжные работы. Было решено даже «почтить его память учреждением стипендии его имени».

Депутаты высказались за полное отделение Церкви от государства, а также приветствовали телеграммой В.Н. Львова «как участника переворота и как представителя власти, ведущей страну к счастливому будущему — к единственной форме правления демократической республике, построенной на заветах Христа, свободной Церкви в свободном Государстве»⁴³⁹.

⁴³⁵ Орловский вестник. 1917. 11 мая.

⁴³⁶ Протоколы Орловского чрезвычайного съезда духовенства и мирян 10-18 мая 1917 г. // РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 273. Л. 33.

⁴³⁷ Там же. Л. 36-36 об.

⁴³⁸ Там же. Л. 37. Должность комиссара по духовным делам, появившаяся в некоторых епархиях, не была регламентирована никакими документами, и, вероятно, ее следует рассматривать как факт «народного» правотворчества.

⁴³⁹ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 273. Л. 38 об.

Затем съезд снова перешел к местным проблемам, заслушав внеочередное заявление комиссара по духовным делам, который «наблюдал согласно данному ему полномочию за деятельностью епископа Макария», был у последнего и осведомляет съезд, что Макарий считает его незаконным. В это же время была получена телеграмма от В.Н. Львова с указанием «повременить с удалением Макария». Члены съезда выразили «сомнение в подлинности» телеграммы, решив запросить ответной телеграммой канцелярию обер-прокурора. (Складывается впечатление, что аракинцы воображали, что ведут настоящую войну с местным епископатом.) Было также решено ходатайствовать перед обер-прокурором о немедленном удалении секретаря Консistorии Пятницкого, так как после переизбрания новый состав данного органа «встретит в нем человека крайне реакционного, коренную помеху в своей деятельности». В результате выборов в число членов Консistorии вошел и Сергей Аракин, получивший вместе со священником Георгием Соколовым наибольшее (по 108) количество голосов. Перед закрытием съезда депутаты пропели многолетие Временному правительству и «вечную память борцам за свободу»⁴⁴⁰.

Епархиальному архиерею по сути ничего не оставалось, как быть в роли статиста. По поводу съезда он писал в Синод, что, «где он собрался и что делает, в точности я не знаю... Созыв съезда и его деятельность носят все признаки самой крайней партийности... выбирают только подходящих Аракину и его приспешникам». Хотя Макарий заявлял, что не знает, что делает съезд, однако спешил сообщить властям некоторые подробности, переданные, очевидно, его сторонниками, присутствовавшими на съезде. Так, когда один из священников стал говорить, что следовало бы пригласить на съезд Макария, «поднялся страшный шум и крики "арестовать, арестовать его"... а два псаломщика подскочили к оратору и схватили, было, его за горло». Описал владыка и посещение его товарищем комиссара по духовным делам, который после этого вместе с другими аракинцами предпринял попытку овладеть консисторским архивом. Набег был сделан, по словам самого Макария, с целью изъять «архивные и иные документы, касающиеся былой жизни и деятельности о. Аракина...»⁴⁴¹.

Ранее комитетчики силой отобрали у секретаря Консistorии необходимые им справочные книги и «нанесли секретарю столько неприятностей, что тот заболел». Действительно, секретарь Консistorии Пятницкий, удаления которого требовали аракинцы, после этой истории

⁴⁴⁰ РГИА. Ф. 79(1). Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 273. Л. 46-48.

⁴⁴¹ Там же. Д. 113. Л. 39 об.

вынужден был обратиться к врачу. Жаловался он не только на боль в области сердца, но и на «нервное расстройство, выражающееся явлением истерии»⁴⁴².

В столице же обер-прокурор Синода В.Н. Львов усиленно искал «компромат» на орловского епископа. Им были затребованы документы ревизии Киевской епархии за 1908 год. (Будущий епископ Макарий занимался там церковным строительством и, по слухам, произвел большую растрату.) Объяснения были потребованы от тогдашнего ревизора А.М. Ванчанова. Однако он сильно разочаровал обер-прокурора: «У меня не было никаких определенных данных о растрате, — признался он, — доходили лишь неясные слухи и не из первых рук»⁴⁴³.

Между тем слабые попытки противодействия Комитету стала предпринимать часть местного духовенства и мирян. Возглавил оппозицию «аракинцам» известный в Орле протоиерей Аркадий Оболенский⁴⁴⁴. В Синод был направлен протест от части духовенства против постановлений прошедшего съезда. Сообщалось, что депутаты были буквально запуганы представителями Исполнительного комитета. Когда священник Троицкий, из села Здравца Ливенского уезда, пробовал «высказаться за епископа», он услышал от Аракина устрашающую фразу: «Я вас и в Здравце найду»⁴⁴⁵. (Образ Аракина в писаниях его противников, в буквальном смысле, принимает демонические черты.) В Петроград также направилась депутация от сторонников Макария для «личного и всестороннего освещения» этого дела⁴⁴⁶.

Однако комитетчики действовали решительней, привлекая на свою сторону все имеющиеся в городе власти. Так, после съезда Аракин внес в Городскую думу заявление с ходатайством об удалении Макария⁴⁴⁷. В соответствии с решением съезда комитет Аракина прибрал к рукам и

⁴⁴² РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 395. Л. 1.

⁴⁴³ Там же. Д. 113. Л. 36 об.

⁴⁴⁴ Протоиерей Аркадий Оболенский был настоятелем Иверской привокзальной церкви.

⁴⁴⁵ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 113. Л. 114 об.

⁴⁴⁶ Любимов передает рассказ В.Н. Львова о посещении его этой делегацией, состоявшей из трех человек: «Священника, какого-то молчаливого мирянина и очень бурной психопатки-дамы. Эта последняя, говорит В.И., прямо с пеной у рта, сжавши кулаки и, наконец, даже бегая по комнате, кричала, чем-то даже угрожала, если преосвященного Макария возьмут из Орла». (Любимов //., протопресвитер. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода // Российская Церковь в годы революции (1917-1918). М., 1995. С. 79.) Возглавил орловскую делегацию в Петроград протоиерей Аркадий Оболенский, а дама, удивившая обер-прокурора, была жена ст. советника Анна Николаевна Кизеветтер. (РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 113. Л. 115.)

⁴⁴⁷ Там же. Л. 123.

местные «Епархиальные ведомости»¹⁴⁹. Сам епископ Макарий обвинял своих противников уже в «большевизме». По его словам, «революционное движение все более и более направляется в сторону так называемой анархии... лстецы и обманщики выбросили над своими главами знамя свободы и объединения, а на деле творят то же дело погибели, что и известный Ленин со товарищами... воистину явное и тайное ленинство разрушает основы русской жизни»¹⁵⁰.

Однако ни Синод, ни обер-прокурор не желали слушать оправданий и уволили Макария на покой с формулировкой «по собственному желанию»¹⁵¹. Это особенно удивило владыку, т. к. никаких прошений об увольнении он не подавал, о чем и направил в Синод письмо. Владыка просил произвести расследование, «если прошение от моего имени действительно было»¹⁵². Оттуда «разъясняли», что использовали его оговорку в личном письме члену Синода архиепископу Сергию (Старгородскому), где Макарий просил, о том, что, если его все же уволят, он бы желал управлять Высоко-Петровским монастырем. После писем и телеграмм из Орла, а также после визита упоминавшейся делегации, первоприсутствующий член Синода архиепископ Платон (Рождественский) предлагал послать в епархию ревизию. По этому вопросу голоса членов Синода разделились на две равные части. Голосовавший против данного предложения Любимов считал, что такая ревизия была бы «бесполезна и беспечельна» по причине того, что владыка пребывал на кафедре один месяц и, конечно, не мог «проявить ни положительных, ни отрицательных качеств». А удаление его надо связывать не с тем, что он плохой архиерей — «наоборот, достоинства его несомненны и хорошо известны, а его раннейшей черносотенной... работой. Зная эту последнюю, — продолжал Любимов, — просто нельзя верить его искреннему желанию работать (а он, несомненно, человек большой энергии и таланта)»¹⁵³.

Свое решение Любимов объяснил и тем, что его «страшно возмутило письмо преосвященного Макария, в котором он очень цинично просит назначить его, в случае увольнения, на "живое", как говорят, место, а именно в Москву в Высоко-Петровский монастырь. Что за бесцеремонность у подобных отцов... чтобы пристроиться самим в Москве, они

¹⁴⁹ «Епархиальные ведомости» стали называться «Православно-церковным общественным журналом», взяв себе девиз: «Свободная церковь, обновленная па демократических началах соборности».

¹⁵⁰ Орловские епархиальные ведомости. 1917. 1 июля.

¹⁵¹ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 113. Л. 78.

¹⁵² Там же. Л. 128.

¹⁵³ Любимов П., протопресвитер. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля - 12 июня 1917 г.) // Российская Церковь в годы революции (1917-1918). М., 1995. С. 79.

готовы изгонять из него других ни в чем неповинных людей». Далее, по словам Любимова, когда «все это выяснилось на заседании Синода», то епископ Андрей (Ухтомский) изменил свою первоначальную позицию и выступил против ревизии, и орловский архиерей был уволен, а викарный епископ Павел переведен в Рязань¹⁵⁴.

Обращение к подлиннику самого письма позволяет сделать предположение, что члены Синода были введены в заблуждение. Макарий совершенно не желал своего назначения на «живое» место и совсем не «цинично» просил Сергия учесть его желание управлять Высоко-Петровским монастырем, «если только Синод не найдет возможным оставить меня на кафедре и если удовлетворение моего ходатайства никому не причинит зла»¹⁵⁵. Очевидно, что просьба Макария была извращена, письмо, носящее к тому же совершенно личный характер, не зачитывалось, а было пересказано, возможно, адресатом послания архиепископом Сергием. 30 мая Синод еще раз вернулся к делу увольнения Макария, ввиду заявления самого владыки и поступающих протестов из Орла. Принятое ранее решение было оставлено в силе. Видимо, снова сыграло свою роль неточное сообщение о желании Макария быть назначенным в Высоко-Петровский монастырь на «живое место». «Этой нахальной прямо просьбой возмутил меня преосвященный Макарий», — вновь записал в свой дневник член Синода Любимов¹⁵⁶.

В центральной церковной прессе появилось сообщение, что попытки Макария Гневушева реабилитировать себя «оставлены без внимания, ввиду... его собственного прошения об увольнении»¹⁵⁷. Владыка ответил письмом в редакцию газеты, в котором сообщал, что «никаких попыток реабилитации я не делал, ибо не знаю, в чем реабилитироваться, и прошения об увольнении не подавал». Редакция газеты писала, что «не знает, где же должна искать правду», так как одновременно с письмом Макария получила «Орловские епархиальные ведомости» с приложением указа об увольнении владыки «согласно прошению»¹⁵⁸. В Исполнительном комитете орловского духовенства известие об увольнении Макария встретили с энтузиазмом. Аракин направил Львову телеграмму с выражением «глубокой и сердечной благодарности за ваше содействие в удалении епископов Макария и Павла»¹⁵⁹.

¹⁵⁴ Любимов П., протопресвитер. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля - 12 июня 1917 г.) // Российская Церковь в годы революции (1917-1918). М., 1995. С. 80.

¹⁵⁵ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 113. Л. 67 об.

¹⁵⁶ Любимов П., протопресвитер. Дневник... С. 87.

¹⁵⁷ Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 31 мая.

¹⁵⁸ Там же. 10 июня.

¹⁵⁹ РГИЛ. Ф. 797. Он. 96. Д. 294. Л. 14.

Следует отметить, что и сам Макарий и его викарий епископ Павел, исходя из логики политической борьбы, допустили ряд серьезных ошибок. Тут и поиски бесполезных попыток найти компромисс с Комитетом Аракина, поочередное благословление съезда духовенства и мирян, который только и занимался, что обсуждал реакционную деятельность местных епископов. Да и публичные оправдания Макария, пытавшегося представить себя в роли друга рабочего класса, не принесли ему дивидендов среди явных противников и отпугивали потенциальных сторонников.

Изучение церковно-политической борьбы в 1917 году показывает, что часто епархиальный епископ, несмотря на сомнительное, с точки зрения революционного сознания, прошлое, мог удержаться у власти благодаря решительным и бескомпромиссным действиям. Большое значение имел также авторитет владыки среди местного духовенства и прихожан. У Макария его не могло быть просто в силу кратковременности пребывания в епархии, зато имелась опасная в условиях 1917 года слава «реакционера» и черносотенца.

Енисейская епархия

Предреволюционная деятельность Енисейского и Красноярского епископа Никона (Безсонова)⁴¹⁹ заметно выделяла его среди всех архиереев. По всей видимости, владыке принадлежит одна из немногих на протяжении всего синодального периода попыток поставить духовную власть выше светской.

С 1913 по 1917 годы преосвященный успешно боролся с гражданскими властями в губернии. Безуспешно окончились все их многочисленные попытки избавиться от строптивого епископа. По всем политическим и экономическим проблемам в государстве Никон имел свое мнение, которое и высказывал открыто в прессе, несмотря на постоянные предупреждения со стороны церковных властей⁴⁰⁰.

В прессе Никон позволял себе довольно резкие выпады против местной и столичной власти. «Земельный и хлебный вопросы нашей русской действительности как-то не доходят до рук и сердец ни начальства, ни Думы, — писал епископ. — У нас боятся больших дел и реформ. Бедная Россия! Думы-то у твоих орлов-министров... часто бывают не орлиные,

⁴¹⁹ Видимо, правильно фамилию Никона писать **Безсонов**, а не **Бессонов**. По крайней мере именно так он писал ее сам.

⁴⁰⁰ Подробнее о деятельности Никона. См.: *Рогозний П.Г. «Вотчина» епископа Никона (Енисейская епархия в 1913-1917 гг.) // История повседневности. Источники. Историк. История.* СПб., 2003. Вып. 3.

а кротинные. Не по плечу им размах богатырский... Говорю я не "революцию" (ныне скоро в нее попадешь — запишут тебя туда кроты и лакеи!!), а правду, исходящую от любящего Царя и Народ сердца»⁴⁶¹.

По поводу этого выступления Никона Енисейский губернатор И.И. Крафт направил письмо обер-прокурору Синода В.К. Саблеру, в котором обвинил владыку в «возбуждении классовой вражды». По его словам, Никон «скорее политик, чем архипастырь, а потому чем раньше он будет избавлен от управления епархией, тем для народа будет полезней... Разве можно так настроенному епископу доверить воспитание масс? Такие "прокламации" он писал не раз и продолжает писать»⁴⁶². Никаких последствий, судя по отсутствию документов, данный эпизод не имел.

Оправдываться перед Синодом владыке пришлось после другой статьи, посвященной делу Бейлиса и опубликованной в газете «Енисейская мысль». Никон довольно резко выступил в прессе против судебного процесса: «Слишком уж громадные обвинения желают некоторые возложить на совесть этого некогда Богоизбранного народа. Ведь и на христиан когда-то это гадкое обвинение возлагали. А вспомните иезуитскую испанскую и другие инквизиции... Не похоже ли все это на кошмарное Киевское дело»⁴⁶³. Статья епископа «заинтересовала» министра внутренних дел Н.А. Маклакова, который направил ее обер-прокурору Синода⁴⁶⁴. От Никона потребовали объяснений⁴⁶⁵.

Владыка оборонялся тонко, защищая по сути неуязвимую позицию. «Раз Св. Синод находит мою заметку неуместной и несообразной с саном и должностью епархиального архиерея... почтеннейше прошу разъяснить мне мои невольные ошибки и заблуждения»⁴⁶⁶. Естественно, никаких разъяснений не последовало, на письмо епископа была наложена резолюция: «Прекратить производство»⁴⁶⁷. Никон снова спокойно мог заниматься епархиальными делами.

⁴⁶¹ Енисейская мысль. Красноярск. 1913. 27 августа.

⁴⁶² РГИА. Ф. 79(1 Он. 205. Д. 264. Л. 2.

⁴⁶³ Енисейская мысль. Красноярск. 1913. 9 октября.

⁴⁶⁴ РГИЛ. Ф. 796. Он. 205. Д. 264. Л. 11.

⁴⁶⁵ Сохранился черновик письма Саблера 1 (икону, в котором обер-прокурор писал, что «...уничжительная характеристика русской действительности при выражении симпатии еврейству неуместна и несообразна с саном и положением епархиального архиерея...»). Там же. Л. 13.

⁴⁶⁶ Там же. Л. 17. Никон также писал, что он «доселе действительный председатель Почаевско-Вольнского Союза русского народа... и никаких симпатий к евреям как к обидчикам и поработителям русского народа не имел». Там же. Л. 16 об.

⁴⁶⁷ Там же. Л. 16. В деле так же сохранилось письмо от председателя Одесского отдела дубровинского «Союза русского народа», в котором автор выражал обер-прокурору Синода «искреннее сожаление, что в среде православной иерархии существуют личности подобные Пикону». Там же. Л. 13.

Обладая деспотичным характером, преосвященный в буквальном смысле терроризировал местное духовенство. В 1913 г. местный протоиерей Иоанн Пальмин прислал в Синод своеобразный донос на архиерея, который составил 108 машинописных страниц.

По словам протоиерея, в епархии царит «"бириновщина"». "Слово и дело" в полном ходу, и дикий произвол не встречает организованного отпора. Местное духовенство низведено Никоном до положения быдла». Основной причиной такого положения, по мнению Пальмина, является социальная чуждость архиерея — выходца из дворянского сословия и на посту епископа остающегося «помещиком Безсоновым».

Пальмин создает выразительный портрет архиерея: «...упитанное лицо, грозно сверкающие гневом глаза...». Во время богослужения Никон стоит «с мертвой неподвижностью выправки былых времен николаевского солдата». А продолжительность службы «только вызывает удивление его неустойчивостью»¹⁶⁰. Однако, по мнению Пальмина, образ поведения владыки далек от благочестивого. Никон поощряет танцевальные вечера даже во время постов, «сам за полночь просиживает на эстраде, наблюдая, как юнцы и юницы духовной школы выделывают разнообразные па и грациозные, соблазнительные по пластичности, а часто и грубости новейших модных танцев, движения»¹⁶⁰.

Любовь к светским развлечениям архиерея объяснялась еще одним фактором, который, как представляется, играл немаловажную роль в его жизни. Об этом весьма осторожно пишет и Пальмин. Со времени приезда Никона в Красноярск рядом с ним появилась «...девица лет 20... счастливой наружности... именуемая „архиерейской племянницей"». Эта молодая особа — Женя Соббатович — сопровождала владыку «везде и всюду» и даже «присутствовала при приеме епископом официальных лиц». Впрочем, сама Женя отвечала, что «...она, собственно, не родня владыки, а знакомая... дочь товарища». «Племянница» поселилась вначале в покоях епископа, но, как иронично замечает Пальмин, «по крайней некультурности сибиряков возникли на этой почве толки», и она вынуждена была переехать на квартиру к протоиерею Смиренскому, где, впрочем, владыка «посещал ее во всякое время дня и ночи». Женя очень любила танцевать, и, как пишет Пальмин, Никон «организовал у себя в архиерейском доме хор балалаечников, устраивая танцевальные вечера прямо у себя в покоях, где «балалаечники играли малороссийские песни, а Женя исполняла танцы, одетая в ма-

¹⁶⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 264. Л. 93 об., 94.

¹⁶⁰ Там же. Л. 121 об. Данные мероприятия именовались «литературно-музыкально-вокальные вечера». Елисейские епархиальные ведомости. 1913. 15 августа.

лороссийский костюм»¹⁶⁰. Слухи об «архиерейской племяннице» не затихали, однако Никон, по-видимому, придавал им мало значения¹⁷¹.

Правда вместе с тем протоиерей отмечал невероятную работоспособность и предпринимательский талант владыки: «... он много делает, у него, по-видимому, неисчерпаемый запас энергии».

«Здесь, продолжал Пальмин, даже в делах церковного управления — делах духовного строительства — все те же деньги. Словом, **по-американски** — за деньги все можно купить и все можно продать. У кого есть деньги — пожалуйста вам честь и место»¹⁷².

Такая деятельность владыки требовала вхождения в контакт с местными капиталовладельцами, однако Никон шел дальше, налаживая связи и с преступными элементами. Сомнительные коммерческие проекты епископа заинтересовали в первую очередь не церковные власти, а Министерство внутренних дел. В начале 1916 г. на имя обер-прокурора Св. Синода А.Н. Волжина пришло «доверительное»¹⁷³ письмо от товарища министра С.П. Белецкого¹⁷⁴. В нем сообщалось, что, «по имеющимся в МВД данным, проживающий в г. Красноярске председатель местной монархической организации рижский мещанин А.С. Блиц, выкрест из евреев, человек умный и ловкий, но с очень темной нравственной репутацией, к сожалению, вошел в доверие к преосвященному Никону... не только попавшему под его влияние, но даже назначившего его руководителем некоторых хозяйственных дел епархии». Далее Белецкий изложил внушительный «послужной список» деяний Блица, согласно информации министерства.

Биография последнего имела одну закономерную особенность: где бы он ни работал или ни служил, везде его деятельность заканчивалась заведением уголовного дела, а иногда и временной «остановкой» в тюрьме. Блица обвиняли в мошенничестве, присвоении особо крупных денежных сумм, подделке документов, воровстве, ложных доносах.

Какое-то время Блиц жил в Риге и в Санкт-Петербурге, затем переехал в Сибирь, где «продолжил свою преступную деятельность». Так,

¹⁷⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 95. Л. 122.

¹⁷¹ По свидетельству митрополита Евлогия, хорошо знавшего Пикона («мой сотоварищ по Духовной академии»), **И (Никон)** был переведен с Волыни в Красноярск в результате «скандальной истории в женском духовном училище... Он перевез с Волыни ученицу духовного училища и беззастенчиво поселил ее в архиерейском доме. Население возмущалось и всячески проявляло свое негодование». Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. С. 266.

¹⁷² **Рогозский П. Г.** Вотчина епископа I (икона... С. 107.

¹⁷³ Па документе под грифом «доверительно» рукой Белецкого написано «лично». Интересно отметить, что письмо обер-прокурора епископу зашифровывалось.

¹⁷⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 94. Л. 145.

будучи начальником транспортной конторы Сибирской железной дороги, он был обвинен в должностном злоупотреблении и снова попал в тюрьму. После освобождения он переехал в Красноярск, вступил в «Союз русского народа» и, став корреспондентом газеты «Сусанин», начал вымогать у местного населения деньги «за неоглашение компрометирующих их фактов». В начале 1915 г. Блиц в «компании с некоторыми лицами основал горнопромышленную контору „Разведчик“, под фирмой коей в Красноярске обустраиваются разные темные дела. Войдя в доверие к преосвященному, Блиц решил использовать связи епископа с целью получения концессии на эксплуатацию вод целебного источника в Енисейской губернии „Шира“»¹⁷⁵.

В связи с этим обер-прокурор Синода Волжин направил в Красноярск Никону письмо, в котором была изложена биография Блица. Преосвященный отвечал: «...Все подробности жизни Блица мне, конечно, и доселе не известны; слышал, что он сидел в тюрьме... я одно знаю (и это несомненно): г. Блиц — редкий, отличный юрист и очень дельный человек». О конторе «Разведчик» владыка сообщил, что она «делает серьезные и важные, а не дела „темные“... а от нас кроме благодарности Блиц ничего не заслуживает»¹⁷⁶. На этом инцидент был исчерпан, никакой реакции Синода не последовало, единственное, что удалось центральным властям, так это сделать владыку «невыездным». Синод запрещал появляться епископу на заседаниях Государственной Думы, членом которой он был. Никон же продолжал воевать с местными властями¹⁷⁷.

Красноярский губернатор Я.Г. Гололобов в своем письме иркутскому генерал-губернатору писал, что «таких изветов не ожидал даже от епископа Никона... то и дело приходится слышать, что Никон что-нибудь затевает, кого-нибудь обличает, злословит, с кем-нибудь у него вышел конфликт. При этом постоянно приходится ожидать, что и на тебя поступит какой-нибудь клеветнический донос...». Отмечал Гололобов также, что владыка «постоянно вмешивается в гражданские дела... при этом всячески старается обличать и порицать администрацию»¹⁷⁸. Губернатор просил привлечь Никона к судебной ответственности за клевету.

¹⁷⁵ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 94. Л. 145 об., 146, 146 об.

¹⁷⁶ Там же. Д. 95. Л. 147, 147 об.

¹⁷⁷ Николаев А.В. Пикон (Гезеонов) // Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия в 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 431.

¹⁷⁸ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 94. Л. 8, 8 об., 9. Среди прочего Никон обвинял Гололобова в том, что он «активно противился приобретению им третьей лошади», а также отсутствию губернатора на службе в Царские дни. «По его слонам выходит, что я не только атеист... но и Государя Императора не почитаю! Куда же идти дальше в доносах», — писал губернатор. Там же.

Иркутский генерал-губернатор А.В. Пилец в связи с этим направил письмо министру внутренних дел А.Д. Протопопову, в котором сообщал, что «отношения между губернатором и епископом Никоним, причем неправой стороной является последний, исключают всякую возможность пребывания их одновременно в Красноярске. Ежедневно можно ожидать крупного скандала между ними»¹⁷⁹.

Отправленное 25 февраля 1917 г. письмо уже в момент написания было неактуальным и впоследствии было направлено в Синод из МВД «но принадлежности» — скорее уже как исторический документ.

Февральский переворот, как уже отмечалось, Никон воспринял с громадным энтузиазмом. Революционные события только прибавили энергии Енисейскому архиепископу. 4 марта владыка собрал совещание городских священно-церковнослужителей для «обсуждения текущих событий и отношения к ним духовенства». Он стал забрасывать новое правительство телеграммами и письмами. Так, А.Ф. Керенского он просил освободить «великого ученого украинца Грушевского — защитника прав славной нации» и рассмотреть дело митрополита Шептицкого, «ревностного служителя Отечества». Министра народного просвещения он просил «пожалеть украинскую и другие национальные школы»¹⁸⁰.

Главным объектом эпистолярной атаки Никона стал обер-прокурор Синода Львов — ему владыка направлял телеграммы и письма, в которых он развивал свои мысли относительно участия духовенства в политической борьбе, рассказывал о ситуации в Красноярске¹⁸¹. «Здесь все идет прекрасно, блестяще, — телеграфировал владыка Львову. — Свободные здания учебных заведений, занятия закопчены — передал Комитету безопасности и Комитету солдат с рабочими». О себе Никон сообщал, что он «весь в работе для успокоения страстей»¹⁸².

Активное участие вместе с городским духовенством принял владыка и в праздновании 10 марта — Всероссийского праздника русской революции. «В дни „переворота“ в государственной жизни родины, — вещал Никон в кафедральном соборе, — я молчать не хочу, не могу и не буду... Россия наша дорогая воскресла, смертью старого строя попораны смерть, угнетения, болезни... отчаяние народа: тем, кто был во гробе — забыт, замучен, закован, унижен, обижен, — жизнь дарована». Хотя

¹⁷⁹ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 94. Л. 10.

¹⁸⁰ Енисейская церковная пина. 1917. 31 марта.

¹⁸¹ См.: Фруменкова Т.А. Письма на имя обер-прокурора Синода (по материалам РГИА) // Исследования источников по истории революции 1917 года. СПб., 1996. С. 50–57.

¹⁸² Енисейская церковная пина. 1917. 31 марта.

такие аналогии были и сомнительны с богословской точки зрения, в те дни это мало кого волновало. После молебна в 12 часов в Красноярске началось празднование «Праздника свободы», «Гражданской Пасхи» или «Весны России» — как именовался сей праздник.

В торжественном шествии участвовали войска гарнизона, представители государственных и общественных организаций, учебных заведений, масса простых горожан. По ходу движения манифестантов была сооружена триумфальная арка, украшенная флагами и щитами с надписями: «Да здравствует Учредительное собрание!», «Да здравствует Англия!», «Да здравствует Франция!», «Слава борцам, павшим за свободу народа!»¹⁴. Сам епископ находился среди членов Комитета общественной безопасности, «верный своему долгу народного избранника и гражданина России», как гордо писали в церковной прессе¹⁵.

12 марта Никон вступил в партию «Народной свободы» и произнес на собрании местных кадетов зажигательную речь. «В то время, — говорил владыка, — когда наши герои проливали свою драгоценную кровь за Отечество, в то время, когда мы все работали на благо нашей Родины, Ирод упивался вином, а Иродиада бесновалась со своими Распутиным, Протопоповым и другими иресмыкателями и блудниками»¹⁶. Речь Никона была слишком радикальной для партии кадетов. Следует учитывать и то обстоятельство, что говорил это епископ и что все его крайне политизированные и пристрастные речи печатались в церковной прессе. Сам владыка, очевидно, считал Енисейскую епархию явно тесной и слишком провинциальной для такой личности, как он, поэтому и стремился попасть в Петроград на заседание Государственной Думы. Однако Львов, по-видимому, не испытывал особого желания видеть владыку в столице. Тогда Никон стал проситься в отпуск. «Я весь-весь горю и болен... а умирать еще не хочу, — писал епископ в Синод, попутно продолжая развивать свои мысли об участии духовенства в политической жизни. — Немыслимо быть не политиком... мы не дичь и не бревна...» Свое же финансовое благополучие он оценивал пессимистично: «Я ничего не имею, все роздал и теперь нищий»¹⁷. Требуемый отпуск епископ получил, но прежде чем уехать, решил созвать съезд духовенства.

Выборы на съезд происходили на собраниях духовенства по благочинным округам. «Журнал» одного из таких собраний был

¹⁴ Вестник Красноярского городского общественного управления, 1917. 31 марта.

¹⁵ Енисейская церковная нива. 1917. 31 марта.

¹⁶ Там же.

¹⁷ РГИА. Ф. 796. Он. 2(М. От. 1. Ст. 5. Д. 95. Л. 11.

впоследствии прислан в Синод, благодаря чему исследователь получил счастливую возможность познакомиться с настроениями в низах провинциального духовенства.

В самом начале собрания духовенство округа выразило «радость» по поводу «удаления старой власти, упорно задерживающей ход естественного развития страны». На голосование был поставлен вопрос о «желательной форме» управления страной, причем 9 человек высказались за республику, 9 за конституционную монархию. Ввиду этого собрание «постановило предоставить каждому действовать сообразно своим убеждениям». Далее был поднят вопрос о созыве Собора, об упразднении института благочинных, высказано пожелание, вдовым священникам разрешить беспрепятственно вступать во второй брак. Заслушан был также доклад «Демократия и деньги и отношение к ним духовенства», но прения решено было не открывать, т. к. доклад не «вносит каких-либо новых конкретных предложений».

Были произведены выборы на епархиальный съезд. Тут-то и поступило предложение протоиерея Пальмина высказать перед Никоном пожелание об оставлении им кафедры, «ввиду явного беззакония и произвола, выразившегося в обирании церквей и монастырей, увольнении без прошения многих лиц, а также за привлечение на важные должности в епархии развратников (протоиереи Смирнов, Крестин) и шпионов, и др. проступках»¹⁸. Большинство голосов 10 против 4 при 1 воздержавшемся предложение Пальмина было отвергнуто, как «грязный пасквиль» и признано «не заслуживающим внимания»¹⁹. Посылая «Журнал» данного собрания Никону, благочинный протоиерей Цветков в конце документа сделал приписку, касающуюся строптивого протоиерея. «Вообще о прот. Пальмине я должен заметить, что с момента прибытия своего в Енисейск он начал злословить вас, владыко... в последнее время при каждом удобном моменте (а он почти всегда сводил разговор на эту тему) он не упускал случая, чтобы не выкинуть какую-нибудь оскорбительную колкость»²⁰. Никон, поставил в «журнале» резолюцию: «о. Иоанна Пальмина уволить за штат (за явное поношение и ложь на епископа)»²¹.

¹⁸ ГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 5. Л. 79.

¹⁹ На полях журнала рукою Пальмина приписка: «Из моего заявления при объявлении Свободы Слова... в журнале записано не все, что я говорил...». Пальмин же было вынесено не только «порицание», но и рекомендовано исключить его из местного Комитета общественной безопасности. Там же. Л. 82.

²⁰ Там же. Л. 80.

²¹ Там же. Л. 78.

Между тем первые неприятности начались и у Никона, в день Пасхи¹³¹ в его доме был произведен обыскTM. Епископ узнал об этом из газет. Вскоре в прессе появилась заметка об этом самого владыки под заглавием: «Это было бы смешно, если бы не было так грустно». «Обыск в архиерейском доме, - писал Никон, - где неведомо чего искали... подобен безумному заподозреванию бездельников, что в кафедральном соборе хранятся пулеметы и махорка. (Подобные заподозрения имели место в нашем культурном и "свободном" городе».)¹³²

День открытия съезда Никон назначил на 15 апреля, но в последний момент отложил дату на 2 дня. Однако уже к 15 числу в Красноярск съехались представители 20 благочиний из 28. Попытка договориться с епископом об открытии съезда ранее назначенного срока успеха не принесла. На частном совещании духовенство решило не откладывать срок, и таким образом, съезд начал свою работу 16 апреля, на день раньше назначенной Никоном даты.

Как следует из докладной записки в Синод председателя Исполнительного комитета съезда В. Смирнова члены последнего разделились на две неравные части: большинство — противники епископа и меньшинство — его сторонники. Собственно, съезд только и занимался тем, что обсуждал деятельность архиерея. Обвиняли Никона в деспотизме, в неуважении человеческого достоинства, увольнении неугодных лиц, проведении на лучших местах в епархии своих земляков с Украины. Ставили в вину владыке и то, что он «развил широкую промышленную деятельность» и уделял мало внимания своим пастырским обязанностям — «говорит речи в Военно-промышленном комитете и других общественных организациях, на митингах, пишет статьи в газетах». Не добрым словом, естественно, помянули и антиалкогольную кампанию архиерея. «Произвол, насилие, ложь — система Никона», — подытожил сказанное один из ораторов¹³³. Сторонники владыки пытались его за-

¹³¹ Пасху и 1917 году праздновали 2 апреля.

¹³² «1а Пасхе по распоряжению местного Исполнительного комитета Совета солдатских и рабочих депутатов в городе произведен ряд обысков у торговых фирм и в покоях епископа Пикона... Население встревожено». Свободная Сибирь. Красноярск. 1917.9 апреля.

¹³³ Там же. 12 апреля.

¹³⁴ И местной прессе печатался подробный отчет о съезде, в целом совпадающий с изложенным в «записке», однако речи ораторов, обвинявших епископа, и газетном изложении носили гораздо более резкий и политический характер. Священник Муратов: «Никон пад-дел маску либерализма, в сущности же, это ставленник черной сотни... Самодурство этого реформатора доходило до предела невозможности... И действительно, перед его тиранией трепетали все... Он, еще будучи в Петрограде, знал, что духовенство Енисейской епархии почти поголовно состоит из так называемых "красных," и поставил себе задачу разгромить и перекрасить». (1 лаин голос. Красноярск. 1917.20 апреля.) Мирянин Крылов: «Предлагаю немедленно избрать нового епископа не дожидаясь распоряжения Синода, в лице которого он видит причину, поддерживающую сторону Пикона». (Там же. 21 апреля.)

щитить, но, по-видимому, не совсем успешно. Так, указывалось, что «священники с Воьлини не хуже прочих», а сам епископ невиновен — «он просто архиерей старого отжившего времени»¹³⁵.

Никон выступил на съезде с речью, которую он произносил с небольшими перерывами в течение 8 1/2 часов. В записке, представленной в Синод, содержится только краткий пересказ речи. Епископ «не отрицал обвинения, но признал свои действия правильными... не отрицал он и бранных слов в алтаре, не отрицал близкого общения с Блищем, человеком, по его признанию, «гнусным изменником, достойным смертной казни, но очень умным и хорошим юристом». Более подробное изложение речи владыки было опубликовано в местной кадетской газете. Так, говоря о перемене своих политических убеждений, Никон рекомендовал вспомнить Л. Толстого, считавшего «подобное явление вполне естественным. Я не был черносотенцем... Я был правым, но правым беспартийным... Мне от старого строя незачем отречься, т. к. поклонником я его не был... Мне приписывает Королев расхваливание еврейской веры... и Замысловский и Пуришкевич меня тоже в этом обвиняли... я не расхваливал еврейскую веру, но говорил, что всей национальности таких обвинений предъявлять нельзя». Касаясь его близости к салону графини Игнатъевой и Распутину, Никон, по словам газеты, «так возмущался, что не удержался даже от резкого слова». Говоря об увольнении местного духовенства и замене его на выходцев с Украины, епископ заметил, что удалял он пьяниц, а многих представителей Воьлинского духовенства он не знает даже лично и переводились они Синодом. Отвечая на обвинения в деспотизме, владыка заявил: «С природными свойствами характера, правда, резкого, но и правдивого, бороться мне трудно». После этого Никон сам перешел в наступление, обвиняя выступавших в сведении с ним личных счетов. «Теперь, когда я увидел озлобленные лица и понял ваш страх раба, а не свободного человека, я вижу приговор мой написан... И я говорю здесь для людей, которые совесть не потеряли, и говорю не для этого собрания. Вы меня так тяжело наказали, и ваше наказание свершилось. Но съездом епархиальным я это собрание не считаю. Дайте мне тысячу обвинений, и я на них отвечу»¹³⁶.

Однако, как и предполагал владыка, его выступление не помогло, и когда съезд приступил к баллотировке, 101 депутат отказали Никону в доверии, 7 высказались за при 19 воздержавшихся¹³⁷.

¹³⁵ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 2. Д. 94. Л. 158, 158 об.

¹³⁶ Свободная Сибирь. Красноярск. 1917. 4, 7, 11, 13, 16 мая. Интересно отметить, что в своем выступлении Пикон коснулся и увольнения Пальмина. Подтверждая правильность своих действий, привел уже известный нам документ о вынесении собранием духовенства г. Енисейска «порицания о. Пальмину». Там же.

¹³⁷ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 94. Л. 160.

Епископ и его сторонники не сдавались, организовали параллельно с работой съезда митинг в зале Общественного собрания. По словам автора докладной записки, в президиум съезда обратился «некто Крутоху, агент Никона по кормлению амнистированных уголовников», требуя допустить на съезд с правом высказаться «по вопросу о Никоне». Он заявил, что за ним «стоит весь народ, и намекал на возможность при отказе «поговорить по-другому»⁴⁹⁸. Положение, по словам председателя съезда, стало «настолько угрожающим», что они вынуждены были обратиться к местному комиссару — «прося охраны». В итоге для предупреждения «партизанских вылазок» съезд два дня занимался под охраной вооруженных солдат и милицииTM.

Многочисленные сторонники Никона, также писавшие в Синод, иначе излагали ситуацию вокруг съезда. По их словам, на съезде присутствовали посторонние лица, многие вели себя «крайне постыдно, все время шумно аплодировали, грубили шуткам докладчика, громко хохотали, когда докладчик издевался над епископом»⁴⁹⁹.

Приверженцы владыки писали, что инициатива собраться параллельно работе съезда в зале Общественного собрания исходила от «Бюро скорой помощи амнистированным уголовным арестантам», когда им стало известно, что на съезде в течение нескольких дней «обсуждался вопрос, как бы отрешить Преосвященного от занимаемой должности и даже как бы его арестовать».

По их словам, «произведенное немедленно расследование» установило, что съезд далеко не представляет собой все духовенство и на нем сводятся личные счеты с епископом, под влиянием некоторых священников с явно уголовным прошлым⁵⁰¹. На собрании «никониан» председательствовал «военный следователь» полковник Н.И. Рудков в «присутствии приглашенного от Совета рабочих, солдат и казаков депутата гражданина — солдата Ревича». Собрание выслушало речь председателя местной еврейской общины Гефтера, «явившегося для того, чтобы засвидетельствовать благодарность от всего еврейского общества епископу Никону за многое добро, им сотворенное»⁵⁰². Другие ораторы отмечали «выдающиеся заслуги Никона, являющегося одним из наиболее достойных иерархов Православной Церкви». Наконец, было решено послать делегатов на съезд с предложением «объединиться». Однако президиум съезда, «приняв делегацию в коридоре», попро-

⁴⁹⁸ 1ТИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 94. Л. 159.

⁴⁹⁹ Там же. Л. 159 об.

⁵⁰⁰ Там же. Л. 167 об.

⁵⁰¹ Там же. Л. 180.

⁵⁰² Там же. Л. 181.

сил подождать ответа и, удалившись на заседание, распустил съезд, так ничего и не ответив сторонникам владыки.

Далее, по словам авторов записки, в девятом часу вечера, когда сторонники Никона продолжали заседать, в зал Общественного собрания «буквально ворвалась кучка людей во главе с членом съезда, огромного роста дьяконом Сергеевым, который вскочил на стол и стал произносить речь явно угрожающего характера. В это время кто-то из ворвавшихся схватил за грудь одного из выступавших и стал его трясти. Все собравшиеся граждане и гражданки, испугавшись погрома, бросились к дверям и в панике, плача и крича, бежали. Таким образом, митинг протеста против "съезда духовенства" был насильственно разогнан провокаторами [и] агентами последнего».

Сообщая эти сведения в Синод, сторонники владыки в конце записки приложили «справку», в которой сообщалось, что во главе съезда духовенства стоят — «бывший руководитель красноярского «Союза русского народа», на днях изгнанный воспитанниками женской гимназии, инспектор Всеволод Афанасьевич Смирнов, священник Муратов, спаивающий и обирающий инородцев, дьякон Сергеев, пьяница (ушел в дьяконы, чтобы избавиться от воинской службы). А за ними в тени идейный вдохновитель, выпущенный на днях из тюрьмы, обвиняемый в государственной измене, знаменитый провокатор Алексей Степанович Блиц (Арон Иосифович)». Данное послание заканчивалось словами: «Дай Бог таких [как Никон] светлых и больших людей побольше на Руси»⁵⁰³. Направлено оно было не только в Синод, но и председателю Государственной Думы М.В. Родзянко. Реакции на записки и сторонников, и противников Никона из Синода не последовало.

Сам епископ отправил в Синод только одну телеграмму — «озлобленные пастыри мною же созванного съезда превратили съезд в митинг, суд над епископом, полная мерзость»⁵⁰⁴.

Таким образом, ситуация в епархии стала патовой. Съезд духовенства, завершив работу, выбрал из своего состава Епархиально-наблюдательный совет, который, по их мнению, должен был управлять епархией. Сам Никон, понимая, что прямая конфронтация может привести к непредвиденным последствиям, решил действовать закулисно. Можно думать, что, собирая съезд, владыка не представлял, с какой оппозицией он столкнется. Управляя епархией в течение 5 лет и постепенно превращая ее в свою «вотчину», Никон мог считать, что в корне уничтожил

⁵⁰³ ИЦ-ИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 94. Л. 182. Описание «потасонки», сходное с представленным со стороны нейтрального очевидца. См.: 1ТИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 5. Ст. 2. Д. 136. Л. 2.

⁵⁰⁴ Там же. Д. 94. Л. 140.

среди духовенства возможность даже самого слабого протеста. Однако он не учел изменившиеся политические обстоятельства, того, что, как выразился протоиерей Пальмин, «была объявлена свобода».

Совершил архиерей и тактическую ошибку. Обладая полнотой всей духовной власти и претендуя на власть светскую, Никон мог воздействовать на выборы участников съезда в соответствии со своими пожеланиями, но по каким-то причинам проявил тут не свойственную ему пассивность. Возможно, сыграла свою роль и его самоуверенность. Как бы то ни было, ранее забитое и запуганное енисейское духовенство дружно выступило против своего начальства. Следует отметить и то, что Никон пользовался большой поддержкой именно среди мирян. Широкая просветительская, благотворительная деятельность владыки снискала ему популярность среди местной буржуазии, интеллигенции и крестьян. Другими словами, Никона поддерживали те, на кого не распространялась непосредственная власть епископа. Тем более все «проекты» владыки тяжким бременем ложились именно на плечи или, скорее, на карман духовенства. Да и такие его кампании, например, как антиалкогольная, явно не прибавляли ему популярности в духовной среде. Это косвенно подтверждает и тот факт, что среди многочисленных подписей под петициями, направленными в Синод сторонниками владыки, очень мало подписей духовных лиц⁵⁰⁵.

Сам Никон, уезжая в отпуск, оставил своему преемнику, епископу Барнаульскому Гавриилу (Воеводину), назначенному Синодом, по его совету, временно управлять епархией, записку: «Никаких распоряжений, которые может быть будут исходить от свободного собрания духовенства и мирян... не исполнять... Экстренный епархиальный съезд считать несостоявшимся». Духовной консистории было приказано «все дела незамедлительно представлять для решения и подписи мне»⁵⁰⁶.

Прибыв в Красноярск, епископ Гавриил сразу вступил в резкий конфликт с Епархиально-наблюдательным советом, который, по его словам, избран съездом незаконно «явочным порядком» и отказался сотрудничать с ним. Посылая в Синод «журналы» Совета со своими комментариями, Гавриил писал, что они «подделаны... и было бы очень интересно для истории Енисейской Поместной Церкви (так. — П.Р.) сохранить эту "книгу", боюсь, что члены совета, способные на разные подлоги и обман, уничтожат ее»⁵⁰⁷.

⁵⁰⁵ Ид. № 75 подписей под одним из писем в защиту [Иконы] стоит 8 подписей священников и одна подпись архимандрита. Там же. Л. 167.

⁵⁰⁶ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 94. Л. 178.

⁵⁰⁷ О членах совета Гавриил писал как о представителях «расносоного и сюртучного нигилизма». Там же. Л. 48 об.

В свою очередь, члены Епархиально-наблюдательного совета жаловались в Синод на Гавриила, что он не имеет «самостоятельности», действуя по указке проживающего в Черноморской области Никона⁵⁰⁸, и посылает ему на утверждение все дела. Таким образом, в епархии фактически установилось «двоевластие», или, как писали в прессе, «тигельное многовластие»⁵⁰⁹. Епархиально-наблюдательный совет действовал параллельно с Консисторией и епископом Гавриилом. «Официальные известия по Енисейской епархии» отмечали, что всем, как и раньше, «руководит Никон, с той лишь разницей, что раньше он жил в Красноярске, а теперь в Черноморской области»⁵¹⁰. Однако, по всей видимости, борьба за власть внутри епархии носила локальный характер и ей явно не доставало масштабов никоновской эпохи. «Епархиальная жизнь со времени отъезда Никона как бы замерла», — писали в церковной прессе. «Высшая церковная власть по не известным нам причинам безмолвствует»⁵¹¹.

Епископ Гавриил, по его словам, связанный, с одной стороны, «наказом Никона», с другой стороны, «членами самодержцами наблюдательного совета с функциями выше епископских», чувствовал себя крайне неудобно и не желал оставаться в Красноярске. «Боюсь, как бы сей совет не провозгласил „самостоятельности“ Енисейской епархии»⁵¹², — писал он в Синод. Уезжая из Красноярска в Барнаул, Гавриил напоследок оригинально расправился с конкурирующей организацией: одних членов совета он отлучил от церкви, других запретил в служении⁵¹³.

Епархия, по сути, осталась без епископа. Духовенство и миряне активно писали в Синод, прося разрешить проблемы церковной власти в епархии. Так, например, члены Красноярского железнодорожного приходского совета просили Синод назначить в епархию строгого и сильного епископа, «опирающегося на православный пролетариат»⁵¹⁴.

⁵⁰⁸ Интересно отметить, что в прессе появилась информация, что от Никона пришло письмо, где он сообщал своим «приверженцам»: «В недалеком будущем вернусь снова в Красноярск». Наш голос. Красноярск. 1917. 19 мая.

⁵⁰⁹ Официальные известия по Енисейской епархии. 1917. № 4. С. 2.

⁵¹⁰ Там же. № 3. С. 2.

⁵¹¹ Енисейская церковная нива. 1917. 19 июня. Ср.: «У епископа Пикона нашлись друзья и покровители из крупных чиновников в Синоде, которые всячески стараются затянуть и отложить увольнение Никона на покой». Свободная Сибирь. Красноярск. 1917. 18 июля.

⁵¹² РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 2. Д. 94. Л. 48.

⁵¹³ Там же. Л. 29. Еще раньше Гавриил, как писали в Синод, по «подаче Пикона» запретил в служение священника Муратова и отлучил от церкви мирянина Крылова, наиболее активно выступавших на съезде против [Иконы]. Там же. Л. 27.

⁵¹⁴ Там же. Л. 30.

Никон между тем продолжал отдыхать в Туапсе и изредка напоминал о себе письмами в Синод⁵¹⁵. Когда срок отпуска истек, владыка попросил его продлить для «завершения лечения».

Можно представить себе удивление членов Синода, когда они получили от Никона сразу несколько писем. «Я глубоко разочаровался в русском православии, а также в верхах и низах русского духовенства, посему считаю, дальнейшее пребывание в сане епископа для себя недопустимым лицемерием... прошу меня не считать членом церкви, именующей себя "православной". Покорнейше прошу никаким увещаниям меня не подвергать, это излишняя трата времени: мое решение окончательное, продуманное и выстраданное»⁵¹⁶. Правда, сняв сан, Никон писал, что он остается христианином и просил пенсии: «Все отдал службе», а также высказал свои пожелания об устройстве церкви в будущем. «Необходимо полное и немедленное отделение церкви от государства... многому хорошему надо поучиться у католиков, достойных не одного лишь неразумного поношения... Церковь Украинская должна быть особо — автономна».

Определением Св. Синода от 1 августа Никон был низвергнут из епископского сана и монашества⁵¹⁷. Однако довести лично до бывшего епископа это решение секретарю Синода не удалось. Никон, как выяснилось, еще в конце июля прибыл в Петроград и остановился в Александро-Невской Лавре, откуда, по-видимому, и писал свои послания, а через несколько дней выехал в Могилев⁵¹⁸.

В начале сентября бывший владыка прислал в Синод еще одно письмо, в котором просил выслать ему документы об образовании и формулярный список, т. к. он «должен занять какое-либо место и служить (за неимением средств)». В письме содержалось также напоминание о «заслуженной» пенсии. «Не думаю, что в цели и задачи даже и Синода "православной" русской церкви было заставлять меня голодать и

⁵¹⁵ «Виновным себя признать не могу. Болото и гнилое болото Сибиряки», — писал Пикон обер-прокурору Синода. РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 5. Ст. 2. Д. 136. Л. 2 об., 3.

⁵¹⁶ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 94. Л. 203.

⁵¹⁷ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 5. Ст. 2. Д. 136. Л. 8. Синод также обвинил И [икона], что он снял сан не по правилам, т. к. «лица, желающие снять сан, подают церковной власти соответствующее прошение. Преосвященный же Никон... заявил о том, что сам снял с себя сан и монашество, тем самым допустил самовольное деяние, вносящее соблазн и церковную жизнь». РГИА. Ф. 796. Он. 205. Д. 270. Л. 1 об. Церковные ведомости. 1917. 26 августа.

⁵¹⁸ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 94. Л. 204. На место Никона в Красноярск был назначен епископ Зосима (Сидоровский). (Определения Синода. Там же. Л. 17 а.) Интересно отметить, что Зосима, в 1923 году снял сан и женился. См.: *Биографические сведения о членах Поместного Собора // Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Первая сессия. М., 2002. С. 292.*

мучиться». Под письмом стояла выразительная подпись: «Гражданин Николай Николаевич Безсонов (б. епископ Енисейский и Красноярский Никон)»⁵¹⁹.

После снятия сана бывший владыка женился на своей «бывшей» племяннице⁵²⁰. По свидетельству митрополита Евлогия, Безсонов вначале сотрудничал в газетах в качестве театрального рецензента.

Позднее Николай Безсонов стал исполняющим обязанности начальника Департамента исповеданий в Министерстве внутренних дел Украинской Народной Республики.

Евлогий вспоминал, что ему пришлось вести деловую переписку с «новоявленным министром». По его словам, он даже ездил в Киев «переговорить» с председателем Рады Голубовичем на предмет удалить «рenegата, осквернившего духовный сан. Мой протест ни к чему не привел. Безсонов оставался министром», — заканчивал свой рассказ Евлогий⁵²¹.

Ясно представить себе мотивы Никона, решившегося снять сан, трудно. Возможно он понимал, что возвращение в Красноярск не принесет ему ничего кроме неприятностей. Конфликт с местным духовенством мог вспыхнуть с новой силой. Да и как прагматичный политик, Никон не мог не понимать, что в условиях «углубления революции» сан епископа не сулит его владельцу ничего хорошего. Сетования на нехватку средств и бедность вряд ли можно рассматривать как банальную просьбу, наличных денег у Никона, видимо, не было. Все было вложено в многочисленные проекты, концессии, недвижимость в Енисейской епархии. Даже противники не обвиняли владыку в растрате средств на личные нужды⁵²².

⁵¹⁹ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 94. Л. 222.

⁵²⁰ Ш., Р. Евлогий вспоминал: «Брак его кончился трагично. Жена его была найдена в постели мертвой с револьверной рапой. Безсонов нахально похоронил ее в Покровском женском монастыре. Покойнице на грудь он положил свою панягию, в ноги — клубок; на лепте была отпечатана наглая кощунственная надпись». Евлогий, митрополит. Указ. соч. С. 266.

⁵²¹ Там же. С. 267. В рассказе Евлогия о Никоне есть ряд хронологических неувязок. Так, он снял сан не «когда вспыхнула революция», а 1 августа. Летом 1917 года Никон не мог быть министром в Раде. Очевидно, Евлогий путает должность Никона. Сведения о последующей судьбе Никона (Безсонова) отсутствуют. Митрополит Мануил (Лемешевский) и справочнике об архиереях пишет, что «из рукописных источников известно, что он скончался в 1919 году». См.: Die Russisch-Orthodoxen Bischöfe. Von 1893 bis 1965. Bio-Bibliographische von Metropoliten Manuil (Lemeschewskij). Teil 5. Erlangen. 1987. S. 237–238. Мануил дает такую характеристику Пикону. «Как человек, он был умный, способный, выражавший мысль о воссоединении всех народов, живущих в России». Там же.

⁵²² Так, даже И. Пальмин писал, что, уезжая в отпуск, Никон был вынужден занимать деньги в долг. РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 94. Л. 115 об.

В череде маргинальных типов архиереев предреволюционной России, таких как Антонин (Грановский), Варнава (Накропин), Владимир (Путята), Никон выглядит фигурой исключительной и необычайно яркой. Конечно, никакой церковности в действиях владыки не было. Даже его проповеди носят экономический или политический характер. На посту губернатора или министра Никон чувствовал бы себя гораздо лучше. Постоянное вмешательство владыки в гражданские дела и конфликты с губернской властью можно тоже рассматривать как исключение. Хотя ссоры епископа с губернатором были явлением относительно частым⁵²¹. Однако наступающей стороной в таких конфликтах была светская власть, в пользу которой часто они и разрешались⁵²⁴.

Возникает также вопрос, насколько типична ситуация, сложившаяся в Красноярске в 1917 году, в сравнении с другими епархиями Российской Церкви.

Тремя основными силами, влиявшими на исход внутрицерковной борьбы, были: Синод и обер-прокурор, белое духовенство, прихожане и епархиальный епископат. Постепенно набирал силу еще один фактор, ставший впоследствии решающим, — революционная власть. (Комитеты общественной безопасности, Советы). В нашем случае высшая церковная власть в лице обер-прокурора и Синода молчала. «Война» шла лицом к лицу: Никон и его сторонники против местного духовенства.

Насколько же вообще вся никоновская история была исключением? Енисейский владыка был единственный архиерей, снявший сан в 1917 году. Явно не типичным является полное невмешательство в конфликт высшей церковной власти, которая, несмотря на стремительно надвигающийся хаос, оставалась все равно последней решающей инстанцией. В то же время можно отметить и некоторые типичные черты, характерные для эпохи в целом, острота противостояния; архиерей — белое духовенство и, как следствие, стремление последнего узурпировать всю епархиальную власть.

Енисейская «история» дает возможность взглянуть по-иному на ряд вопросов, казалось бы, достаточно освещенных в историографии: взаимоотношения светской и духовной власти, границы власти епар-

⁵²³ О такого рода конфликтах см.: Смолин И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. М., 1996. 4.1. С. 298–299.

⁵²⁴ Так, например, историк С.В. Римский в своей монографии изобразил впечатляющую картину насилия светской власти по отношению к епархиальным архиереям. По его мнению, «если в Петербурге явственно ощущалось превосходство высшей светской бюрократии над Синодом, то в провинции столь же очевидно было неравное положение епархиального владыки по сравнению с любым губернатором...». См.: *IhtMCKuu C.I.*. Указ. соч. С. 71.

хиального архиерея, а также жизнь российской провинции, разительно отличающейся от жизни столиц. Вряд ли деятельность Никона могла бы происходить в Петрограде или Москве. Наиболее непонятным остается вопрос о позиции Синода и обер-прокурора, которые в течение пяти лет закрывали глаза на деятельность Никона. Скорее всего, у Никона были широкие связи в церковных верхах, а также возможно и в светских. Все это и позволило Никону создать в епархии свою «вотчину» и управлять ею, руководствуясь лишь собственным нравом.

Историки по-разному определяют количество архиереев, уволенных после Февральской революции. Б.В. Титлинов называет цифру от 6 до 7 человек к лету 1917 г.⁵²⁵ Д. В. Поспеловский — 12⁵²⁶, Т. Г. Фруменкова — 20⁵²⁷, С.Л. Фирсов — не более 40⁵²⁸. Хотя лишь Фруменкова строила свои расчеты на основе архивных материалов, однако и ее подсчеты не являются верными.

По моим данным, в период с марта по октябрь 1917 года было уволено 15 епархиальных архиереев. Это митрополит Московский Макарий (Невский), митрополит Петроградский Питирим (Окнов), архиепископ Черниговский Василий (Богоявленский), архиепископ Рязанский Димитрий (Сперовский), архиепископ Тобольский Варнава (Накропин), архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий), архиепископ Владимирский Алексей (Дородницын), архиепископ Херсонский Назарий (Кириллов), епископ Орловский Макарий (Гневушев), епископ Екатеринбургский Серафим (Голубятников), епископ Курский Тихон (Василевский), епископ Саратовский Палладий (Добронравов), епископ Енисейский Никон (Безсонов), епископ Тульский Парфений (Левицкий), епископ Полоцкий Кирион (Садзегелли).

В списке у Фруменковой также значится Нижегородская, Пензенская, Владикавказская, Томская и Имеретинская епархии, где, по ее мнению, также произошла смена епархиальных архиереев. Разница моих подсчетов с данными Фруменковой объясняется следующими обстоятельствами. Как уже отмечалось, однозначно можно сказать, что епархиальных архиереев из Томска и Нижнего Новгорода в 1917 году не увольняли. Глава Владикавказской епархии Антонин (Грановский), впоследствии один из лидеров обновленческого движения, был уволен

⁵²⁵ Титлинов В.И. Указ. соч. С. 89.

⁵²⁶ Поспеловский Д.М. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996. С. 217.

⁵²⁷ Фруменкова Т.Г. Высшее духовенство... С. 91.

⁵²⁸ Фирсов С.Л. Русская Церковь... С. 500.

еще до революции, 16 января 1917 года⁵²⁹. Вместо него епархиальным архиереем Синод поставил 28 января епископа Макария (Павлова), который сохранил этот пост на протяжении всего 1917 года, участвуя в деятельности Собора как Владикавказский владыка⁵¹⁰.

Пензенский преосвященный Владимир (Путята) был вызван в столицу обер-прокурором Синода в марте месяце. Очевидно, Львов хотел его ввести во вновь сформированный состав высшего церковного органа, однако членом Синода Владимир не стал⁵³¹. В июле 1917 года Владимиру, очевидно, был представлен отпуск. (Крайне скудные и плохо сохранившиеся в РНБ экземпляры местных «епархиальных ведомостей» не позволяют точно определить дату отстранения епископа.) Временно управляющим епархией был назначен епископ Григорий (Соколов), именно он и был представителем епархии на Поместном Соборе⁵³². Сам Владимир летом, по словам протопресвитера Любимова, «околачивался» в обеих столицах и требовал введения его в состав СинодаTM. В 1918 году архиепископа лишили сана по постановлению Судной комиссии Поместного Собора за безнравственное поведение (владыку обвиняли в прелюбодеянии)^{53M}.

Епископ Имеретинский Георгий (Аладов) 8 мая направил письмо директору канцелярии Синода Яцкевичу, в котором сообщал, что Исполнительный комитет местного духовенства «забрал в свои руки все управление, оставив мне только право утверждать и непременно утверждать все его постановления. Поступить же совестью я не мог, начались конфликты, и я вынужден был в начале апреля... покинуть Кутаиси с тем, чтобы более не возвращаться». Епископ сообщал, что он уже направлял обер-прокурору прошение об увольнении, но не получил никакого ответа. Георгий просил о пенсии, взывая к Синоду: «Не дайте голодной смерти... нравственно я истерзан, жить мне недолго»⁵³³.

Не ясно, было ли официальное определение об увольнении Георгия. Имеретинская епархия входила в состав Грузинского экзархата, но после провозглашения автокефалии Грузинской Церковью центральная церковная власть там уже не располагалась. Интересно отме-

⁵²⁹ Владикавказские епархиальные ведомости. 1917. 1 февраля.

⁵³⁰ Там же. 15 февраля.

⁵³¹ Ф.А. Гайда ошибается, когда пишет, что В.П. Львов «единолично назначил в состав Синода» Владимира (Путяту). См.: Гайда А.Ф. Русская Церковь и политическая ситуация... С. 65.

⁵³² Пензенские епархиальные ведомости. 1917. 1 сентября.

⁵³³ Любимов П., протопресвитер. Дневник... С. 101. Любимой называет его «ненормальным субъектом».

⁵³⁴ Акты Патриарха Тихона... С. 717-721.

⁵³⁵ РГИА. Ф. 797. Он. 86. От. 3. Ст. 5. Д. 12. Л. 104-104 об.

тить, что в уже упоминаемом послании патриарха Тихона грузинским епископам — «автокефалистам», в декабре 1917 года, упоминался как действующий и Имеретинский епископ Георгий (Аладов)^{53C}. В любом случае, рассмотрение ситуации в неподконтрольной Синоду Грузии не входит в задачи моего исследования.

Следует отметить, что официальные даты увольнения многих епископов мало что дают исследователю: от фактического отстранения до официального определения могло пройти много времени. Сохранившие свой пост в 1917 году архиереи могли фактически епархией не управлять. Так, например, было в Твери и Нижнем Новгороде.

Механизм отстранения епископов также не был одинаков, и борьба за церковную власть в епархиях носила различный характер. В одних епархиях обстановка была относительно спокойной, в других — шла настоящая война между противниками и сторонниками епископа.

Почти все обвинения против архиереев разделяются на две части. Первые — это политические («черносотенство», «распутинщина», «монархизм», «контрреволюция», связь с «темными силами»⁵³⁷) — Они всегда доминировали. Вторая часть — это аморальное поведение (сексуальная распущенность, пьянство и т. п.).

Каких-либо обвинений в «ереси» почти не встречается. Весь «компромат», как правило, извлекался из доносов, в большинстве своем не подтвержденных никакими фактическими данными. Оправдываясь от политических обвинений, архиереи сами порой переходили на революционный язык, тем самым принимая правила чужой игры, выиграть в которой у них не было никакого шанса.

Механизм устранения епископа зависел от ряда факторов: позиции духовенства и прихожан, позиции местных властей (Комитеты общественной безопасности, Советы) и, наконец, позиции обер-прокурора и Синода. Если против архиерея выступали первые две силы (местное духовенство и светская власть), он, как правило, быстро увольнялся. Когда инициативу об увольнении брали на себя только светские власти, а епископа поддерживали прихожане и духовенство, он, несмотря на возможные эксцессы (арест), оставался на своем месте. Если духовенство разделялось на два лагеря, противников и сторонников епископа, Синод и обер-прокурор стремились занять нейтральную позицию (архиерею, как правило, предоставляли временный отпуск). От самого архиерея зависело, по существу, только время увольнения, т. к.

⁵³⁶ д к т м патриарха Тихона... С. 71.

⁵³⁷ Причем данный термин мог «переводиться» по-разному, и совсем не обязательно означал Распутина и «камарилью». См.: Колопицкий В.И. Указ. соч. С. 337.

формально он сам должен был подать прошение, но и это не всегда соблюдалось. Почти всегда последнее слово оставалось за обер-прокурором и Синодом. Иногда они занимали вроде бы нейтральную позицию в конфликте местного духовенства с архиереем. Так было в Твери, где противостояние сторонников и противников местного архиепископа Серафима фактически раскололо епархию на две части.

Преследования части епископата после Февральской революции в церковной среде связывали с именем «сумасшедшего» обер-прокурора Синода. Безусловно, В.Н. Львов несет ответственность за создание истерии вокруг «реакционного епископата», за потворство доносам, в том числе анонимным. Однако его роль в гонениях на епископат кажется преувеличенной. В увольнении или неувольнении части архиереев, безусловно, определяющую роль играла и позиция членов Синода.

В то же время несомненно, что увольнение ряда иерархов содействовало очищению общей атмосферы в Церкви. Деятельность таких личностей, как Питирим (Окнов), Варнава (Накропин), Алексей (Дородницын) или даже митрополит Макарий (Невский), оказавшийся явно не на своем месте, кроме дискредитации, Церкви ничего не принесла. Это хорошо иллюстрирует случай с Агапитом (Вишневым), который, благодаря невероятной изворотливости и поддержке Синода, сумел удержать свой пост. Последующие похождения этого владыки только вносили смуту в и без того сложную атмосферу постреволюционного существования Церкви.

В первые недели после переворота эйфория, охватившая значительную часть общества, сравнивавшего революцию с Пасхой Христовой, затронула и духовную среду, особенно низшее и среднее духовенство. Охвачена этим настроением была и некоторая часть высших иерархов⁵³⁹. Однако очень скоро им предстояло на себе ощутить все прелести «самодержавия организующейся демократии», потому что для революционеров всех мастей архиерей всегда являлся «агентом старой власти». А в конфликте епископата с приходскими клириками важную роль играл фактор традиционного противостояния «черного» и «белого» духовенства.

⁵³⁹ Ср.: Так, например, **руководитель** духовной миссии в Китае епископ Иннокентий (Фигуровский), **поздравляя** архиепископа Арсения (Стадицкого) с праздником «Воскресения Христова и обновления государственной жизни России», писал: «Церковь Христова в свободной державе **Российской** ныне освободилась от **векового** рабства и для нее **занялась** заря... жизни в свободной стране. С свержением монархии Церковь избавилась от позора, от участи в навязываемом ей грехе **цезарепатизма**». ГЛРФ. Ф. 550. Он. 1. Д. 95. Л. 1.

Преследование епископата в послефевральской России не следует преувеличивать. Даже в процентном отношении увольнение 15 глав епархий — цифра незначительная. В Российской империи к 1917 г. было 68 епархий⁵³⁹. (Следует также учитывать, что в 1917 году количество епархий, на которые фактически распространялась высшая церковная власть, сократилось: западные губернии находились под оккупацией, а Грузинская Церковь (4 епархии составляли Грузинский экзархат) заявила о своей автокефалии.)

Однако создание некоего рода истерии вокруг «распутинского» и «контрреволюционного» епископата производило на современников впечатление. Да и для самих иерархов перспектива возможного ареста с последующим расследованием «преступлений» могла еще недавно казаться невероятным фактом.

Обер-прокурор Синода Львов даже задумал провести суд над архиереями- «распутниками»⁵⁴⁰. «Мне странно,— говорил он в беседе с корреспондентом "Русских ведомостей", — что некоторые круги и лица ставят в вину, что я выбрасываю из Церкви распутинский сброд... Я считаю это своей священной обязанностью, тем более иерархи, которых я повыгонял, принадлежат к числу уголовных преступников. Я говорю это на основе неопровержимых документов, которые будут в ближайшее время опубликованы»⁵⁴¹.

Задуманный архиерейский процесс, которого Россия не знала со времени бироновщины, провести не удалось. Да и не было тех «неопровержимых документов», о которых говорил обер-прокурор. Знакомство с материалами синодских ревизий и расследования деяний даже самых скандально известных иерархов показывает, что перечисленные в них факты церковных и даже канонических правонарушений (таких, как, например, симония или nepотизм) документально подтвердить вряд ли было возможно.

⁵³⁹ Количество епархий к 1917 году указано по: Состав Святейшего **Правительствующего** Всероссийского Синода и Российской церковной иерархии. Иг., 1917. С. 384-385. См. также: **Смолч И.К.** История русской Церкви. М., 1996. Ч. 1. С. 266.

⁵⁴⁰ См.: Суд над епископами // Свободная церковь. Пг, 1917. 28 июля.

⁵⁴¹ Русские ведомости. 1917. 15 июня.

ГЛАВА 3

Выборы архиереев

Законодательное оформление выборного начала

Одним из основных результатов «церковной революции» было повсеместное введение выборного начала. Сами выборы были важнейшим символом революционных процессов в Церкви. В 1917 г. выбирали настоятелей и настоятельниц монастырей, приходских священников, дьяконов и псаломщиков. Однако центральным событием данного процесса было избрание высших иерархов.

Выборы архиереев в 1917 г. — известный факт, попавший и в обобщающую монографию⁵⁴², и даже на страницы учебника истории⁵⁴³. Однако исследователи только констатируют сам факт проведения выборов, перечисляя несколько епархий, где они проходили: если и приводится какой-либо комментарий, то, как правило, неверный. Даже в статье Т.Г. Фруменковой, наиболее серьезном исследовании темы высшего духовенства после революции, только констатируются результаты выборов в Харькове, Москве, Петрограде и Владимире⁵⁴⁴. Механизм выборов, идеологическая и политическая борьба различных группировок остаются практически не изученными. Не существует даже полного перечня епархий, где эти выборы состоялись.

К сожалению, следует отметить, что данная проблема по сей день находится на периферии интересов отечественных историков, поэтому какая-либо серьезная историографическая дискуссия затруднена. Так, например, И.К. Смолич пишет, что «почти везде на епархиальных съездах были снова избраны прежние епархиальные

архиереи»⁵⁴⁵, что не соответствует действительности. Д.В. Поспеловский упоминает лишь о выборах в Москве, Петрограде и, почему-то, в Тобольске⁵⁴⁶. О выборах в этих же городах очень кратко пишет протоиерей Георгий Митрофанов⁵⁴⁷, добавляя при этом, что «Временное правительство обязало церковную иерархию не назначать иерархов на кафедры, а избирать их в епархиях», однако и это не соответствует действительности. Также только констатирует факт выборов в указанных епархиях А.Н. Кашеваров, добавив Рязань⁵⁴⁸. М.В. Шкаровский упоминает еще Чернигов и Курск⁵⁴⁹. Только о столичных выборах пишет протоиерей Владислав Цыпин⁵⁵⁰. Законодательный механизм выборов рассматривает С.Л. Фирсов⁵⁵¹. По его мнению, это была «уникальная попытка реанимировать правила, имевшие место в древней Церкви». Автор новейшей монографии по синодальному периоду В.А. Федоров ограничивается только фразой о том, что «некоторые съезды приняли решения о выборности епископата духовенством и мирянами»⁵⁵².

Английский историк В. Мосс отмечает, что «хотя революционная волна и приводилась в действие явно антицерковным духом, но промыслом Божиим она привела, наряду с вредными, и к некоторым полезным для Церкви переменам». К этим «полезным переменам» автор относит выбор епископов в Москве, Петрограде и Харькове. Говоря же о выборах во Владимире, он пишет что «избиратели перед тем отвергли всех кандидатов... так что либеральный Сергей был для них единственным кандидатом». В действительности, будущий советский патриарх одержал победу с трудом, во втором туре голосования. Протоиерей Сергей Голубцов в своей книге рассматривает московские выборы⁵⁵⁴.

⁵⁴⁵ Смолич И.К. *Русская Церковь во время революции* // История русской церкви. М., 1997. Т. 8. 4.2. С. 729.

⁵⁴⁶ Носпеловский Д.В. *Русская Православная Церковь в XX веке*. М., 1995. С. 37.

⁵⁴⁷ Митрофанов Георгий, протоиерей. *История Русской Православной Церкви, 1900-1927*. СПб., 2002. С. 89-90.

⁵⁴⁸ Кашеваров Л.П. *Русская Православная Церковь в период между Февралем и Октябрем* // Петербургская историческая школа. СПб., 2001. Вып. 1. С. 158-159.

⁵⁴⁹ Шкаровский М.В. «Религиозная революция» 1917 г. и ее результаты // 1917-й: Метаморфозы революционной идеи и политическая практика их воплощения. Новгород. 1998. С. 64.

⁵⁵⁰ Цыпин Владислав, протоиерей. *История Русской Церкви. 1917-1997*. М., 1997. С. 14.

⁵⁵¹ Фирсов С.Л. *Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х—1918 гг.)*. М., 2002. С. 501-504.

⁵⁵² Федоров В.А. *Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период (1700-1917)*. М., 2003. С. 267-268.

⁵⁵³ Мосс J. *Православная Церковь на перепутье (1917-1999)*. СПб., 2001. С. 35.

⁵⁵⁴ Голубцов Сергей, протоиерей. *Московское духовенство в преддверии и начале гонений. 1917-1922 гг.* М., 1999.

⁵⁴² *Власть и реформы: От самодержавной к советской России*. СПб., 1996. С. 670-671.

⁵⁴³ *История России. XIX - начало XX вв.* / Под ред. В.И. Федорова М., 2000. С. 642.

⁵⁴⁴ Фруменкова Т.Г. *Высшее православное духовенство России в 1917 году...* С. 87, 91.

Характерным примером стало предисловие к изданию следственного дела патриарха, в котором отмечено, что, «стремясь провести согласных со своей линией кандидатов, В.Н. Львов организовал выборы новых архиереев на освободившиеся Московскую и Петербургскую (так. — *П.Р.*) кафедры и еще в нескольких епархиях, которые возглавляли неприемлемые с точки зрения реформаторов епископы»⁵⁵⁵. Трудно сказать что-либо более несоответствующее общей обстановке 1917 года.

Между тем значимость данного события определяется тем, что впервые за более чем тысячелетнюю историю Русского Православия правящий епархиальный епископ выбирался, как тогда выражались, «свободными голосами духовенства и мирян».

В Российской империи епархиальный владыка утверждался императором из кандидатов, представленных Синодом. Характерной чертой «синодального православия» было частое перемещение архиереев с кафедры на кафедру. Хотя разделение епархий по трем классам было официально отменено в 1867 году, но неофициальные представления о престижных и опальных кафедрах сохранялись. Большую роль при перемещении и назначении имели личные связи владыки не только в церковной, но и в светской средеTM. Конечно, и в XIX в. многие церковные деятели понимали «неканоничность» подобных практик.

Вопрос о выборах епископата активно обсуждался в печати в годы Первой революции. Данная проблема обсуждалась и на Предсоборном Присутствии в 1906 году. Сторонники выборного начала ссылались на правила, существовавшие в древней Церкви, когда епископ выбирался голосами духовенства и мирян. По их мнению, это должно было восстановить утраченную связь между народом и его архипастырями: «Большинство русских епископов, несомненно, получили назначения не без политического влияния», — говорил на Присутствии профессор Петербургской духовной академии протоиерей Александр Рождественский. По его мнению, «современный состав епископата мог бы также продать свое стадо за политические блага, как епископы Юго-Западной Руси в 16-м веке, приняв унию с Римом»⁵⁵⁷. Противники принципа выборности утверждали, что он стал в XX веке неким фетишем. «Люди думают, что стоит его применить, как сразу наступит счастье», — считал член Государственного Совета Ф.Д. Самарин⁵⁵⁸. Говорилось на Присутствии

⁵⁵⁵ Следственное дело патриарха Тихона: Сборник документов. М., 2000. С. 12.

⁵⁵⁶ Более подробно об атом см.: *Римский СВ*. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. М., 1999. С. 65-70.

⁵⁵⁷ Цит. по: Каннингем В.Дж. Указ соч. С. 224.

⁵⁵⁸ Там же. С. 222.

и о том, что Церковь не должна копировать гражданские политические нормы. Противоположные мнения высказывались по поводу выборов на предстоящий Собор, а также о возможности и процедуре избрания на нем патриарха. И хотя Предсоборное Присутствие высказалось за избрание епископов, никаких практических последствий это решение не имело, так как тогда созвать Собор не удалось.

В последние годы существования монархии назначения и перемещения епархиальных архиереев стали связывать с именем Г. Распутина. Более того, за многими архиереями пожизненно закрепилось прозвище «распутинца». После Февральской революции это обвинение активно использовали и правые и левые силы. Особенно скандальной была история рукоположения и назначения в Тобольскую епархию полуграмотного Варнавы (Накропина). Архиепископ Антоний (Храповицкий) по этому поводу сказал, что Синод с таким же успехом мог и «черного борова поставить в епископы», — вспоминал протопресвитер Георгий Шавельский⁵⁵⁹.

Вопрос о введении выборного начала вновь встал после Февраля. Особую актуальность ему придавало то, что несколько кафедр (в первую очередь, Петрограда и Москвы) после увольнения наиболее одиозных архиереев стали вакантными.

Вопрос о правилах церковных выборов стал одной из причин конфликта нового обер-прокурора В.Н. Львова со старым составом Синода. Сам Львов в беседе с корреспондентом «Нового времени» говорил: «Члены Синода находят, что митрополитов и епископов должны выбирать все епархиальные архиереи. Я же считаю, что такие выборы на кастовых началах не могут никого удовлетворить. Кандидатов должны избирать съезды духовенства при участии мирян и церковных организаций. Я всецело на стороне выборного начала. Выборное начало соответствует церковным канонам и возводит нас к временам древней Церкви. На митрополичьи кафедры, — успокаивал обер-прокурор, — я не буду проводить своих кандидатов»⁵⁶⁰.

В прессе активно обсуждали данную тему. Введение выборного начала в Церкви связывалось многими с возвращением к первоистокам христианства: «Выборное начало, — писали в одной из радикальных церковных газет, — требуемое канонами, является излюбленным способом демократических республик. Да и Церковь Христова апостольских времен не что иное, как христианская демократическая республика.

⁵⁵⁹ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 1. С. 369.

⁵⁶⁰ Повое время. 1917. № марта.

Революция возвращает Церковь к вечным истокам ее жизни, и красное знамя не только символ освободившегося народа, но и церковного возрождения»⁵⁶¹. Наиболее авторитетная церковная газета «Всероссийский церковно-общественный вестник», издаваемая Петроградской духовной академией, писала, что выборы — «это первый шаг к восстановлению древнего церковного порядка. Было бы несогласно с новым государственным строем, если бы, хотя и временно, оставался действовать прежний порядок правительственных назначений на кафедры епископов»⁵⁶².

Основной проблемой считалось подведение под выборное начало соответствующей законодательной базы. Для этого требовалось как время, так и активное участие церковных историков-канонистов. В церковных кругах вели дискуссию и о том, где и как должен быть избран епархиальный архиерей. Так, например, один из наиболее активных клириков петроградской епархии, протоиерей Михаил Чельцов, считал, что для выборов нужно созвать специальный епархиальный собор из священников и мирян, выбранных на общих пастырских собраниях⁵⁶³.

Вскоре во «Всероссийском церковно-общественном вестнике» появилась статья с красноречивым названием «Дайте народу епископов и избирательный закон». В ней подчеркивалось, что «без одобрения народа ни один архиерей впредь не должен получить архиерейского достоинства». Проводилась и мысль о том, что Синод не должен равнодушно смотреть, как организуются епархиальные выборы. Автор считал неверным предоставление Петрограду и Москве права самим вырабатывать порядок избрания местного архиерея⁵⁶⁴.

Важно отметить, что сам выборный принцип сомнению тогда никем не подвергался. Основным доводом служило то, что, как писал профессор Петроградской духовной академии Н.И. Сагарда, «в древней Церкви признавалось неоспоримым, не подлежащим даже обсуждению необходимость избрания епископов»⁵⁶⁵.

29 апреля Синод принял послание «Архипастырям, пастырям и всем верным чадам Святой Церкви». В нем, среди прочего, утверждалось, что «издревле господствующее в Православной Церкви выборное начало должно быть проведено во все доступные для него формы

церковного управления...»⁵⁶⁶. Это послание было составлено членами Синода А.В. Смирновым и А.П. Рождественским, а отредактировано архиепископом Сергием. «Много общих фраз и мало конкретного содержания», — так оценил его в дневнике член Синода протопресвитер Николай Любимов⁵⁶⁷. Действительно, на вопрос, как и когда избирать епархиального епископа, ответа в нем не было. Не было единого мнения по этому поводу и у членов Синода. Так, товарищ обер-прокурора А.В. Карташев предложил, давая благословление на выборы митрополита (в первую очередь, речь шла о выборах на столичные кафедры, где традиционно архиерей имел сан митрополита), что «надо выбирать не митрополитов, а трех кандидатов... из которых один будет утвержден Синодом»⁵⁶⁸. Предложение А.В. Карташева, по сути, возвращало традиционную синодальную практику и было отвергнуто Синодом. После обсуждения решено было просто «преподать от имени Синода благословение на производство выборов», с последующим предоставлением выработанных комиссиями правил⁵⁶⁹. Но вся данная дискуссия в Синоде явно запоздала: в столичных епархиях полным ходом уже шла предвыборная кампания.

Законодательное оформление выборного начала в Церкви произошло только 5 июля, когда Синод утвердил «Общие правила об избрании епархиальных епископов». В синодальных материалах об их утверждении цитировалось мнение покойного профессора В.В. Болотова. Последний же отмечал, что выборы епископа воспринимались в древней Церкви «за нечто неоспоримое, не подлежащее даже рассуждению». Далее следовала справка о том, что этот порядок был изменен в Византии под давлением императоров. Правда, сразу же признавалось, что полностью восстановить древние правила выборов «при всем желании нет возможности, ввиду крайне обширных пределов наших епархий... у нас участие приходов в выборах может быть только посредственное, через посылку делегатов»⁵⁷⁰. Проблема была и в том, как избирать делегатов на епархиальный собор: непосредственно — от каждого прихода, или от более крупных церковно-общественных единиц, таких как благочиние. Считалось, что если для «городов предпочтительней первый

⁵⁶¹ Свободная церковь. Иг., 1917. 21 марта

⁵⁶² **Выборы митрополитов**// ВЦОВ. 1917. 8 апреля.

⁵⁶³ Чельцов М., протоиерей. **Собор** или **съезд**// ВЦОВ. 1917. 22 апреля.

⁵⁶⁴ ВЦОВ. 1917. 25 апреля.

⁵⁶⁵ Сагарда И. Избрание епископов в древней Церкви // Там же. 1917. 29 апреля.

⁵⁶⁶ Церковные ведомости. 1917. 6 мая.

⁵⁶⁷ Любимов Я., протопресвитер. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля - 12 июня 1917 г.) // Российская Церковь в годы революции (1917-1918). М., 1995. С. 23.

⁵⁶⁸ Там же. С. 26.

⁵⁶⁹ Там же. С. 27.

⁵⁷⁰ РГИА. Ф. 798. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 280 (Об утверждении правил об избрании епархиальных епископов). Л. 2, 2 об.

порядок, то для остальной местности — второй». Нежелательным считалось и избрание слишком большого количества представителей на Собор: «При многолюдстве он более будет походить, по неубедительному механически случайному ходу дела, на то сборище народа, которому запретил производить избрание Лаодикийский Собор своим 13 правилом»⁵⁷¹.

В принятых Синодом «Правилах» кратко излагался процесс избрания представителей на епархиальный собор. По мысли составителей, он должен был носить двухступенчатый характер. Вначале выборы должны были проходить по приходам, потом — по благочиниям. Подчеркивалось, что все вопросы должны решаться в первую очередь большинством голосов. На самом епархиальном соборе при помощи подачи записок предлагалось намечать основных кандидатов. По каждому из них предоставлялось право высказывать «соображения»⁵⁷². При этом особо отмечалось, что «отрицательная критика» не должна допускаться. Избранным предлагалось считать кандидата, который при окончательной баллотировке получит не менее половины голосов. Если таковых не было, баллотировка должна была проводиться еще два раза. При равенстве голосов бросался жребий. Избранный кандидат утверждался Синодом. В заключении «Правил» отмечалось, что «настоящие правила могут быть дополнены или видоизменены по местным условиям, с разрешения епископа»⁵⁷³. Следует отметить, что, хотя в ряде епархий и следовали своим правилам, они не сильно отличались от центральных. Единственное условие, которое не соблюдалось, вероятно, повсеместно — запрет на «отрицательную критику» кандидата.

Выборы в Петрограде и Москве

Столичного архиерея митрополита Питирима уволили 5 марта без всяких проволочек⁵⁷⁴. В церковной, да и в светской среде он слыл фигурой настолько одиозной, что сторонников у него, в отличие от других изгнанных иерархов, не нашлось. Церковные власти не могли даже гарантировать личную безопасность ненавистного митрополита, считавшегося основным протезе Распутина. Обер-прокурор В.Н. Львов перед отъездом бывшего епархиального владыки из Петрограда в Пятигорск ходатайствовал перед председателем правительства князем Г.Е. Львовым о содействии в получении «надлежащих документов»,

⁵⁷¹ РГИА. Ф. 798. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 280. Л. 3 об.

⁵⁷² Церковные ведомости. 1917. 15 июля.

⁵⁷³ Там же.

⁵⁷⁴ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 34. Л. 2.

чтобы оградить Питирима от «возможных в пути и на месте оскорблений в виде обыска и ареста»⁵⁷⁵.

Сразу после увольнения митрополита в столице начали циркулировать слухи, что на вакантную кафедру назначат уфимского епископа Андрея (Ухтомского), срочно вызванного обер-прокурором. «Личность уфимского преосвященного настолько определена, выступления его были так ярки, — писали в одной из газет, — что, кажется, не может быть двух мнений о том, насколько желательна эта кандидатура для петроградской церкви»⁵⁷⁶.

Сам Андрей, прибыв в столицу, заявил, что о перемещении на петроградскую кафедру он узнал из газет: «Назначения нет, а если бы оно и было, то я бы не принял ни от какой власти это назначение без согласия Петроградской православной паствы»⁵⁷⁷. Против прямого административного назначения архиерея выступали и наиболее активные круги столичного духовенства. 11 марта их представители нанесли визит В.Н. Львову и выразили пожелания, чтобы епископ был избран каноническим путем, то есть в результате свободных выборов⁵⁷⁸.

19 марта на собрании петроградского духовенства был избран Исполнительный комитет по организации выборов, председателем которого стал протоиерей Павел Лахотский⁵⁷⁹. Через несколько дней в зале Общества распространения религиозно-нравственного просвещения состоялось многолюдное собрание духовенства и мирян, под председательством протоиерея профессора А.Н. Рождественского. К собранию обратился с речью викарий Петроградской епархии епископ Вениамин (Казанский), призвав присутствующих к миру и согласию. Главной обсуждаемой проблемой стала разработка правил выборов. Наиболее радикальные церковные деятели считали, что выборы должны носить всеобщий и прямой характер. Жаркая дискуссия развернулась и по поводу участия в выборах женщин. Активным сторонником этого выступил один из будущих лидеров «обновленцев» священник А.И. Боярский⁵⁸⁰. В конце концов, за женщинами было оставлено только активное избирательное право. В «Порядке избрания Петроградского епархиального епископа», выработанном съездом духовенства и мирян, прошедшем

⁵⁷⁵ ГАРФ. Ф. 1778. (Канцелярия министра — председателя Временного правительства.) Он. 1. Д. 328. Л. 1 об.

⁵⁷⁶ Свободная церковь. 1917. 15 марта.

⁵⁷⁷ Епископ Андрей о текущем моменте церковной политики // Свободная церковь. 1917. 15 марта.

⁵⁷⁸ Там же.

⁵⁷⁹ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 149. Л. 5.

⁵⁸⁰ Свободная церковь. 1917. 28 марта.

16-17 апреля, говорилось, что в избрании делегатов участвуют лица обоего пола, достигшие 21 года. Право быть избранными на собор получали только мужчины; отмечалось, что «о распространении сего права и на женщин суждение может иметь только Всероссийский Поместный Собор».

Ведущая роль в разработке правил избрания принадлежала профессору Духовной академии, известному историку А.В. Бриллиантову.

Выборы проходили по всем приходским церквям 11 мая. В каждой должен был быть составлен специальный акт, причем наказ делегатам, какого кандидата избирать, должен был даваться в устной форме и в акт не вносился⁵⁸¹. Процесс выборов епископа был двухступенчатый. В первом туре записками намечались основные кандидаты, три из которых «подвергались второй баллотировке». Основными претендентами на «вдовствующую кафедру» были епископы Андрей (Ухтомский) и Вениамин (Казанский), а также архиепископ Сергей (Страгородский). Были выдвинуты кандидатуры архиепископа Тихона (Беллавина) и протопресвитера армии и флота Георгия Шавельского. От Синода присутствовать на выборах было поручено архиепископу Платону (Рожественскому).

В прессе активно обсуждали предстоящее событие. «Нам нужен архипастырь, готовый воспринять мученический венец», — писал некто Ф. Федотов^{TM2}. А профессор, протоиерей А.П. Рождественский считал, что избранный должен быть в «силе митрополита Филарета и в духе митрополита Антония»⁵⁸³. Священник К. Семенов писал, что «нам надобен митрополит-революционер... могущий взбунтовать спокойное консервативное болото русской церковной жизни»⁵⁸¹. Ряд столичных благочинных даже просили Синод, ввиду «сакраментальности акта избрания», провести утверждение кандидата непосредственно в алтаре Казанского собора, в присутствии полного состава Высшего церковного органа⁵⁸⁵.

23 мая в здании Исидоровского епархиального училища открылось совещание представителей выбранных на епархиальный собор, под председательством протоиерея Философа Оранского. Как писала газета «Новое время», с большим воодушевлением было воспринято появление на нем председателя Государственной Думы М.В. Род-

⁵⁸¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 201. От. 1. Ст. 5. Д. 149. Л. 2, 2 об.

⁵⁸² ВДОВ. 19)7.7 мая.

⁵⁸³ Там же. 24 мая. Рождественский имел в виду Московского митрополита Филарета (Дроздова) и Петербургского владыку Антония (Падковского).

ям Известия по Петроградской епархии. 1917. 28 апреля.

Ж Р Г И А. Ф. 796. Оп. 201. Ст. 5. Д. 149. Л. 5.

зянко, также выбранного на Собор. Присутствующие «единодушно пропели ему многие лета» и предоставили слово вне очереди⁵⁸⁶. М.В. Родзянко призвал собравшихся голосовать за епископа Андрея, выставляя тому в заслугу в первую очередь печатные выступления против Г. Распутина. На это протоиерей Лахотский заметил, что против Распутина писали и другие архиереи, однако цензура не позволяла их печатать. Вообще, следует отметить, что декларирование оппозиционности по отношению к старым порядкам было в то время непременным условием предвыборной кампании, не только в Петрограде, но и в провинции.

На следующий день после торжественной литургии в Казанском соборе началось голосование, проходившее в два тура. При первой баллотировке 699 делегатов из 1 587 отдали свой голос Вениамину. Второе место было у Сергия, получившего 398 голосов, третье у Андрея — 364 голоса. За остальных кандидатов голосов было подано «много меньше». Во втором туре за Вениамина проголосовали 976 выборщиков, за Сергия — 625, за Андрея — 344*. Таким образом, большинством был выбран викарий Петроградской епархии, гдовский епископ Вениамин. Не помогла соперникам Вениамина и активно проведенная избирательная кампания, сопровождавшаяся усиленной агитацией и выпуском листовок⁵⁸⁸.

На следующий день, 25 мая, архиепископ Платон на заседании Синода доложил о прошедших выборах. По словам Н. Любимова, «на двукратный вопрос обер-прокурора, не было ли заявлено каких-либо протестов, преосвященный заявил, что не только не было протестов, но что выборы произошли так гладко, так корректно, так даже умилительно и благоговейно, что лучше и желать нельзя»⁵⁸⁹. На что В.Н. Львов заявил, что еще до выборов к нему поступали жалобы по поводу самой системы избрания депутатов по приходам. Но если эти протесты и имели смысл, то только до избрания петроградского епископа, считал Любимов, «теперь же их читает (и читает, как будто смакует) В.Н. больше для собственного утешения в неудаче». Действительно, результаты выборов можно было рассматривать как поражение обер-прокурора. Его основной протее епископ Андрей стал лишь третьим. Более желательным для Львова был бы и архиепископ Сергей, единственный

⁵⁸⁶ 1 юное время. 1917. 25 мая.

⁵⁸⁷ Деяния Петроградского епархиального собора // РГИА. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 149. Л. 14. Материалы о голосовании в Петрограде наиболее подробные из всех поступивших в Синод. Итоги баллотировки расписаны по каждой урне в отдельности.

^{1*} Известия по Петроградской епархии. 1917. 14 июня.

⁵⁸⁹ Любимов П., протопресвитер. Дневник... С. 72.

человек из старого состава Синода, сохранивший свое место. Любые инициативы обер-прокурора встречали неизменную поддержку архиепископа, имевшего репутацию необычайно изворотливого человека.

Наотрез отказался В.Н. Львов и автоматически ввести новоизбранного владыку в состав высшего церковного органа⁵⁹⁰: аполитичный Вениамин не вписывался в планы революционного обер-прокурора. Так, давая интервью корреспонденту «Нового времени», Вениамин заявил, что стоит за свободу Церкви, «но она должна быть чужда политике, ибо в прошлом от нее много пострадала»⁵⁹¹. Сам владыка, хотя и занимал до революции должность викария столичной епархии, удивительным образом оказался незамешанным в череде скандалов вокруг личности митрополита Питирима, которого относили к числу главных креатур Распутина. Многие современники, знавшие Вениамина, характеризуют его как искреннего человека, «не любившего играть роль и красоваться». Возможно, именно эти качества, а также большая популярность в среде простого народа и принесли ему победу на выборах⁵⁹².

В Москве, в отличие от Петрограда, увольнение епархиального владыки митрополита Макария, как об этом уже писалось, приняло скандальный характер.

Действительно, с первых дней революции московский клир проявлял необычайную активность. Даже по словам далекого от церковных проблем меньшевика Н.Н. Суханова, «духовенство встряхнулось, быстро "самоопределилось" и задумало не на шутку стать государством в государстве, особенно в Москве»⁵⁹³. Проходивший с 21 по 25 марта Чрезвычайный съезд духовенства и мирян вынес единогласное решение о необходимости избрания митрополита. Посылая «представление» съезда в Синод, временно управляющий епархией епископ Иосаф писал, что, «ввиду создавшегося в среде духовенства крайне тревожного настроения... единственной мерой, способной внести успокоение в сметенные умы верующих», может быть разрешение им избрать своего кандидата на кафедру⁵⁹⁴. На самом съезде высказывались мнения избрать митрополита «без всякого сношения с Синодом». В итоге было

⁵⁹⁰ Любимов П., протопресвитер. *Дневник...* С. 73.

⁵⁹¹ Понос время. 1917. 25 мая.

⁵⁹² О дальнейшей трагической судьбе этого выдающегося Пастыря, и о мужественном поведении его перед большевистским судилищем. См.: *Шкаровский М.П.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917-1945. СПб., 1995. С. 55-69; *Чельцов Михаил*, протоиерей. Воспоминания «смертника» о пережитом. М., 2001; «Дело» митрополита Вениамина. (Петроград, 1922 г.). М., 1991.

⁵⁹³ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1. С. 244.

⁵⁹⁴ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 138. Л. 7.

принято предложение специалиста по церковному праву, профессора И.М. Громогласова — просить у высшей церковной власти не разрешения, а только благословения⁵⁹⁵. На съезде был избран и организационный комитет по вопросу избрания будущего митрополита, под председательством протоиерея Н.В. Цветкова. Юрисконсултом комитета стал И.М. Громогласов.

Следует отметить, что церковно-общественное движение в Москве, несмотря на радикализм некоторых заявлений, в основном носило все же конструктивный характер. Во главе этого движения стояли такие видные фигуры, как член Государственного совета и предводитель дворянства А.Д. Самарин, юрист Н.Д. Кузнецов, И.М. Громогласов, князь Е.Н. Трубецкой, профессор С.Н. Булгаков, а также наиболее активные клирики епархии — протоиереи Н.В. Цветков, Н.И. Боголюбский и протопресвитер Н. Любимов⁵⁹⁶.

Безусловным лидером среди них был Александр Дмитриевич Самарин, имевший огромный авторитет в церковной среде. В 1915 году он в течение нескольких месяцев исполнял обязанности обер-прокурора Синода, пытаясь активно противодействовать распутинскому влиянию на Церковь⁵⁹⁷. Не только ореол жертвы «темных сил», но и такие личные качества, как честность и бескомпромиссность, снискали ему популярность в светской и духовной среде. Именно его и считали основным претендентом на кафедру, поскольку, согласно выработанным правилам, баллотироваться могли не только лица из белого духовенства, но и миряне. В случае избрания пострижение в монашество считалось не обязательным; необходимо было лишь, чтобы кандидат был или «безбрачного состояния, или вдовый»⁵⁹⁸. Именно это положение и вызвало особое недовольство при обсуждении правил в Синоде. Однако представитель московской комиссии по выборам протоиерей Боголюбский «ни за что не согласился вычеркнуть это из правил, как бы этим ни соблазнялись приверженцы старого порядка вещей»⁵⁹⁹.

Кроме Самарина, претендентами на кафедру рассматривались также архиепископы Тихон (Беллавин), Платон (Рождественский),

⁵⁹⁵ Московский церковный голос. 1917.14 мая.

⁵⁹⁶ Подробней о церковно-общественном движении в Москве см.: *Голубцов С.* Московское духовенство в преддверии и начале гонений. 1917-1922 гг. М., 1999. С. 17-35.

⁵⁹⁷ Подробней о причинах увольнения Самарина см.: *Фриз. Г.* Церковь, религия и политическая культура на закате старого режима // Реформы или революция? Россия. 1861-1917. М., 1992. С. 41-42.

⁵⁹⁸ Правила избрания // РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 138. Л. 9-11.

⁵⁹⁹ Любимов П., протопресвитер. *Дневник...* С. 99.

епископ Андрей (Ухтомский), выдвигались и другие кандидатурыTM. Выборы состоялись на Московском съезде духовенства и мирян, проходившем 19-21 июня. При первой подаче голосов одинаковое число (по 297) набрали Самарин и архиепископ Тихон, остальные значительно отстали от лидеров. Решающая баллотировка состоялась 21 июня в храме Христа Спасителя. Накануне среди делегатов съезда «за полночь слышались еще речи... за и против того или другого кандидата»⁶⁰¹.

Утром после торжественной литургии делегаты приступили к голосованию. При вскрытии урн оказалось, что за Тихона отдали свой голос 481 человек, а за Самарина — 303⁶⁰². Присутствующие отмечали образцовый порядок при баллотировке и подсчете голосов. Не было замечено и фактов дискредитации кандидатов. Самарин два раза безрезультатно отводил свою кандидатуру, поскольку не имел «должной подготовки сана и опыта». Трудно сказать, насколько откровенными были эти заявления Самарина: некоторые современники отмечали, что он был не лишен чувства тщеславия⁶⁰³.

Впоследствии этот незаурядный человек, избранный в 1918 году председателем «Совета Союза приходов Москвы и губернии», вместе со своим соперником по выборам патриархом Тихоном активно противостоял большевистской атаке на Православную Церковь⁶⁰⁴.

Можно заключить, что при проведении столичных выборов высшие церковные власти в основном довольствовались ролью статистов. Особенно это видно на примере Москвы. Если в Петрограде еще имела место попытка (правда, безрезультатная) Львова провести своих кандидатов, то в Москве сильное и авторитетное церковное движение вообще фактически игнорировало и Синод, и обер-прокурора.

⁶⁰⁰ Так, например, некто **Гартунг(У)**, очевидно знакомый **Львова**, прислал ему письмо с приложением подробной **биографии** Тверского архиепископа **Серафима**, которого он **активно предлагал** и **митрополиты**. По его словам, при «московской духовной разрухе архиерей должен быть с сильной волей, подобно Нашей». ИГИЛ. Ф. 797. Он. 86. От. 3. Ст. 4. Д. 40. Л. 1. **Показательна** безосновательная уверенность в способность обер-прокурора провести на выборах своего кандидата.

⁶⁰¹ Московский церковный голос. 1917. 5 июля.

⁶⁰² Акт избрания // ИГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5 Л- 138. Л. 4.

⁶⁰³ Интересная характеристика Самарина принадлежит управляющему делами Совета министров **А.П. Яхонтову**. По его словам, **речи** Самарина на заседании Совета министров не лишены были «некоторого самопоения... Несомненно, по убеждениям и по семейным традициям, он был правый, но с тем неуловимым налетом, который был присущ принципиально фрондирующему гражданину **первопрестольной**». См.: **Яхонтов Л.Н.** Первый год войны (июль 1914 - июль 1915) // Русское прошлое. СПб., 1996. Кп. 7. С. 340.

⁶⁰⁴ См. подробнее: **Голубцов С.** Указ соч. С. 65-8.5.

Выборы в провинции

Выборы, прошедшие в провинциальных епархиях, носили более политизированный характер, чем в обеих столицах. Вдали от центральных властей возможностей для предвыборных манипуляций было гораздо больше. Сказалось также и то, что церковное движение в провинциальных епархиях приняло более радикальный характер. И до революции жизнь провинциального духовенства была несравнима с жизнью «избалованного» столичного.

Про тяжкое бытие сельского пастыря много писалось еще в XIX в. К 1917 году мало что изменилось; более того, в годы Мировой войны приходское духовенство подошло к крайней черте бедности. Дополнительным стимулом протеста было массовое недовольство епархиальным епископатом, про деспотизм которого ходили целые легенды. Революция была воспринята большинством духовенства в буквальном смысле как Воскресение, как надежда на светлое будущее, которое рисовалось в самых радужных тонах. Все это и вылилось в необычайный радикализм части духовного сословия, проявившийся как на епархиальных съездах, так и при проведении местных церковных выборов.

Первые архиерейские выборы состоялись в Чернигове. Они значительно отличались от последующих. Здесь не было ни выдвижения кандидатов, ни разработки правил избрания, ни тайного голосования. С 1914 года этой епархией управлял не совсем обычный епископ. Ни на какого другого архиерея предреволюционного периода не поступало столько доносов, как на черниговского архиепископа Василия (Богоявленского). Виной тому были широкие коммерческие и промышленные проекты владыки. В епархию одна за другой ездили синодские ревизии, но они не дали особых результатов: Василий прочно сидел на своей кафедре. Его деятельности положила конец Февральская революция.

26 марта владыку арестовал местный Исполнительный комитет и отправил в Петроград, в распоряжение Временного правительства. По словам самого архиепископа, в вину ему было поставлено «общее направление... церковно-общественной деятельности... и участие в выборах в Государственную Думу в ущерб правам народа». В столице Василий вновь был арестован, на этот раз лично обер-прокурором В.Н. Львовым, по ордеру министра юстиции⁶⁰⁵. К арестованному преосвященному приставили военный караул с запрещением пускать к нему кого-либо за исключением обер-прокурора. В Чернигов был

⁶⁰⁵ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 177. Л. 271.

направлен ревизор, известный церковный историк, чиновник Синода С.Г. Рункевич.

В своем интереснейшем рапорте он обрисовал многогранную деятельность архиепископа. По мнению С.Г. Рункевича, черниговская епархия во весь период управления ее Василием «представляла из себя... в буквальном смысле слова — торговое предприятие»⁶⁰⁶. Он заключил, что владыка обладает «выдающимися хозяйственными инициативами, не боится конкуренции и легко давит своих соперников. Здесь все ограничено узкими задачами прибыли...».

В рапорте чувствуется удивление обстановкой в Чернигове. По сути, С.Г. Рункевич попал в теократическое царство. На улицах города бегали разносчики исключительно церковных газет, за прилавками торговых лавок стояли священники в рясах. В центре города возвышался Епархиальный дом, недавно построенный преосвященным, который символически обозначал, кому принадлежит реальная власть в губернии. Это здание, по словам ревизора, «лучшее сооружение в Чернигове. Его художественная роскошь настолько бьет в глаза, что даже как-то делается неловко». Рункевич сравнивает эту постройку с петроградскими «роскошными сооружениями банков, не стесненных средствами»⁶⁰⁷. «Конечно, — рассуждал ревизор, — торговля не есть занятие зазорное. Однако в ней есть нечто не соответствующее церковному чину». Не забывал преосвященный просветительскую и благотворительную деятельность. В епархии открывались приюты, богадельни, школы и даже женский педагогический институт. Для этого в Ляличах Василием был приобретен и отреставрирован дворец екатерининского фаворита Завадовского.

Следует отметить, что к многочисленным доносам на Василия синодский ревизор подошел критически, как и положено историку. Основными обвинениями в адрес архиепископа были симония и nepотизм. По словам С.Г. Рункевича, «на фоне действительности расписываются уже, несомненно, фантастические узоры»⁶⁰⁸. Преосвященный действительно в обустройстве многочисленных коммерческих проектов отдавал предпочтение своим родственникам, а также и другим лицам, облеченным его личным доверием. Так, например, Рункевич познакомился

⁶⁰⁶ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ор. 5. Д. 177. Л. 208.

⁶⁰⁷ Там же. Л. 24.

⁶⁰⁸ Там же. Л. 16. Так, например, некий аноним доносил обер-прокурору что Насилий «не только продавал должности... но даже брал... натурой, ежели у какого священника была жена красива». РГИЛ. Ф. 797. Он. 86. От. 1. Ст. 1. Д. 40. Л. 109. На сплетнях построен рассказ о Василии и в воспоминаниях Шавельского. См.: *Шавельский Г., протопресвитер. Воспоминания...* Т. 2. С. 149-150.

с одним из таких приближенных к Василию лиц — священником Гавриилом. Последний был приставлен к организации торговли в Епархиальном доме и, «обладая выдающимися способностями продавца... возбуждает озлобленных конкурентов. Я сам убедился, — продолжал Рункевич, — что этот батюшка способен даже случайно зашедшему посетителю показать чуть ли не весь свой товар и не выпускать его, пока тот не сделал хоть какой-нибудь покупки»⁶⁰⁹.

Синодский чиновник резонно предположил, что больше всех недовольны архиепископом его торговые конкуренты. А особенностью «психической организации» преосвященного было то, что он никого не слушал, ничего не боялся и «без какой-либо перемены» продолжал заниматься своим делом. Не подтвердился и факт растраты денежных средств; более того, выяснилось, что деятельность владыки приносила епархии большую прибыль. В заключение своего доклада Рункевич сделал историософский вывод о принадлежности Василия к «иосифлянству». По его мнению, спор иосифлян и нестяжателей «продолжается уже пять веков... и что национальный наш рассудок преимущество в служении предоставляет... первым, а сердечные симпатии все-таки принадлежат вторым»⁶¹⁰.

Атаку на архиепископа начала светская власть, но скоро присоединилось и местное духовенство. После оживленной дискуссии на своем собрании священнослужители большинством 53 против 41 вынесли постановление о «нежелательности» дальнейшего пребывания Василия на кафедре⁶¹¹. Сам преосвященный, который в это время давал показания в Петрограде, направил в Чернигов письмо, в котором сожалел о такой реакции духовенства. Он полагал, что его деятельность могла бы дать «основания к более вдумчивой и объективной оценке»⁶¹². Следует отметить достойное поведение Василия на следствии. Этот выдающийся иерарх Православной Церкви не склонял своей головы ни перед какой светской властью⁶¹³.

Временно исполнять обязанности епархиального архиерея стал викарий, епископ Пахомий (Кедров). Можно предположить, что он сильно отличался по характеру от Василия, поскольку быстро нашел общий

⁶⁰⁹ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 177. Л. 31.

⁶¹⁰ Там же. Л. 10.

⁶¹¹ Там же. Л. 70.

⁶¹² Вера и жизнь. Чернигов, 1917. № 3-4. С. 30.

⁶¹³ Летом 1918 года Насилий возглавил комиссию Поместного Собора, по расследованию убийства архиепископа Андропника в Перми. По обратном пути в Москву члены комиссии погибли при невыясненных обстоятельствах. По некоторым данным, они были изрублены пьяными красноармейцами в поезде.

язык с местными клириками, охваченными политическим радикализмом. На экстренном съезде духовенства, проходившем с 30 апреля по 5 мая, был решен вопрос и о епархиальном епископе. Как отмечалось в местной церковной прессе, «народная любовь к епископу Пахомию побудила народных представителей единодушно и единогласно решить этот вопрос утвердительно»⁶¹⁴.

В Синод было послана телеграмма с просьбой утвердить Пахомия епархиальным архиереем. В ответном послании обер-прокурор сообщил, что такие «важные дела» требуют личного ходатайства с официальной бумагой. В ответ на просьбу съезда навсегда избавить епархию от архиепископа Василия В.Н. Львов сообщил об увольнении его на покой⁶¹⁵. Депутация от черниговского духовенства, во главе с председателем съезда М.В. Кибальчицем, направилась в Петроград, откуда вскоре и привезла официальное утверждение Синода. Интересно, что, утверждая результаты выборов, этот документ говорил лишь о «единодушно выраженном мнении»⁶¹⁶. Видимо, больше всех был обрадован такой быстрой развязкой сам епископ Пахомий, явно ее не ожидавший. «Невозможно передать словами, — писал он в обращении к пастве, — ту светлую радость, которая наполнила тогда и наполняет теперь мое смиренное сердце»⁶¹⁷. 28 мая в Чернигове, после торжественного богослужения, было зачитано определение Синода. При этом самому Пахомию, как сообщалось в местной прессе, было передано архиерейское облачение, присланное ему в дар от Временного правительства, «не в пример прочим, как первому избраннику народа»⁶¹⁸.

Нужно отметить сговорчивость Пахомия по отношению к местным церковным радикалам. По нашему мнению, именно она в конечном счете и позволила ему прийти к власти. Так, например, отправляя в Синод постановления съезда духовенства — например, такие, как провозглашение демократической республики, введение женатого епископата, а также назначение комиссии для расследования «вредной и преступной деятельности» своего предшественника, — Пахомий просил их утвердить «для сохранения церковного мира в епархии»⁶¹⁹.

Одной из самых беспокойных епархий в 1917 году была Орловская (см.: гл. 2). В орловской истории как под увеличительным стеклом

⁶¹⁴ Черниговский церковно-общественный вестник. 1917. 4 мая.

⁶¹⁵ Интересно, что избрание Пахомия произошло 3 мая, тогда как Василий был уволен только 5 мая. (РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 117. Л. 343).

⁶¹⁶ Церковные ведомости. 1917. 5 июня.

⁶¹⁷ Черниговский вестник. 1917. 28 мая.

⁶¹⁸ Там же. 1 июня.

⁶¹⁹ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 177. Л. 380.

гипертрофированно отразились те сложные процессы, которые происходили в Церкви после падения монархии. Об увольнении местного епископа Макария я уже писал, однако и после решения Синода ситуация в епархии не успокоилась. После того как епископ был отправлен на покой, комитетчики во главе с Аракиным праздновали победу.

Епископ Павел, основной организатор отпора «самозванному» Комитету, после определения Синода об увольнении Макария и своем переводе в Рязань, тоже, по всей видимости, стал колебаться, хотя и писал, что «политической „водобоязнью“ не страдает, больше всего его возмущает то, что Макария судят не за дела, а только по подозрению в «неискреннем принятии нового строя, а также за те убеждения, которые он, как и мы, все, кажется, исповедовали до падения царской власти»⁶²⁰. Посылая свои письма в Синод, епископ также просил «высшую власть... придти нам на помощь, чтобы спасти церковную свободу. Лишайте места, но не давайте совесть в обиду клеветникам и насильникам, — восклицал Павел, — чтобы в нас, людях, которые не отказываются нести на себе столь тяжкое бремя власти в настоящее время, не погибла окончательно уверенность, что есть в России, несмотря на переживаемые испытания, суд и правда»⁶²¹.

Однако Синод свое решение не изменил, и в Орел был направлен епископ Серафим, назначенный по предложению Львова временно управлять епархией⁶²². В церковных кругах он слыл человеком, как тогда говорили, с «ярко выраженной общественной физиономией». Известность он получил после своего открытого письма к московскому духовенству по поводу празднования Первого мая. Епископ недоумевал, почему священнослужители остались «совершенно безучастными» к этим «общенародным торжествам»⁶²³. Прибывшего в город 3 июня

⁶²⁰ Там же. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 113. Л. 18–18 об.

⁶²¹ Там же. Л. 18 об.

⁶²² Серафим (Остроумов) с 1916 года был Вельским епископом, викарием Холмской епархии. Фактически, после оккупации епархии, находился не у дел и проживал в Москве.

⁶²³ ГЛРФ. Ф. 550 (Арсений Стадницкий). Оп. 1. Д. 108. Л. 1 (Листовка). 1 июня представители Орловской епархии, приехавшие в Москву на Всероссийский съезд духовенства и мирян, беседовали с приглашенным на съезд Серафимом, а также с обер-прокурором Синода. Епископ сообщил, что о ситуации в Орле он не осведомлен и едет туда «не предубежденным. Сам мутить не станет». В.П. Львов же сказал, что «Серафима очень хорошо знает как своего личного друга... одобряет он и постановления съезда». По словам орловской делегации, обер-прокурор особенно «интересовался агитацией, которую подняли сторонники Макария... и секретарем Консистории Пятницким». Орловский вестник. 1917. 7 июня.

Серафима на вокзале встречали губернский комиссар Ровинский и Аракин, который «приветствовал епископа краткой речью»⁶²⁴.

Можно предположить, что новый архиерей быстро понял, кому принадлежит реальная церковная власть, и вскоре пришел в Комитет Объединенного духовенства. Там его встретили торжественно, сам Серафим произнес речь, в которой деятельность Комитета назвал «важной и плодотворной, для обновления церковной жизни и укрепления добытой свободы». Владыка также заявил, что постановления прошедшего съезда «считает обязательными для себя». В свою очередь аракинцы «обрисовали в ярких чертах борьбу Комитета с реакционными силами» в лице епископов Макария и Павла⁶²⁵. В письме В.Н. Львову Серафим сообщал, что застал в Орле еще епископа Макария, который ему и сказал, что просьбу об увольнении он не подавал и будет просить Синод пересмотреть свое решение. Серафим писал, что во время богослужения в соборе Макарий обратился к орловской пастве с прощальным словом, «очень хорошим, но я не могу обойти молчанием одного места. Епископ Макарий заявил, что ему некого прощать, т. к. он не имеет врагов, а через какое-то время стал говорить о пастве (очевидно об о. Аракине), который внес смущение». Далее, по словам Серафима, когда Макарий стал благословлять собравшихся, «поднялось что-то невообразимое... шум, крики слышу — "пусть выйдет из алтаря Серафим". Царские двери были открыты, женщины заходили даже за них в алтарь и что-то выкрикивали»⁶²⁶.

Между тем в Орле становилось все больше недовольных политикой Исполнительного комитета священника Аракина, который, по существу, сумел захватить всю епархиальную власть. В противовес аракинцам было образовано «Общество обновления Церкви на канонических началах». Возглавили его протоиерей Аркадий Оболенский, и священник Николай Беляев. «Общество» распространяло среди орловской паствы свои обращения. В них сообщалось, что многие священнослужители «открыли двери Церкви и беспрепятственно впустили в нее волков в овечьей шкуре, а иногда даже и без нее... они заключили союз

⁶²⁴ Православный церковно-общественный журнал. Орел. 1917. 15 июня.

⁶²⁵ Там же.

⁶²⁶ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 273. Л. 29 об. Информация об этом инциденте появилась и в прессе. Так, в «Орловском вестнике» сообщалось, что после прощальных слов Макария протоиерей Л. Оболенский пожелал ему успеха на новом месте служения. После в храме раздался чей-то голос: "Господи, кто желает, чтобы епископ Макарий остался в Орле". После этих слов в храме поднялся невообразимый шум, крики и возгласы: "желаем, желаем". Многие в знак солидарности подняли руки. Такая картина повторялась с перерывами несколько раз. Серафим... неодобрительно отнесся к происшествию в храме». Орловский вестник. 1917. 6 июня.

с волками-атеистами из политических организаций. Неужели допустим впредь, чтобы они непрощеными хозяевами поехали на Собор»⁶²⁷. Всем было ясно, что под «непрощеными хозяевами и волками» имелся в виду аракинский комитет. Быстро понял это и временно управляющий епархией Серафим, который в своей борьбе за церковную власть в Орле сделал ставку на Исполнительный комитет⁶²⁸. В своем письме обер-прокурору Синода владыка писал, что ему «теперь ясно: это общество создавалось в противовес Исполнительному комитету. Аркадий Оболенский особенно настроен против Исполнительного комитета, постоянно агитирует против него в защиту епископа Макария». Жаловался Серафим и на постоянные оскорбления, которые ему приходится слышать от своих противников. Так, например, вскоре после приезда он стал свидетелем митинга, организованного сторонниками Макария прямо во дворе архиерейского дома. Увидев Серафима, толпа начала возбужденно кричать: — «Это сын Аракина»⁶²⁹.

По словам Серафима, получал он и письма с угрозами: «Вы, аракинец, смотри, как бы мы тебе ноги не переломали... антихрист ты!»! Такое отношение к своей личности епископ объяснял происками «партии Оболенского, которая сильно будирует общество». Серафим приводит рассказ о еще одном митинге, свидетелем которого он был, в Петропавловском братстве, где и обосновались сторонники «Общества обновления». «Вы не можете себе представить, — писал епископ обер-прокурору, — какие неистовые крики там раздавались».

Вскоре после своего приезда Серафим утвердил протоколы майского съезда и разогнал старый состав Консистории, «допустив» в нее новых членов, избранных на прошедшем съезде. Новые члены Консистории,

⁶²⁷ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 273. Л. 231. В качестве примера таких «волков» назывались «"священник" Емельянов, подвергнутый бойкоту всем духовенством за про тивоцерконную и предательскую деятельность па митингах» и товарищ председателя съезда духовенства мирянин «безбожник» Зверьков, по словам Оболенского, открыто на съезде заявивший, что не верит в Гога. Даже декларативные протоколы майского съезда сообщают о конфликте, который произошел па нем во время выступления Зверькова. Так, на попытку ведущего заседания протоиерея Брянцева прервать его монолог Зверьков ответил: «Вы затыкаете мне рот». Депутаты постановили исключить Зверькова на одно заседание. Протоколы Орловского Чрезвычайного съезда... Там же. Л. 44.

⁶²⁸ Первоначально Серафим вполне благожелательно отнесся к «обществу обновления» и даже присутствовал на его первом заседании, где его стали просить присоединиться к прошению об оставлении в Орле Макария. См.: Орловский вестник. 1917. 7 июня. Очевидно, эти требования, а также открытая оппозиция общества по отношению к аракинцам и нас троили епископа занять резкую позицию по отношению к Л. Оболенскому и его единомышленникам. Интересно отметить, что членов данного общества в Орле именовали «обновленцы».

⁶²⁹ И'ИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 273. Л. 29 об.

писал владыка, «очень почтенные люди... дела у нас идут прямо прекрасно, мирно, тихо и спокойно». Свои же отношения с Исполнительным комитетом епископ описывал в идиллических тонах: «Мы работаем дружно»⁶¹⁰. Епископ, однако, не отметил, что и Консисторию, и Исполнительный комитет составляли, по сути, одни и те же лица, во главе которых стоял ставший в Орле уже легендарным Сергей Аракин. Более того, подписывая протоколы майского съезда, Серафим передал все полномочия по исполнению постановлений съезда Исполнительному комитету, последний, кроме этого, начал получать ежемесячные отчисления из сумм свечного завода в размере 700 рублей⁶¹¹. Таким образом, Комитет был не только официально легализован, но и должен был содержаться на епархиальные средства. «Ввиду широких полномочий Комитета, — писал Серафим, — усердно прошу духовенство и мирян... сплотиться около Исполнительного комитета». По мысли епископа, такое сплочение должно произойти на «почве сочувствия освобождению церкви из-под гнета цезарепапизма»⁶¹².

Единственное, чего не мог сделать Серафим сам — сменить секретаря Консистории, который напрямую подчинялся обер-прокурору. Пятницкий еще раньше подал прошение об увольнении по болезни, оставаться в окружении аракинцев у него не было ни сил, ни желания. Серафим усиленно ходатайствовал об ускорении увольнения секретаря и назначении на его место Лебедева. Последний, по словам его ходатаев, «умело приспосабливается к требованиям текущего времени». Обер-прокурор согласился уволить Пятницкого, но кандидатура Лебедева, бывшего до этого столоначальником в Консистории, Львову не понравилась по причине окончания тем семинарии лишь по второму разряду. Лебедеву было разрешено только временно исполнять обязанности секретаря⁶¹³.

Таким образом, «церковная революция» в Орловской епархии полностью победила. Комитетчикам и епископу Серафиму оставалось только разделиться со своими противниками из «Общества обновления».

Так как, в соответствии с определением Синода, правящий епархиальный епископ должен был избираться «свободным голосованием клира и мирян», в Орле начали готовиться к выборам. В условиях предвыборной кампании Серафим пошел на ряд знаковых акций, которые должны были обеспечить ему успех. Во-первых, он решил

устранить с политической сцены своих основных конкурентов. Против руководителей «Общества обновления Церкви» Оболенского и Беляева было назначено следствие по обвинению их в «деятельности, порочащей церковное управление»⁶³⁴. Серафим также постановил автоматически ввести в состав будущего съезда целиком Исполнительный комитет Сергея Аракина, общим числом до 70 человек. По мысли владыки, это и должно было обеспечить ему победу в предстоящих выборах. В своей статье, опубликованной в местном церковном издании, Серафим объяснял свое решение тем, что «сама суть дела требует участия в съезде членов Комитета, так как Комитет на своих плечах вынес дело обновления церковной жизни... и чтобы это обновление было действительным и не остановилось, необходимо дать членам Комитета голос на предстоящем епархиальном съезде»⁶³⁵. Кроме того, аракинский Комитет составил наказ о порядке избрания епископа, где подчеркивалось, что будущий архиерей должен быть непременно «искренним и убежденным сторонником нового строя и обновления церковной жизни на демократических началах»⁶³⁶. Следствие же над руководителями «Общества обновления» лишало их возможности участвовать в предвыборной кампанииTM. Протоиерей Оболенский писал в Синод, что «ход дела не внушает надежды на беспристрастное к нему отношение епархиального судилища. Здесь не преступление или проступок преследуются, ибо таковых нет, а применяется один из приемов партийной борьбы»⁶³⁸. Новому обер-прокурору Синода А.В. Карташеву не понравились такие маневры Серафима, от него потребовали объяснений. Серафим умело оборонялся, занимая позицию

⁶¹⁰ * Основным фактом обвинения руководителей «Общества» было распространение ими уже цитируемого мною «обращения». Всего в фондах архива обнаружено три различные листовки «Общества обновления». Первая — представляет собою машинопись, две последующие типографский оттиск. Оболенский, отвечая на вопрос епархиального следователя, написал, что первое обращение было распространено в количестве около 40 экземпляров. РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 273. Л. 226.

⁶¹¹ Православный церковно-общественный журнал. Орел. 1917. 25 июля.

⁶¹² Там же.

⁶¹³ В одной из листовок «обновленцев» представлен внушительный список членов «Совета общества». Это орловские протоиереи, священники, миряне, преподаватели духовной семинарии и гимназии. (РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 273. Л. 235 об., 236.) Обращает на себя внимание факт полного отсутствия дьяконов и псаломщиков. Видимо, нрав был епископ Павел, когда писал, что «все до одного» дьяконы и псаломщики попали в комитет Аракина. Очевидно, что в «Общество» входили в основном представители орловской церковной интеллигенции. (В данном случае к церковным интеллигентам я отношу людей имеющих соответствующий образовательный ценз: полный курс семинарии, или Духовная академия.)

⁶¹⁴ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 231. Л. 224. Оболенский также писал, что за 25 лет служения Церкви, ни разу не подвергался никаким взысканиям.

⁶¹⁰ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 273. Л. 32.

⁶¹¹ Православный церковно-общественный журнал. Орел. 1917. 15 июля.

⁶¹² Там же.

⁶¹³ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 395. Л. 3 об.

мало уязвимую для 1917 года. Он выставил Оболенского и Беляева как «представителей реакционного направления, как и само общество»⁶³⁹. Из последующих документов неясно, чем окончилось расследование «преступлений» Общества обновления.

Выборы в Орле состоялись 12 августа. Присутствующий на них по поручению Синода архиепископ Михаил (Ермаков) в своем рапорте писал, что выборы игнорировали все приглашенные епископы, даже викарий епархии Амвросий (Смирнов), несмотря на «настойчивые просьбы» основного кандидата Серафима, накануне выборов уехал в Елец «под предлогом участия в крестном ходе». В заключение рапорта Михаил туманно сообщал, что ему «не представилось необходимым заняться рассмотрением тех обстоятельств, о которых уполномочен...»⁶⁴⁰. (Видимо, Михаил был как раз «уполномочен» разобрать конфликт Серафима с Обществом обновления⁶⁴¹.)

Косвенно решение епископов не участвовать в избрании архиерея на Орловскую кафедру объясняет заметка мирянина, присутствовавшего на съезде, помещенная в местной газете. По словам автора, он не может «подобрать соответствующих слов, чтобы передать весь ужас, весь позор... того, что происходило в зале Духовного училища. Это не церковное собрание, заметил стоявший рядом мирянин, это какой-то бесовский шабаш, только роль леших заменяют люди. Искажённые судорогой бешенства лица, свирепый блеск глаз, приподнятые кулаки, топот ног, рев голосов, угрозы и проклятия...»⁶⁴² Отчасти это свидетельство подтверждает и телеграмма, пришедшая в Синод от части делегатов. В ней сообщалось, что съезд «принял беспорядочный бурный характер, мирная работа невозможна. Такие условия создают решения Серафима допустившего на съезд... Исполнительный комитет»⁶⁴³.

Неоднократные попытки примирить противоборствующие силы, предпринятые influentialными в Орле протоиереем Н.В. Брянцевым, ни к чему не привели. Опубликованные журналы съезда, видимо, подверглись цензуре и видимо слабо отражают накаленную атмосферу форума. Однако и в них зафиксирован факт выступления Брянцева, призывавшего к перевыборам властных структур епархии на основе

⁶³⁹ РГИЛ. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 224. Л. 246.

⁶⁴⁰ Там же. Л. 246, 246 об.

⁶⁴¹ В Синод пришло письмо от жителя Орла, подписанное «обыватель», в котором сообщалось, что когда к архиепископу Михаилу пришла делегация «просить его о разборе двух партий, то к ней вышел сам Серафим и сказал, что архиепископ Михаил их принять не может, так как устал». РГИЛ. Ф. 797. Оп. 86. От. 2. Ст. 4. Д. 29. Л. 28-29 об.

⁶⁴² Орловский вестник. 1917. 13 августа.

⁶⁴³ РГИЛ. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 273. Л. 240.

беспартийности, дабы «преодолеть прискорбное разделение духовенства и мирян Орла». Но подавляющее большинство депутатов представляло аракинцев и любое посягательство на новый передел епархиальной власти принимало в штыки. В результате протоиерей Брянцев «подвергся словесному оскорблению» и покинул съезд⁶⁴⁴. Зато призывы голосовать за Серафима встречали активную поддержку. Так, было зачитано известное письмо Серафима по поводу праздника 1 мая. А «депутат-рабочий» Тильков сказал, что епископ «любит простой народ, сочувствует его интересам и разделяет его надежды»⁶⁴⁵.

За Серафима отдали свой голос 308 депутатов, за епископа Иосифа — 34, за Амвросия — 1 и за бывшего епархиального архиерея Макария — 1⁶⁴⁶. Из результатов баллотировки ясно, что политическая интрига Серафиму полностью удалась, и он смог изолировать своих противников, не допустив их до голосования⁶⁴⁷. Несмотря ни на что, Синод выборы утвердил. Возможно, свою роль сыграл в целом положительный доклад синодального наблюдателя архиепископа Михаила⁶⁴⁸. Поражает размах и организованность предвыборной кампании Серафима. Как исполняющий обязанности епархиального архиерея, держа все рычаги церковной власти в своих руках, он смог подавить своих противников и ввести в число выборщиков большое число своих сторонников. Конечно, нет смысла видеть в Серафиме «красного» епископа. Последующая его судьба также не дает к этому никаких оснований. Просто он показал себя умелым и весьма гибким политиком⁶⁴⁹.

Однако и после увольнения Макария не оставили в покое, и если учесть его в растрате церковных средств не удалось, о чем

⁶⁴⁴ Орловский вестник. 1917. 18 августа.

⁶⁴⁵ Журналы Орловского епархиального съезда духовенства и мирян. Орел. 1917 // Православный церковно-общественный журнал. 1917. 20 сентября.

⁶⁴⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 273. Л. 234. Следует отметить, что из всех избранных в 1917 году архиереев, Серафим был самым молодым — 37 лет.

⁶⁴⁷ В прессе писали даже об «административной организации выборов». Орловский вестник. 1917. 6 августа.

⁶⁴⁸ Так, Михаил писал, что «ссоры и несогласия... благодаря умиротворяющему архипастырскому воздействию преосвященного Серафима и его такту ко времени приезда были прекращены, о чем свидетельствует почти единогласное избрание его на кафедру епископа Орловского». (РГИЛ. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 273. Л. 246.) Читая данный отчет, трудно не отметить, что не такт, а тактика позволила Серафиму «почти единогласно» быть избранным на орловскую кафедру.

⁶⁴⁹ Митрополит Вениамин (Федченков), лично знавший Серафима, вспоминал, что, когда белые заняли Орел, Серафим отказался «отслужить публичный благодарственный молебен... вероятно, потому, что не верил в прочность белых. К чести белых, они были недовольны таким поведением архиерея, по не проявили к нему никаких репрессий... Просто он был благоразумным поли гиком». (Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух апох. М., 1994. С. 289-290.)

уже говорилось выше, его начали обвинять в уголовном преступлении — попытке убийства. Ему инкриминировали попытку отравления наместника Новоспасского монастыря. Однако данное дело, начатое видимо до революции, даже у противников Макария в Синоде вызвало недоумение. «Мало что мы уволили епископа Макария, хотим еще как-нибудь обвинить его в какой-то уголовщине», записал в своем дневнике член Синода протопресвитер Любимов. Ему с самим делом ознакомиться не удалось, так как оно было «взято обер-прокурором и передано для возбуждения следствия вновь прокурору палаты»⁶⁴.

А в конце августа на Макария в Синод пришел анонимный донос. Некий «смирный инок» выражал негодование: как можно терпеть такого «афериста и инквизитора монашества», как Макарий, который среди прочих делишек, в бытность управления им Новоспасским монастырем устроил женский хор, «который приходил в монастырь на спевку и не выходили, т. е. председательница Клеопатра у него начивала». (Так! — П.Р.) В заключение аноним уверял: «рассказать все, что творил Макарий, невозможно... это надо год писать его похождения»^{1*11}.

Трудно сказать, зачем церковные власти дали ход этому полуграмотному доносу. По анонимке был сделан запрос в Московскую судебную палату, прокурор которой отвечал, что в первых числах марта 1911 года 66 домовладельцев и обывателей обратились в Синод с жалобой на настоятеля Новоспасского монастыря, который устроил при Никольском храме и зрительный зал с хорами для спевков и показыванием «туманных картин». Жалобщики отмечали непристойное поведение девиц, грубивших монахом. Однако Московская синодальная контора признала, что настоятель делает полезное дело — обучает девиц церковному пению. «Других документов о деятельности... Макария не имеется, и имя Клеопатры не упоминается», — писал в заключении прокурор⁶⁵².

Не молчал и сам Макарий, отправив письмо на имя председателя Поместного Собора митрополита Тихона, в котором писал о своем незаконном увольнении из Орла и «клеветнических наветах со стороны Львова», который в личном разговоре с ним 17 апреля обещал послать в Орел особого чиновника, чтобы разобраться на месте в его деле, но ничего не сделал⁶⁵³.

¹¹⁰ Любимов П., протопресвитер. Днетшк... С. 107.

⁶⁵¹ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 113, Л. 169 об.

⁶⁵² Там же. Л. 168-168 об.

⁶⁵³ Макарий не мог знать, что 20 апреля Львов отправил телеграмму (копия которой сохранилась в другом деле) священнику Аракину: «Как только соберется Синод, сделаю предложение об увольнении Макария». РГИА. Ф. 797. Он. 9(5. Д. 294. Л. 21.

«Вместе с тем, — просил Макарий, — ввиду внесенной деятельностью г. Львова как обер-прокурора весьма опасной разрухи в церковную жизнь Орловской епархии, так и многих других, не найдет ли Собор войти в обсуждение всей деятельности Львова»⁶⁵⁴.

В конце концов Макарию удалось добиться своего, и в ноябре 1917 года Судная комиссия Поместного Собора рассмотрела дело об удалении его с кафедры и признала изгнанным из епархии «совершенно неповинно». Было принято постановление и в отношении инициаторов удаления епископа. Главным виновником изгнания Макария был признан священник Сергей Аракин! Его решено было уволить от должности члена Консистории, а «беззаконно составленный Исполнительный комитет объединенного духовенства буде он существует и действует упразднить»¹⁵. Было заслушано и личное объяснение епископа Серафима о нснешнем положении дел в епархии, где, по его мнению, наступило некоторое умиротворении»⁵⁶.

Удивительно, что членов Судной комиссии не заинтересовал такой, казалось бы, простой вопрос: кто же принимал решение об увольнении Макария, Синод или Сергей Аракин? Более того, указом патриарха Тихона было назначено следствие «О незаконных действиях священника Сергея Аракина, допущенных в отношении преосвященного Макария». Серафим, как мог, пытался защитить Аракина. «Получится скандальное дело, писал он патриарху, которое практических результатов не даст, так как священник Аракин не от себя действовал, а только как представитель Исполнительного комитета. Вычленить же деятельность Аракина от деятельности Комитета вообще нет возможности»¹⁰⁷. По мнению Серафима, «следствие будет на руку всем людям, сводящим с Аракиным личные счёты. Они поднимут вокруг этого большой шум и вызовут возбуждение страстей и партий. Это грозит новой смутой». Не забыл епископ упомянуть и о своих противниках из «общества обновления», многие из которых, по его мнению, «подлежат суду Церкви».

Касаясь личности самого Аракина, Серафим сообщал, что «за все время службы и я, и преосвященный Амвросий... убедились, что это человек толковый, усердный и практичный, и вовсе не противник архиерейской власти». Епископ сообщал также об «особом усердии его в дни настоящих болыпевитских гонений на Церковь. Он дважды командировался в монастыри епархии для защиты церковного достоинства, и

• * РГИА. Ф. 796. Он. 204. Д. 113. Л. 170.

ей ргИА. Ф. 831. Он. 1. Д. 142. Л. 9 об.

^ Там же.

⁶⁵⁷ Т; ИМ же. Л. 3 об.

во время выступления большевиков в Орле 1 февраля не растерялся и первым прибежал ко мне, чтобы оказать поддержку и помощь». Преосвященный писал, что «прямо затрудняется, кого назначить следователем, так как дело слишком личное и все духовенство лично заинтересовано в нем⁶⁸».

Конечно, больше всех был заинтересован в нем сам епископ, поскольку при независимом расследовании могли всплыть факты, неблагоприятные для Серафима, например, совместные с аракииским Комитетом предвыборные манипуляции летом 1917 года. Аргументация орловского епископа не убедила церковные власти, решение о расследовании персональной деятельности Аракина было оставлено в силе. Серафим и далее просил ради «мира церковного» закрыть это дело, а также жаловался на своих противников из «общества обновления» и персонально на протоиерея Аркадия Оболенского⁶⁹.

Если следовать логике многих современных церковных авторов, то епископ или священник, активно принявший Февральскую революцию и проклинаявший «деспотическое самодержавие» в Советской России, непременно должен стать «обновленцем». Однако епископ Серафим не стал «обновленцем», приняв мученическую смерть в период сталинских репрессий.

Если новоизбранный Орловский архиерей Серафим проявил завидное политическое чутье, то этого нельзя сказать о его тезке Екатеринбургском епископе Серафиме (Голубятникове), который, как уже отмечалось, был уволен за произнесение проповеди 2 марта, когда он назвал членов Государственной Думы «кучкой безумных бунтарей».

По делу Серафима началось следствие, и процесс его увольнения несколько затянулся. Между тем в епархии начали думать о выборах нового епископа. Так, протоиерей Уфимцев, размышляя о предстоящих выборах, писал, что не думал никогда дожить до того дня, когда «вопрос о выборах архиерея будет ближайшей и неотложной задачей... какое счастье! Велика должна быть благодарность наша борцам за свободу, горячи должны быть наши молитвы за тех, что "жертвою пали в борьбе роковой"... Их кровью очищены мы от рабства»⁷⁰. Протоиерей цитирует революционный похоронный марш и проводит явную аналогию между Христом и революционерами. Еще недавно

«РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 27А. Л. 4об.

⁶⁸ Подробнее см.: *Рогозный П. Г. «Церковная революция» и Орловской епархии: К изучению социально-политической борьбы внутри Российской Православной Церкви после Февральской революции* // Полам политическая история. Источник. Историк. История. СПб., 2004. Вып. 4. С. 229-230.

⁶⁹ Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1917. 30 апреля.

такое сомнительное сравнение могло восприниматься как кошунство, но после Февраля никого не удивляло. Многие тогда Основателя христианства воспринимали как революционера, а революцию — как Красную Пасху⁷¹.

Вероятно, так считало и большинство делегатов Чрезвычайного съезда духовенства и мирян, прошедшего в Екатеринбурге с 16 по 25 мая. «Журнал» съезда, представляющий собой подробнейшую стенограмму, был направлен в Синод⁷². Данный документ — чрезвычайно интересный и важный источник, позволяющий рассмотреть психологию провинциального духовенства, а также механизм самих выборов, прошедших на этом съезде. Съезд в Екатеринбурге носил радикальный и политизированный характер. Ораторы приветствовали революцию и ругали «позорное дело Романовых, приведшее нас к разрухе». Досталось и всем архиереям, лозунг которых, по мнению одного из выступающих, был — «травить интеллигенцию и евреев*». Решено было также отправить своих представителей на митинг социалистов-революционеров, чтобы рассказать им, что духовенство тоже будет «поддерживать интересы трудящихся»⁷³. Обратился съезд и в Совет рабочих и солдатских депутатов с предложением провести совместный митинг.

Только через несколько дней делегаты вспомнили, что собрались выбирать епископа. К этому времени пришла телеграмма от Львова об увольнении преосвященного Серафима и о том, что Синод предоставляет съезду право выбрать кандидата на освободившееся место.

Основными кандидатами оказались инспектор Пермской семинарии Н. И. Знамировский и ректор Иркутской семинарии архимандрит Софроний (Арефьев). Съезд перешел к обсуждению кандидатов, причем выступавшие ораторы заранее записывались «за» или «против» кого они намерены произнести свою речь. Правда, у некоторых представителей духовенства возникал вопрос — можно ли, «не заручившись предварительным согласием того или иного кандидата, иметь о нем суждения». На что было сказано, что и в древней Церкви избирали епископов, не спросив их согласия. Дольше всего, около 10 часов, обсуждали кандидатуру Н. И. Знамировского. Выступавшие «за» отмечали множество положительных качеств инспектора семинарии: хорошо богословски образован; знает нужды духовенства; несомненно честен. Выступавшие «против» напоминали, что Знамировский встречался с Распутиным, и задавались вопросом: а не был ли он распутиец или

⁷¹ *Колодицкий И. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции*. СПб., 2001. С. 76.

⁷² РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. Г. Д. 225. Л. 27.

⁷³ Там же. Л. 58.

«союзник»? (т. е. член Союза русского народа). «Здесь говорилось, — вещал один оратор, — о том, что Знамировский гладит детей по голове. Но мне говорят: гладит то он гладит, но с какими целями. Не является ли он членом той же распутинской партии?» •"

Вскоре выяснилось, что «степень соприкосновения кандидата с Союзом русского народа весьма сомнительна».

Следующего кандидата, архимандрита Софрония, уставшие депутаты обсуждали уже не так активно. Было лишь отмечено, что у него много родственников, а это может иметь нежелательные последствия при возведении его на кафедру. К моменту голосования на съезд прибыл епископ Серафим (Александров), назначенный Синодом временно управлять Екатеринбургской епархией. В результате голосования Знамировский получил 168 голосов, а архимандрит Софроний — 113. 22 депутата отдали свой голос только что прибывшему епископу Серафиму⁶⁶⁵. Обоих кандидатов известили срочной телеграммой. Однако Знамировский в своем ответе поблагодарил съезд за доверие, но свою кандидатуру снял в пользу Софрония. От архимандрита же Софрония пришла странная телеграмма: «Благодарю всех любовью доверия, не имею недостатков добровольно пойти тяжкий подвиг, но и достоинств мало, чтобы считать себя достойным избрания. Судите еще раз сами по суду поступайте. Половину июня проведу в Китае, куда влечет меня миссионерство»⁶⁶⁶.

Президиум съезда «употребил все силы, чтобы расшифровать эту телеграмму, но не смог представить более или менее точного истолкования». Неясно было, почему Софроний говорит «о каких-то малых своих достоинствах и об отсутствии якобы недостатков и на мольбу паствы придти к ней заявляет, что сперва де он склонности к миссионерству в Китае удовлетворит». Между тем съезд затягивался. Многие депутаты его уже покинули, а вопрос об архиерее так и не был решен. «В то время, — гласит стенограмма, — определилось отношение съезда к Серафиму». Преосвященный принял столь «живое участие» в его работе, что оставшиеся депутаты «единогласно» решили и его поставить в список кандидатов на епархиальное архиерейство. По сути, екатеринбургское духовенство решило передать окончательное решение Синоду, представив в столицу два акта об избрании кандидатов. Высший церковный орган своим определением от 14 июня признал прошедшие в Екатеринбурге выборы несостоявшимися. Основной причиной тако-

⁶⁶⁴ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 225. Л. 72.

⁶⁶⁵ Там же. Л. 80 об.

⁶⁶⁶ Там же. Л. 119 (орфография документа сохранена).

го решения было то, что состав избирателей при втором голосовании был значительно меньше, чем при первом. Таким образом, «не имея сведений о причинах неподачи голосов значительной части избирателей, Святейший Синод, в предупреждение возможных недоразумений и нареканий», постановил назначить новые выборы⁶⁶⁷.

Они состоялись 8 августа. Архимандрит Софроний телеграммой из Китая дал свое согласие баллотироваться. Неопределенный ответ на этот раз поступил уже от Знамировского. Третьим была выдвинута кандидатура временно управляющего епархией, епископа Серафима. Именно он и получил при выборах большинство голосов — 87, а архимандрит Софроний — 78⁶⁶⁸. Однако Синод определением от 25 августа и эти выборы «не нашел возможности признать правильными». По мнению синодалов, ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов, второй же баллотировки, предусмотренной правилами, не было. Екатеринбургцам было дано благословение на проведение новых выборов по утвержденным правилам⁶⁶⁹. Возможно, причиной этого решения послужили жалобы, направленные в Синод по поводу якобы «нахального поведения» Серафима. Он не стал проводить второй баллотировки, в результате чего съезд, по словам доносчиков, превратился во что-то «ужасное» и сопровождался «руганью и криками»⁶⁷⁰. Так или иначе, но епархия начала готовиться к новым выборам.

25 октября (!) 1917 года в Екатеринбурге начал свою работу очередной съезд духовенства и мирян. Во время предварительного обсуждения наметились две «сильные кандидатуры» на пост епископа — все тот же временно управляющий епархией Серафим и вновь архимандрит Софроний. При баллотировке на следующий день первый получил 132 голоса, а второй — 160⁶⁷¹. Софронию тут же «пропели многолетие». По мнению местной церковной газеты, «ввиду строгого соблюдения формальной стороны... кассации выборов не ожидается». Здесь же помещалась биография «будущего епископа», который, как отмечалось, хотя и был «простой, ласковый и всем доступный», но в тоже время имел «твердый характер»⁶⁷².

Между тем в Синод снова стали поступать жалобы по поводу не-правильности выборов. Указывалось на то, что на результат сильно

⁶⁶⁷ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 225. Л. 25 а.

⁶⁶⁸ Там же. Л. 127.

⁶⁶⁹ Там же. Л. 133.

⁶⁷⁰ Там же. Л. 133 об.

⁶⁷¹ Акт (о выборах) // Там же. Д. 494. Л. 4.

⁶⁷² И: шестия Екатеринбургской церкви. 1917. 20 ноября.

повлияли многочисленные родственники архимандрита, которые не только усиленно агитировали, но и участвовали в голосовании. В одном из писем рассказывалось про некоего священника без креста и рясы, с обстриженными волосами, который на съезде усиленно «чернил» епископа Серафима⁶⁷³.

Сам временно управляющий епархией Серафим прислал в Синод официальный рапорт с докладом о прошедших выборах, а также письмо, в котором изложил свою версию событий 25–26 октября в Екатеринбурге. По словам владыки, на предвыборном собрании «рознь среди депутатов едва не дошла до драки, благодаря агитации низших клириков». Многие из собравшихся активно «выступали против епископата и епископской власти», больше всех, не известно за что, досталось приглашенному на выборы епископу Соликамскому Феофану. Серафим проводил мысль, что на результаты голосования сильно повлияло участие родственников Софрония, которых в епархии было более 80 человек. «Епархии, — писал владыка, — требуется епископ с твердой властью, таким может быть только епископ, нареченный высшей церковной властью, а не случайно избранный толпою, которая листками "Церковно-общественного вестника", статьями Титлинова определяет степень пригодности или непригодности того или иного кандидата и ставят им в вину защиту на Соборе патриаршества, власти епископской...»⁶⁷⁴. Серафим призывает епископат к корпоративной солидарности, пугая власти тем, что избранник, не имеющий соответствующего сана, будет выступать не только против патриаршества, но и против епископской власти вообще.

Сам избранный епископом Софроний отсутствовал в Екатеринбурге, но был сильно опечален «хладным дыханием анонимных писем», которые получал. По его словам, он совсем не стремится занять вдовствующую кафедру, так как сейчас это «сплошной тяжкий подвиг». Он также недоумевал, почему, если его кандидатура вызывает столько споров, ее «вовремя не ответили»⁶⁷⁵.

⁶⁷³ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 225. Л. 147–150.

⁶⁷⁴ Там же. Д. 494. Л. 2 об. Слова подчеркнуты в тексте самим Серафимом. Упоминание в письме газеты «Всероссийский церковно-общественный вестник» не случайно. На проходящем тогда Соборе дискуссия вокруг «Вестника» (ее редактор профессор Б.В. Титлинов был активным противником введения патриаршества) принимала чрезвычайно резкий характер, дело даже чуть не дошло до вызова на дуэль. См.: Деяния... Т. 2. С. 119. Два члена Собора даже выступили с инициативой об изгнании с Собора И.М. Бич-Лубеновского и Б.В. Титлинова «за выражения, несовместимые с высоким званием членов Собора». Данное дело рассматривалось на Соборном Совете. См.: РГИА. Ф. 796.0». 445. Д. 774. Л. 3.

⁶⁷⁵ Известия Екатеринбургской церкви. 1917. 15 декабря.

Определение Синода, принятое 20 ноября, гласило: «принимая во внимание сообщение управляющего епархией (епископа Серафима. — П.Р.), что избранник — уроженец екатеринбургской епархии и в числе клириков сей епархии имеет более 80 родственников... ввиду этого назначение архимандрита Софрония представляется неудобным». В результате Синод не признал возможным проведение новых четвертых выборов и административно назначил в епархию другого архиерея Григория (Яцковского)⁶⁷⁶.

Такое, казалось бы, неожиданное решение церковных властей имело основание в предшествующей практике. Еще в XIX в. считалось нежелательным назначение архиерея на свою родину. Часто даже самые достойные лица не могли противостоять натиску многочисленных родственников, жаждущих получить выгодное место⁶⁷⁷. Конечно, сыграло свою роль и письмо епископа Серафима: церковные власти не приняли во внимание, что от владыки, проигравшего выборы, вряд ли можно ожидать беспристрастности.

В Курске местный архиерей Тихон (Василевский) полностью принял новый строй. Он даже говорил, что будущее России видит только «в форме демократической республики». Однако у большинства духовенства он ассоциировался с уничижительным тогда ярлыком — «союзник» (т. е. член Союза русского народа). Увольнение епископа совпало с проходившим в Курске 10–19 мая епархиальным съездом, имевшим очень радикальный характер. Так, например он отправил приветствие Петроградскому совету, «как могучей организации... первых борцов за свободу... положившим конец власти темных сил»⁶⁷⁸.

Во время работы съезда пришла телеграмма из Синода об увольнении архиепископа Тихона и о назначении временно управляющим епархией епископа Никодима. Курское духовенство по каким-то причинам не пожелало видеть на своей кафедре Никодима. Закрытой баллотировкой большинство высказалось за епископа Феофана (Гаврилова)⁶⁷⁹. Синод не стал препятствовать выбору съезда. Феофан был назначен временно управляющим епархией. В прессе даже появилось сообщение о выборе в Курске епархиального архиерея⁶⁸⁰.

Между тем в Курске набирала ход предвыборная агитация. Сторонники бывшего епископа Тихона собирали подписи в его поддержку. Так, в распространенном среди жителей Курска «воззвании»

⁶⁷⁶ Известия Екатеринбургской церкви. 1917. 15 декабря.

⁶⁷⁷ Гимский СИ. Российская церковь... С. 90.

⁶⁷⁸ Курские епархиальные ведомости. 1917. 1–8 июня.

⁶⁷⁹ Там же.

"ВЦОВ. 1917. 19 мая.

говорилось, что архиепископ Тихон ушел на покой «не потому, что больше не хотел трудиться на благо Церкви, а потому, что по новым законам церковной жизни должности клира церковного должны быть выборными. И вот, желая быть выборным, а не назначенным, он и ушел на покой, предоставив духовенству и мирянам полную свободу выбора»⁶⁸¹. Далее сообщалось, что епископ глубоко воспринял «идеалы христианства: свободы, равенства и братства, он, как известно, один из первых откликнулся на совершившийся в России переворот». В заключение воззвание призывало голосовать за Тихона. Подобные обращения присылались и в Синод, который своим определением от 1 августа постановил, что епархиальный съезд духовенства и мирян может выбрать кандидатом на кафедру и бывшего Курского преосвященного Тихона⁶⁸². Собравшемуся в начале августа съезду для выборов представителей на Поместный Собор Синод разрешил избрать и епископа. Кандидатов оказалось двое: бывший архиепископ Курский Тихон и временно управляющий епархией епископ Феофан. 9 августа в соборном храме Знаменского монастыря Чрезвычайный съезд духовенства в количестве 329 человек приступил к избранию епархиального епископа. За временно управляющего епископа Феофана отдали свой голос 229 человек, а за бывшего епархиального владыку Тихона — только 67^м.

В местных «епархиальных ведомостях» был напечатан отчет иеромонаха Арсения о состоявшемся съезде. Важно отметить, что он гораздо содержательней большинства материалов, официально присланных в Синод (для 1917 года характерно обратное). В отчете сообщалось, что перед началом выборов делегатов на Поместный Собор на кафедре появился представитель Исполнительного комитета курского Губернского народного совета, «солдат-гражданин» Колесниченко. После приветствия съезда он потребовал допустить его, вместе с другими депутатами, к участию в работе съезда. «Разве Народный совет не есть такая же христианская семья, что вы лишаете ее голоса», — спросил он. «В ответ — крики не надо, не имеет право»⁶⁸³. После него выступил другой член Совета, священник Ломакин, заявивший, что Совет не может не принять участие в выборах. Однако съезд голосованием высказался против участия в своей работе представителей Совета. На следующий день, при производстве выборов архиерея, представители Совета снова потребовали допустить их на съезд.

⁶⁸¹ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 321. Л. 3.

⁶⁸² Там же. Л. 28.

⁶⁸³ Там же. Л. 30.

^м Курские епархиальные ведомости. 1917. 1-8 сентября.

Перед делегатами выступил член Исполнительного комитета Народного совета Петр Нагорный. Его выступление снова вызвало жаркие дискуссии, однако, по словам иеромонаха Арсения, «съезд на этот раз оказался щедрее», и в результате три представителя Совета вошли в его состав. В статье такое неожиданное решение съезда объяснялось тем, что съезд при его принятии руководствовался правилами Синода об избрании епископов, «допускающих делать некоторые отступления в соответствии с местными условиями». Возможно, инициатива участия в выборах исходила от активного депутата Совета, священника Ломакина. В послании граждан Курска, направленном на «Всероссийский Вселенский Собор» (так! — П.Р.), о нем писали как о наиболее активной «темной силе», выступавшей против избрания бывшего преосвященного Тихона. Сам Ломакин, сообщалось в послании, «был в силе как пострадавший революционер 1905 года, сила его у солдат и рабочего класса»⁶⁸⁴. Участие представителей Совета в выборах зафиксировано и в журнале съезда, присланном в Синод.

Голосование проходило в монастырском соборе, который принял «необычный вид. Передняя часть храма, предназначенная для выборов, перегороджена решеткой, зеленый стол, урны»⁶⁸⁵. Показателем «демократизма» этого съезда можно считать и состав комиссии, предназначенной для подсчета голосов. Так, в нее вошли протоиереи Мусанов, почетный гражданин Булкин, преподаватели семинарии Ф.И. Булгаков и Г.И. Булгаков, а также матрос Малахин, солдат Зюков и крестьянин Болтенков⁶⁸⁶. В Синоде такое трогательное классовое единение не сочли неканоничным, и результаты выборов епископа Феофана были утверждены.

Харьковский архиепископ Антоний (Храповицкий) был одним из самых известных церковных деятелей эпохи. Незаурядный богослов и проповедник, активный монархист, он в то же время резко выступал против синодального строя, требуя восстановления патриаршества⁶⁸⁸. После революции, 11 марта, Антоний подал прошение об увольнении на покой. «Во избежание слухов, что я ухожу страха ради, — писал он в Синод, — я изъявляю готовность управлять епархией еще 28 дней»⁶⁸⁹. Вскоре он написал еще одно прошение, однако высший церковный орган не спешил с увольнением архиепископа. Ситуация в Харькове

⁶⁸⁵ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 321. Л. 36 об.

⁶⁸⁸ Курские епархиальные ведомости. 1917. 1-8 сентября.

⁶⁸⁶ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 321. Л. 31 об.

⁶⁸⁸ Подробнее см.: Э.П.Р. Антоний (Храповицкий) // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 646-652.

⁶⁸⁹ РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 69. Л. 1.

осложнялась постоянным вмешательством в церковные дела новых светских органов власти.

Так, местным общественным комитетом была создана особая должность — «комиссар по духовным делам». Эту должность занял присяжный поверенный Рапп, который начал предпринимать попытки взять в свои руки все церковные дела, вплоть до увольнения и перемещения приходских священников. По словам самого Антония, к нему «вечером 5 марта явился господин и, не приняв благословения, заявил, что он от Исполнительного комитета... и просит меня внушить священникам не противодействовать признанию... Временного правительства. Я выразил сомнения в возможности со стороны священников подобных действий»⁶⁹⁰. На следующий день в покоях архиепископа состоялось собрание городского духовенства. Была направлена приветственная телеграмма правительству и обер-прокурору. Было также постановлено обратиться в Комитет общественной безопасности с ходатайством о включении в его состав двух представителей от духовенства⁶⁹¹.

Через несколько дней «комиссар по духовным делам» снова посетил архиепископа и заявил, что желает сам собрать духовенство для «свободного обмена мыслями». На такое собрание явился и Рапп и, по словам Антония, признал, что «обмен мыслей и подача голосов происходили совершенно свободно». Однако это, видимо, мало удовлетворило комиссара, и он заявил, что желает собрать духовенство без присутствия архиерея, «ибо должен рапортовать о положении дел обер-прокурору, и что он будет заглядывать и в Консисторию, ибо имеет на то полномочия. Говорил он начальническим тоном»⁶⁹².

Антоний писал, что он на это ответил, «что хотя не признает канонически законными такие действия, но не имеет физической возможности ему препятствовать, тем более что уже доживает в Харькове последние недели». Однако местное духовенство, собранное и без владыки, выступило в его поддержку. Было также сказано, что владыка, «никогда ни на кого не производил нравственного давления». Собрание закончилось пением «вечной памяти в смятении павших за освобождения родины»⁶⁹³. Тогда комиссар, который, по словам преосвященного, был активным участником революции 1905 года, сидел в тюрьме, затем лежал «в здешней психиатрической лечебнице... и открыто признает себя

⁶⁹⁰ «РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 69. Л. 1.

⁶⁹¹ Пастырь и паства. Харьков. 1917. № 13-14. С. 359.

⁶⁹² РГИА. Ф. 797. О. 86. От. 3. Ст. 4. В прессе даже появилось сообщение что Лнтоий вызван заседать в Синод. См.: Биржевые ведомости. 1917. 7 апреля.

⁶⁹³ Пастырь и паства. Харьков. 1917. № 13-И. С. 362.

неверующим», начал строить владыке мелкие козни, требуя убрать некоторых «реакционных» священников.

Архиепископ Антоний просил столичные церковные власти избавить епархию от «такого обер-архиерея». «Хлопочу не о себе, — писал он, — мое ближайшее и дальнейшее будущее келья в Святогорской обители»⁶⁹⁴. Обер-прокурор Синода в данном конфликте встал на сторону владыки. В.Н. Львов писал министру внутренних дел, что никакой комиссар им не назначался, и если вмешательство «в церковные дела будет продолжаться, то я не могу взять на себя ответственность за правильное и закономерное течение дел»⁶⁹⁵.

Но, несмотря на заступничество обер-прокурора, ситуация в Харьковской епархии оставалась напряженной. Местный комитет сообщал обер-прокурору, что жалобы Антония «от начала и до конца не соответствуют действительности». По их словам, комитет с первых дней революции стал получать сведения «о недопустимой агитации части духовенства против нового строя. Во главе этой агитации стоял и продолжает стоять архиепископ Антоний». Именно поэтому комитет, считая «необходимым бороться с такого рода агитацией», и избрал «особое лицо... чтобы придать более официальный характер... лицо получило звание комиссара по духовным делам»⁶⁹⁶.

Интересно отметить, что, не найдя союзника в лице обер-прокурора, Харьковский исполнительный комитет направил телеграмму в МВД с просьбой «срочно удовлетворить» прошение об удалении архиепископа на покой «с проживанием в другой епархии». Под данным прошением стояла подпись «за председателя комитета Рапп»⁶⁹⁷.

Сам Антоний 14 апреля выпустил воззвание, где отмечал, что в епархии по поводу его предстоящего ухода идет народное волнение, собираются митинги... ко мне являются различные депутации... скорбят о моем предстоящем удалении». Антоний писал, что он уходит «совершенно добровольно»⁶⁹⁸.

И хотя большинство местного духовенства поддерживали архиепископа, Губернский комитет предъявил Антонию ультиматум: в трехдневный срок покинуть город. Секретарь Консистории доносил в

⁶⁹⁴ РГИА. Ф. 797. Он. 86. От. 3. Ст. 4. Д. 68. Л. 4.

⁶⁹⁵ Там же. Л. 5.

⁶⁹⁶ Там же. Л. 7-8.

⁶⁹⁷ РГИА. Ф. 797. Он. 96. Д. 294. Л. 6.

⁶⁹⁸ Пастырь и паства. Харьков. 1917. № 15-16. С. 375. Автор апологетического описания жизни Антония Пикон (Рклицкий) называет его «изгнание» «вынужденным». См.: Никон (Гклицкий), архиепископ. Антоний (Храповицкий) и его время. Н. Новгород. 2004. Кн. 2. С. 428.

Синод, что преосвященный, «впредь до разрешения его прошения об увольнении 20 апреля, отбыл для жительства в Святогорскую Успенскую пустынь»⁶⁹⁰. Наконец, 1 мая Антоний был официально уволен, с назначением местопребывания в Валаамском Спасо-Преображенском монастыре.

С 13 по 19 мая в Харькове прошел Чрезвычайный съезд духовенства и мирян. Были выработаны правила избрания епископа, однако они удовлетворили далеко не всех. Собранный после съезда предсоборная комиссия признала их неприемлемыми. Также считал и временно управляющий епархией епископ Феодор (Лебедев). Правила предусматривали «чрезмерное» число выборщиков — 3-4 тысячи, а такое количество, по мнению епископа, просто невозможно будет где-либо разместить. Предсоборная комиссия выработала новые правила, которые и были утверждены Феодором. Тут опять последовало вмешательство Харьковского губернского общественного комитета, который «затребовал правила о выборах святейшего»⁷⁰⁰. Эти правила были им признаны неприемлемыми. Далее ситуация начала принимать непредвиденный оборот. Вместо правил Предсоборной комиссии Комитет выработал свои и в ультимативной форме потребовал производить выборы именно по ним. По словам Феодора, Комитет проявил «живой интерес» к выборам и желал принять в них «деятельное участие»⁷⁰¹. Бюро Исполнительного комитета обратилось в Синод, указывая на «опасные обстоятельства» и возможные эксцессы, если правила выборов не будут изменены. Особенно не понравилось Комитету, что большинство в избирательном собрании остается за духовенством⁷⁰².

Однако голосование, состоявшееся 11 августа, прошло по правилам, разработанным предсоборной комиссией. Оно дало следующие результаты: архиепископ Антоний — 412 голосов, архиепископ Платон — 16, епископ Феодор Старобельский — 10, Серафим Тверской — 7, архиепископ Парфений Тульский — 7, епископ Митрофан — 3, епископ Андрей Уфимский — 2, епископ Василий Коневский — 1⁷⁰³.

Это был именно тот результат, которого опасался Губернский комитет. К власти в епархии вернулся архиепископ Антоний — крупный церковный деятель, известный своими монархическими взглядами. Комитет пытался, правда безрезультатно, опротестовать выборы. Можно предположить, что необычная активность светских властей в

ходе подготовки выборов и объяснялась тем, что власти знали о симпатиях местного духовенства и мирян. Обращает на себя внимания также позиция управляющего епархией епископа Феодора, не допустившего вмешательства светских властей в церковные дела. Синод своим определением от 16 августа постановил «избранному свободным голосованием клира и мирян архиепископу Антонию бывшему Харьковскому, пребывающему ныне на покое в Валаамском монастыре, быть архиепископом Харьковским»⁷⁰⁴.

Следует отметить, что, несмотря на репутацию черносотенца, Антоний пользовался большой популярностью в церковной среде. При личной встрече он производил благоприятное впечатление даже на людей противоположных взглядов⁷⁰⁵.

На Поместном Соборе при выборе кандидатов на патриарший престол Антоний получил наибольшее число голосов. А в мае 1918 года, в условиях нарастания национального и церковного сепаратизма на Украине, он смог одержать победу на выборах Киевского митрополита. Об Антонии и при жизни и после смерти писали, используя только черные и белые краски. Между тем это была сложная и противоречивая фигура, однозначную характеристику которому сложно дать⁷⁰⁶.

О ситуации в Саратовской епархии, откуда было уволено сразу два архиерея, писалось выше. После этого временно управляющим епархией был назначен епископ Досифей (Протопопов), бывший одним из викариев⁷⁰⁷ и пользовавшийся большим авторитетом среди духовенства. Отвечая на вопрос корреспондента «епархиальных ведомостей» о возможности своего избрания, Досифей сказал, что «самостоятельную кафедру не искал... однако в настоящее время... давнишнее желание уйти на покой могло быть истолковано как несочувствие новому строю и новому порядку управления»⁷⁰⁸. Синод благословил проведение выборов, которое и состоялось 14 августа. На епархиальном соборе, собравшемся для выборов, присутствовало 277 делегатов, представителей клира и мирян. Наибольшее количество голосов (248)

⁶⁹⁰ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 395. Л. 19.

⁷⁰⁵ См.: Воспоминания Василия Васильевича Зеньковского — политического противника Антония, министра исповеданий в правительстве гетмана П.П. Скоропадского, будущего священника и автора классического труда «История русской философии». Зеньковский В., протопресвитер. Пять месяцев у власти. М., 1995.

⁷⁰⁶ Автор наиболее петровиальных воспоминаний об Антонии (Храповицком) писал, что он весь «противоречие, весь непоследовательность. И несмотря ни на что, прекрасный, неповторимый, яркий». Киприан (Керн), архимандрит. Воспоминания: О митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чурове). М., 2002. С. 25.

⁷⁰⁷ В Саратовской епархии было два викарных епископа.

⁷⁰⁸ Саратовские епархиальные ведомости. 1917. 21 мая.

⁶⁹⁰ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 69. Л. У. Я. 24.

⁷⁰⁰ Там же. Д. 395. Л. 1 об.

⁷⁰¹ Там же. Д. 3.

⁷⁰² Там же. Д. 8.

⁷⁰³ Там же. Л. 17, 17 об.

получил временно управляющий епархией епископ Досифей. Далее, с большим отрывом, следовали: епископ Гермоген — 18 голосов, архимандрит Борис — 4, архиепископ Серафим — 2, мирянин Апилов — 2, епископ Домениан — 1 и епископ Дионисий — 1⁷⁰⁹. Участники собора обратились в Синод с просьбой о возведении епископа Досифея в сан архиепископа. По их мнению, «выдающееся положение Саратовской епархии... где имеются высшие учебные заведения», требует соответственного отличия для местного архиерея. Синод утвердил прошедшие выборы, но последнее ходатайство постановил отклонить⁷¹⁰.

Владимирского архиепископа Алексия (Дородницына) уволили на покой, как уже отмечалось, за поднесение Распутину собственной книги с дарственной надписью — «благословенному старцу Григорию на молитвенную память». Официально Алексей был уволен на покой только 1 августа. В епархии стали готовиться к выборам. Так как Алексия уволили по подозрению в связях с Распутиным, начали звучать пожелания о том, что в «прошлом кандидата не должно быть места для подозрения в каких-либо сношениях с темными силами»⁷¹¹. Временно управляющий епархией епископ Евгений просил Синод дать возможность избрать епископа до открытия Поместного Собора, чтобы новый Владимирский архиерей смог участвовать в его работе⁷¹².

Такое разрешение было дано. Для участия в избрании преосвященного Синод командировал во Владимир Московского архиепископа Тихона. 8 августа начал свою работу Чрезвычайный съезд духовенства и мирян. Основных кандидатов на вдовствующую кафедру была двое: протоиерей Тимофей (Налимов)⁷¹³ и архиепископ Сергей (Страгородский). Оба дали свое согласие баллотироваться. «Весьма сочувственно» было встречено предложение выдвинуть кандидатуру епископа Андрея (Ухтомского). Прибыл во Владимир и бывший епархиальный владыка Алексей. Как писали «епархиальные ведомости», в среде его «поклонников и особенно поклонниц началась агитация в пользу выставления его кандидатуры»⁷¹⁴.

⁷⁰⁹ РГИА. Ф. 798. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 454. Л. 2.

⁷¹⁰ Там же. Л. 5.

⁷¹¹ К выборам епископа для Владимирской епархии // Владимирские епархиальные ведомости. 1917. 8 июля.

⁷¹² РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 310. Л. 1.

⁷¹³ Протоиерей Т. А. Налимов был преподавателем Санкт-Петербургской духовной академии. В 1906 г. был выбран ректором Академии, но не был утвержден Синодом. Впоследствии был священником в одном из госпиталей действующей армии. Служил в Казанском соборе. Являлся духовником Петроградского митрополита Вениамина и историка и философа Г. П. Федотова.

⁷¹⁴ Владимирские епархиальные ведомости. 1917. 26 августа.

Когда на съезде началась полемика по кандидатурам, студент Семенов выступил с пространной речью против архиепископа Сергея. Он напомнил собранию «о прежней», видимо, «реакционной» деятельности владыки. В вину Сергию ставился совместный с Петроградским митрополитом отрицательный отзыв на диссертацию профессора Покровского, в трудах которого почтенные иерархи обнаружили «демократические» тенденции⁷¹⁵.

Зато кандидатура Петроградского протоиерея Тимофея Налимова (брата покойного Владимирского архиерея Николая (Налимова)) была встречена «полным сочувствием»⁷¹⁶.

Предварительное голосование дало такие результаты: протоиерей Тимофей Налимов — 207 голосов, Сергей — 187. За остальных кандидатов голосовало значительно меньше выборщиков. Так, например, всего три записки получил архиепископ Алексей. Однако, на следующий день, во втором туре, Сергей получил уже 307 голосов, а Налимов — 204. «Очевидно, — писали в епархиальных ведомостях, — за ночь настроение части депутатов изменилось». Объясняли это тем, что кандидатура епископа Андрея была во втором туре снята, и «бывшие его кандидаты голосовали за Сергия»⁷¹⁷.

В Вестнике Губернского комитета ситуация, произошедшая во втором туре выборов излагалась несколько иначе. Там отмечалось, что городское духовенство, корпорация духовно-учебных заведений и часть сельского духовенства «вели агитацию в пользу кандидатуры протоиерея Налимова... как представителя белого духовенства. Другая часть сельского духовенства и миряне выражали опасения, что чрез проведение этой кандидатуры можно попасть под влияния и власть "Переборовщины"»⁷¹⁸. (Очевидно, производное от личного имени, непонятно, что имеется в виду в данном случае. — П. Р.)

Видимо, эти два мнения не противоречат друг другу. Вполне возможно, что голосовавшие в первом туре за архиерея и во втором туре сделали то же самое, независимо от кандидатуры. В то же время характерно, что против архиереев, как представителей черного духовенства, выступали, как правило, священники и представители церковной

⁷¹⁵ Такая информативность студента Семенова дает возможность предположить, что он был студентом Духовной академии. А. И. Покровский действительно в 1916 г. указом Синода был лишен докторской степени, присвоенной ему Советом Московской духовной академии, которая была ему восстановлена в 1917 г.

⁷¹⁶ Старый владимирец. 1917. 10 августа.

⁷¹⁷ Там же.

⁷¹⁸ Известия Владимирского губернского Временного исполнительного комитета. 1917. 11 августа.

интеллигенции — преподаватели семинарий и академий. Мирян же пугало то, что епископом может стать представитель белого духовенства или даже мирянин.

Во всяком случае, источники не позволяют сделать какого-либо другого предположения.

Интересно, что в акте об избрании Сергия, подписанном архиепископом Тихоном, о результатах голосования вообще ничего не говорится⁷¹⁹.

Самому Сергию об его избрании сообщили в Москву по телефону. Тихон сразу после выборов уехал в Москву, а на следующий день владимирское духовенство и миряне торжественно встречали нового епархиального владыку Сергия. В местной прессе патетично отмечалось, что Сергей всегда вел себя вполне скромно и «не пытался сместить бедную финляндскую кафедру на более обеспеченную»⁷²⁰.

Уже на следующий день новоизбранный Владимирский архиерей выступил на съезде духовенства с речью, в которой призвал «всех любящих православную веру и церковь сплотиться и приступить к обновлению церковной жизни на началах евангельской любви, которая существовала в первом веке христианства, и таким образом сделать новым то, что нами православными было позабыто». В ответном слове инспектор гимназии Георгиевский, являвшийся очевидно председателем съезда, рассказал о том, чем «руководствовалось данное собрание», выбирая епископа на владимирскую кафедру⁷²¹.

Впоследствии, уже после избрания Сергия, его обвиняли в том, что он сам содействовал увольнению архиепископа Владимирского Алексия с целью занять вакантное место. Однако, какие-либо фактические данные, подтверждающие это обвинение, отсутствуют. В правой прессе, поднявшей свою голову в конце лета 1917 г., владыку именовали «львовцем» и «церковным большевиком»⁷²².

Выборы епископа состоялись и в Туле, хотя эта епархия не относилась к числу беспокойных, или «неблагополучных». Более того, местное духовенство проявляло определенную инертность во взглядах. Так, в «епархиальных ведомостях» появилась статья некоего прапорщика Гастеева, упрекавшего церковных деятелей в пассивности. Как пример, он

приводил рассказ о том, что на празднике Свободы в Туле 1 мая на плакате красовалась надпись — «Ау! Ау! Ау! Попы, где вы?»⁷²¹. Съезд духовенства и мирян прошел в Туле только в мае в спокойной обстановке, хотя там и звучали «укоризненные речи» в адрес Парфения (Левицкого). Сам преосвященный еще 10 мая подал прошение об освобождении его от управления епархией. «Болезни лишили меня возможности проходить службу Церкви Христовой», — писал он в Синод⁷²⁴. Определением от 25 мая Парфений был уволен⁷²⁵.

В Туле, по сообщению местной церковной газеты, эта новость «глубоко опечалила» духовенство. В городе состоялись торжественные проводы преосвященного, ему поднесли «ценную художественной работы» икону и благодарственный адрес⁷²⁶. А 22-23 июля, одновременно с выборами представителей на Поместный Собор, состоялось и избрание нового архиерея. Подавляющим большинством, «почти единогласно», на кафедру был избран викарий епархии епископ Иувеналий (Масловский). Он получил 417 голосов из 482⁷²⁷. Об этом эпизоде сохранилось два архивных документа: дело об увольнении Парфения и дело об избрании Иувеналия. В них крайне сухо излагаются события в Туле. Можно предположить, что добровольный уход Парфения действительно произошел вследствие его болезни. И до своего увольнения, судя по сообщениям «епархиальных ведомостей», он часто пропускал архиерейские богослужения по состоянию здоровья. Избрание же Иувеналия подавляющим большинством голосов, а также отсутствие каких-либо внятно выраженных протестов, позволяют сделать вывод о практически бесконфликтных выборах.

Выборы в Рязанской епархии

Выборы в Рязанской епархии получили наиболее скандальный характер, распутывать последствия которого Синоду пришлось до конца года.

Вскоре после революции рязанский архиерей Димитрий (Сперовский) был в буквальном смысле выдворен из епархии по требованию Исполнительного комитета, поскольку он своими «выступлениями перед паствой сильно волнует население»⁷²⁸. Архиерею был дан

⁷¹⁹РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 310. Л. 6. Следует отметить, что и недавно вышедших очерках по истории владимирской епархии также только констатация факта выбора Сергия. См.: *Голов Л., священник. Крестный путь России. Владимирская епархия в годы крушения Империи и гражданской войны в России. 1917-1920.* М., 2006. С. 59-60.

⁷²⁰Старый владимирец. 1917. 12 августа.

⁷²¹Известия Владимирского губернского Временного исполнительного комитета. 1917. 13 августа.

⁷²²Московские ведомости. 1917. 19 августа.

⁷²³Тульские епархиальные ведомости. 1917. 15-22 мая.

⁷²⁴РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 163. Л. 2.

⁷²⁵Там же. Л. 7.

⁷²⁶Тульские епархиальные ведомости. 1917. 1-15 июля.

⁷²⁷Акт об избрании на Тульскую кафедру // РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 273. Л. 3.

⁷²⁸РГИЛ. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 78. Л. 3.

трехдневный срок, чтобы покинуть город, иначе ему грозил немедленный арест.

Такое отношение владыка заслужил прошлой «реакционной», с точки зрения революционного сознания, деятельностью. После же переворота Дмитрий признал новый строй и на празднике «свободы» 12 марта «горячо призывал к всемерной поддержке Временного правительства»⁷²⁹. На общем собрании духовенства владыка заявил, что Церковь может существовать при любом общественном строе, отметив, что во время «народовластия» в Новгороде был «церковный расцвет». По поводу своего возможного увольнения Дмитрий сказал, что ему это даже «приятно, ибо управлять при настоящих событиях тяжелый крест»TM.

Прибыв в столицу, преосвященный 20 марта написал прошение об отставке. Однако Синод отставку не принял и предоставил Дмитрию двухмесячный отпуск⁷³¹. Обязанности епархиального архиерея временно были возложены на викария епископа Амвросия (Смирнова).

Следует отметить, что на первом экстренном епархиальном съезде духовенства и мирян, открывшемся 22 марта, было заявлено, что «духовенство давно ждало государственного переворота, уверенное, что при этом перевороте падут цепи рабства»⁷³².

Таким образом, рязанское церковное общество недвусмысленно заявило о своем довольно радикальном настрое. На съезде говорилось и о «темной роли» Консистории и о том унижении, которое испытывало там духовенство. Съезд признал также необходимым иметь «выборного епископа»⁷³³. От имени председателя съезда священника Иоанна Чернобаева в Синод было направлено прошение об удалении епископа Дмитрия, как «остатка старого строя»⁷³⁴.

Епископ Амвросий, начав управлять епархией, быстро вступил в конфликт с епархиальным бюро, избранным съездом духовенства, главную роль в котором играли священники Покровский и Чернобаев. Данное бюро, по словам архиерея, «продолжает сеять смуту и анархию и узурпирует власть». Преосвященный просил Синод прислать «доверенное лицо для расследования дела»⁷³⁵.

⁷²⁹ Рязанские епархиальные ведомости. 1917. 1-15 апреля.

⁷³⁰ Рязанская жизнь. 1917. 19 марта.

⁷³¹ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 78. Л. 3-5.

⁷³² Голос свободной церкви. Рязань. 1917. 13 мая.

⁷³³ Журналы экстренного епархиального съезда 22-23 марта 1917 г. // РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 285. Л. 165.

⁷³⁴ Там же. Д. 78. Л. 27.

⁷³⁵ РГИА. Ф. 797. Он. 86. От. 1. Ст. 1. Д. 48. Л. 117.

Между тем обстановка в Рязани после отъезда Дмитрия не только не стабилизировалась, а, наоборот, накалялась. В епархии, по сути, сложилось настоящее двоевластие. Епархиальное бюро действовало параллельно с Консисторией и епископом Амвросием. Принципиальным стал вопрос и о том, кого почитать за богослужением. (Амвросия или Дмитрия). В некоторых приходах, по сообщению прессы, священнослужители даже подвергались насилию со стороны прихожан за неправильное, по их мнению, поминовение.

Поступали в столицу и письма в защиту епископа Дмитрия. Так, в одном из них сообщалось о причинах его изгнании, что это «надумали проклятые жида, слово его было для них нож острый»⁷³⁶. По поводу писем в защиту Дмитрия, Исполнительное бюро съезда сообщало обер-прокурору, что подписи под ними собираются «даже с угрозами», а подписавшие «явно не отдают себе отчета в том, что тем самым они отказываются от дарованного им права свободного выбора себе епископа»⁷³⁷.

Так как Синод не прислал в Рязань ревизора из столицы, Амвросий стал просить перевода в какое-нибудь более спокойное место. 6 мая Синод освободил его от управления епархией и назначил на место Амвросия бывшего московского викария, епископа верейского Модеста (Никитина)⁷³⁸. Последний уже долго докучал обер-прокурору Львову письмами с просьбой направить его «в самые боевые епархии... где необходимо быстро поставить церковную жизнь на новые рельсы»⁷³⁹. Викарием в Рязань назначили епископа Павла (Вильковского), до этого служившего в Орле, где он проиграл схватку за власть с Исполнительным комитетом местного духовенства.

Интересно отметить, что борьба за место епархиального архиерея началась сразу же после того, как епископ Дмитрий покинул Рязань. 14 мая местное церковное издание, сменившее название с «Рязанских епархиальных ведомостей» на «Голос свободной Церкви» — более, как представлялось тогда, подходящее переживаемому моменту, — поместило заметку под названием «Кандидатура во епископы». В ней сообщалось о необычной активности, замеченной в уездном городе Сапожке. Служащие местного духовного училища выдвинули кандидатом на рязанскую кафедру своего смотрителя архимандрита Серафима. Его сторонники отпечатали 1 500 агитационных воззваний, а «сторож

⁷³⁶ РГИА. Ф. 797. Он. 96. Д. 294. Л. 9.

⁷³⁷ Там же. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 78. Л. 43. См. также: Чаров И. Кому нужен епископ Дмитрий? // Рязанская жизнь. 1917. 8 апреля.

⁷³⁸ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 78. Л. 30.

⁷³⁹ Там же. Ф. 797. Он. 86. Д. 46. Л. 74.

обошел с подписными листами, из двора в двор, весь г. Сапожок. Пропаганда прошла очень успешно, подписали все знающие и не знающие Серафима»⁷⁴⁰.

На следующий день в Рязани начал работу новый съезд духовенства и мирян. Перед началом его работы у здания женского епархиального училища собралась «порядочная толпа, в основном женщин, находившихся в состоянии крайнего возбуждения, скандировавших: "оставьте Закон Божий", "дайте пастырям учить", "дайте архиерея"»⁷⁴¹.

Съезд, председателем которого избрали директора Сапожковской гимназии СИ. Веселовского, проходил в накаленной обстановке. Сильно проявилось противостояние духовенства и мирян. Вместе с тем съезд принял важное постановление по поводу властных структур епархии. Высшим органом церковно-епархиального управления был объявлен съезд клира и мирян, которому отдавалась «вся полнота власти в епархии». Епископ, который должен был выбираться на съезде, таким образом, терял полноту епархиальной власти.

Архиерея съезд выбирать не мог, так как Синод затягивал увольнение епископа Дмитрия, однако все чаще звучало имя главного кандидата на этот пост — архимандрита Серафима (Руженцева). Действенным сторонником его был и председатель съезда Веселовский. Вскоре в прессе появились сообщения от делегатов съезда с разъяснениями по поводу выдвижения Серафима на кафедру епископа. Инициатива этого выдвижения приписывалась в них не группе «служащих училища, а лицам совершенно свободным от всяческих влияний о. смотрителя». В статье расписывались положительные качества архимандрита, бывшего до этого приходским священником в Стрельне, при дворе великого князя Дмитрия Константиновича. Этот «неудобный» для 1917 года факт биографии интерпретировался в статье в пользу Серафима: «Род великого князя Константина Николаевича

⁷⁴⁰ Голос свободной церкви. Рязань. 1917. 14 мая. Одна из таких листовок сохранилась в фондах Синода. Датирована она 12 апреля: «Ввиду того, что скоро предстоят выборы архиерея, — сообщалось в ней, — **позвольте ознакомить вас с одним из достойнейших кандидатов**». Далее следует характеристика Серафима как человека «**прогрессивных и независимых взглядов**». В листовке утверждалось, что архимандрит хорошо знает быт и нужды **рядового духовенства** и «является истинным слугой Церкви Христовой и нашего обновленного дорогого отечества». После данной фразы в экземпляре листовки приписка карандашом: «Хорошо обновили!» РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 285. Л. 224.

⁷⁴¹ Голос свободной церкви. Рязань. 1917. 17 мая. Дискуссии о судьбах церковно-приходских школ и о преподавании Закона Божьего **начались фактически** сразу после революции. **Указом правительства от 20 июня** школы были переданы в ведение **Министерства просвещения**. Данный указ **вызывал** наиболее серьезный **конфликт Церкви и Временного правительства**. Очевидно, что реакция рязанских женщин была вызвана слухами о секуляризации начального образования.

всегда был известен своим передовым направлением». Далее следовало перечисление заслуг этого рода — отмена крепостного права, а в «недавнем прошлом и содействие в освобождении России от влияния темных сил»⁷⁴².

Вторым реальным кандидатом мог быть временно управляющий епархией епископ Модест. Поначалу он был доволен своим назначением в Рязань и писал обер-прокурору Львову, что «удовлетворен отношением ко мне Рязанской епархии, где благодаря Вашему доброму сердцу я нашел временную службу... желаю остаться на службе и в Рязани еще буду выбран»⁷⁴³. Однако вскоре епископ, видимо, трезво оценив предвыборную ситуацию, изменил свое решение. «Своей кандидатуры на Рязанскую кафедру я не разрешил ставить, — писал он Львову, — Мне отъезди шею в Москве интриги Восторгова, для Рязани шеи почти не осталось... я предпочел не дразнить гусей и не ставить своей кандидатуры. Бог с ней с Рязанью»⁷⁴⁴.

В конце мая в Рязани прошел и монашеский съезд, на котором были представители всех 28 обителей епархии. Тут никаких кандидатур на епископскую должность не выдвигалось. Делегаты желали скорейшего возвращения Дмитрия, о чем ему и была направлена соответствующая телеграмма⁷⁴⁵.

Между тем 17 июня последовало определение Синода об увольнении епископа Дмитрия. Препятствий для проведения выборов не было, и Синод благословил съезд духовенства и мирян для выборов кандидата в епископы⁷⁴⁶. Епархиальный съезд приступил к обсуждению кандидатур, которых в начале оказалось четыре: смотритель духовного училища протоиерей Лавров, архимандрит Серафим, преподаватель Рязанской духовной семинарии, протоиерей Алфеев, ректор Саратовской семинарии архимандрит Борис. Выдвинут был и только что уволенный епископ Дмитрий, однако вскоре последовало разъяснение председателя съезда Веселовского, «что выдвигать его нельзя, ибо в случае провала можно повредить ему в том, что его могут лишить пенсии»⁷⁴⁷. Викарный епископ Павел также снял свою кандидатуру — «как человек малознакомый Рязанской епархии»⁷⁴⁸.

⁷⁴² Голос свободной церкви. Рязань. 1917. 19 мая.

⁷⁴³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. От. 1. Ст. 1. Д. 46. Л. 74.

⁷⁴⁴ Там же. Л. 77.

⁷⁴⁵ Рязанская жизнь. 1917. 31 мая. Мне больше не известны случаи проведения епархиальных съездов монашествующих.

⁷⁴⁶ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 285. Л. 10 об.

⁷⁴⁷ Там же. Л. 10.

⁷⁴⁸ Там же.

22 июня в Покровской церкви при женском духовном училище прошли выборы епископа. Большинство голосов получил архимандрит Серафим. Соответствующий акт о прошедших выборах был направлен в Синод на утверждение. Удовлетворенный результатом Серафим уже давал интервью местной газете⁷¹⁸. Но не все были довольны таким результатом выборов. Викарный епископ Павел, в лице которого Серафим нашел опасного врага, направил послание в Синод, в котором всячески дискредитировал прошедший съезд. По его словам, никакого предварительного объявления о выборах не было, в результате чего на съезде присутствовало не более 200 выборщиков. Отмечалось и о проявленных съездом «в чисто партийных видах поспешности и явной незаконности». Павел предлагал Синоду «отменить незаконные выборы и назначить новые»⁷⁵⁰.

Оценивая роль временно управляющего епархией епископа Модеста в проведении выборов, Павел писал, что и он «не без греха»: «бедная Церковь наша, если она находится в руках подобных правителей. По-видимому, и добрый даже, но капризный... притом человек до мозга костей своекорыстный, которому нет никакого дела для общей пользы. Для чего ему мало было родиться хохлом, надо было сделаться московским толстосумом, который буквально не знает, куда ему деньги девать»⁷⁵¹. По словам Павла, Модест вначале довольно активно выдвигал свою кандидатуру, но, «когда ему доложил кто-то, что там уже все налажено за другого кандидата, он с великим на весь город скандалом явился на съезд, прочитал свою очень маловразумительную декларацию... и уехал в Москву». Правда, через два дня Модест снова приехал в Рязань и помирился со съездом, «но свою кандидатуру в епископы то ставит, то не ставит».

Синод полностью принял аргументацию епископа Павла: определением от 10 июля итоги состоявшихся выборов были отменены. «Во избежание возможности нарекания в святом деле избрания епископа признается необходимым назначить новые выборы», — указывалось в определении⁷⁵². Для наблюдения за новыми выборами, назначенными на 9 августа, в Рязань был командирован архиепископ тамбовский Кирилл (Смирнов).

Собравшийся в августе епархиальный собор (в документах он иногда именовался просто съездом) был гораздо более представительным. Сторонникам бывшего рязанского архиерея Димитрия удалось на этот

раз выдвинуть своего кандидата. Так, бывший епархиальный миссионер И.П. Строев по пунктам указал три заслуги Димитрия. «Сплотил около себя любителей церковного благочестия... его окружает ореол мученичества, потому что он обесчещен жидомасонами, неверующей интеллигенцией, которую обличал... Он миротворец, потому что ушел с кафедры ради мира...»⁷⁵³.

Были даже предприняты попытки сделать заявление о недопустимости самих выборов, ввиду незаконного изгнания Димитрия. Однако архиепископ Кирилл быстро прервал такие рассуждения, так как он не был уполномочен разбирать этот вопрос, и приехал сюда для производства выборов. По его словам, для возвращения Димитрия на кафедру сейчас «есть один законный способ — это вновь его избрание»⁷⁵⁴.

В первом туре никто из кандидатов не набрал абсолютного большинства. Во время второй баллотировки Серафим получил 237 избирательных и 170 неизбирательных голосов, а Димитрий — соответственно 170 и 215⁷⁵⁵. Окончательное решение оставалось за Синодом. Вечером 17 августа по телефону из Москвы в редакцию местной церковной газеты было передано сообщение о том, что Синод утвердил прошедшие выборы⁷⁵⁶. Однако немногочисленных противников Серафима это не смутило. Основным организатором протеста снова стал епископ Павел, назначенный к этому времени временно управляющим епархией⁷⁵⁷. «Утверждение выборов архимандрита Серафима, — писал он в Синод, — будет неслыханным беззаконием. То, что это были не выборы, а организованный всеми известными здесь лицами захват власти и святительского престола, который принадлежит изгнанному анархией из города епископу Димитрию»⁷⁵⁸.

Пришло в Синод и прошение от части духовенства и мирян — «представителей меньшинства Рязанского съезда», как они себя именovali. По их мнению, выборы вообще не должны были состояться, поскольку бывший епархиальный владыка Димитрий был насильственно удален

⁷⁵³ Голос свободной церкви. Рязань. 1917. 20 августа.

⁷⁵⁴ Там же. 11 августа.

⁷⁵⁵ Акт об избрании епископа // РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 285. Л. 32; Голос свободной церкви. Рязань. 1917. 10 августа. Баллотировка во втором туре происходила двумя бюллетенями «да» и «нет».

⁷⁵⁶ Голос свободной церкви. Рязань. 1917. 18 августа. В связи с открытием и работой Поместного Собора Синод временно переехал в Москву.

⁷⁵⁷ Епископ Модест еще 7 июля направил в Синод прошение освободить его от временного управления епархией и назначить на это место епископа Павла как «человека нового, у которого в епархии нет никаких трений». РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 78. Л. 42.

⁷⁵⁸ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 285. Л. 69.

⁷¹⁸ Голос свободной церкви. Рязань. 1917. 12 июля.

⁷⁵⁰ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 285. Л. 1, 1 об., 2.

⁷⁵¹ Там же. Л. 60 об.

⁷⁵² Там же. Л. 23 об.

с кафедры: «за архимандрита Серафима голосовали сумевшие взять в свои руки власть еще на первом Рязанском съезде». В прошении была предпринята попытка социального анализа состава группы сторонников архимандрита: «Многие из них далеки и во многом чужды церкви, либо из уездных городских дельцов и два-три человека из рязанских иереев, которые демагогически повели за собой малосознательную, но сильную числом группу обывателей деревни и низших клириков, стоявших в епархии за никому не известного новоначального инока Серафима, только потому, что это их партийный кандидат»⁷⁵¹.

В прошении перечислялись и процессуальные нарушения: на предвыборные прения дано было всего полчаса, и именно в это время епископы, вслед за Кириллом, удалились. А руководство собранием «вдруг оказалось в руках директора Сапожковской гимназии Веселовского, который, по словам авторов записки, неоднократно повторял, что он только и находится на съезде, чтобы провести кандидатуру сапожковского смотрителя училища Серафима»⁷⁵². Предвыборные прения было решено ограничить 10 минутами, причем выступления за Дмитрия прерывались шумом, а сам председатель собрания, «не имевший право высказываться в пользу какого-либо кандидата, восхвалял архимандрита Серафима около 20 минут». Представители «меньшинства» описывали предвыборную стратегию самого архимандрита, который выставил свою кандидатуру, когда преосвященный Дмитрий еще не был уволен, при этом его действия сопровождалась «самой беззастенчивой саморекламой». Обвинили Серафима и в том, что в Рязани он поселился в одном общежитии со своими избирателями, по «целым неделям допуская самые неожиданные способы сближения с мирянами и низшими клириками и не стесняясь подолгу расхаживать с ними по коридорам, раскуривая сигары и папиросы»⁷⁶¹. В прошении чувствуется рука епископа Павла, который, судя по тексту, всего лишь «всецело присоединился к заявленному ходатайству». Павел продолжал и от своего имени бомбардировать Синод письмами и телеграммами, и даже предпринял специальную поездку в Москву. Теперь он обвинил Серафима и в денежных расходах «на многочисленные рекламы и объявления». А сам епархиальный собор был, по его мнению, «театром веселых безобразий и беспорядков»⁷⁶².

Ситуация окончательно запуталась, когда неожиданно подал свой голос бывший рязанский епископ Дмитрий, проживавший в Иверском

⁷⁵³ РГИЛ. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 285. Л. 49, 49 об., 50.

⁷⁶⁰ Там же. Л. 53.

⁷⁶¹ Там же. Л. 54.

⁷⁶² Там же. Л. 93 об.

монастыре на Валдае. В своем письме Серафиму он искренне поздравлял того с назначением на кафедру и призывал на него Божье благословение. «До меня дошли, — писал он, — слухи, будто бы некоторые мои нерадивые почитатели готовы выступить в защиту меня с насильственными эксцессами против моего преемника, но я, узнав это, послал им письмо с угрозами анафемы и проклятия от моего имени тем, кто дерзнет оспаривать моего преемника». Дмитрий сообщал, что он очень доволен своей жизнью на Валдае, и ушел он на покой по прошению, а возвращаться в Рязань не стремится, поскольку там, «кроме смерти и пыток, ничего доброго для себя не предвидит»⁷⁶⁰.

Это письмо, содержание которого стало быстро известным в Рязани, могло в корне изменить ситуацию противостояния. Ведь противники Серафима выступали от имени «неповинно изгнанного» епископа Дмитрия, а он теперь грозил им анафемой и проклятиями.

В дело снова вступил Павел, отправив послание Дмитрию с разъяснением ситуации. Тогда и Дмитрий изменил тон. По его словам, первое прошение об увольнении он подал в Синод «не совсем добровольно, а под давлением обстоятельств и бывшего обер-прокурора Львова, который принудил меня написать первое прошение в своем обер-прокурорском кабинете в Синоде. Но по этому прошению Синод меня не уволил, а дал только двухмесячный отпуск. Второе прошение я послал из Иверского монастыря уже добровольно, но все-таки под влиянием известий из Рязани, что меня многие не желают видеть... я всегда считал свою паству немногочисленной горсткой людей... Конечно, в мирное время я бы еще не поспешил уходить на покой, хотя давно об этом мечтал». О себе Дмитрий сообщал, что живет ему очень хорошо и в «интересах личного блага и спокойствия я ни за что бы не хотел расстаться с валдайским раем». Правда, преосвященный сообщал, что если его все же назначат снова епархиальным архиереем, он как монах подчинится высшей церковной власти. По поводу же своего письма Серафиму он писал, что ответил ему «любезным письмом с благословением, я иначе не счел возможным поступить, ибо это было бы невежливо»⁷⁶¹.

Между тем хиротония Серафима в епископы была назначена на 27 августа. В Рязани ждали приезда представительной делегации Поместного Собора, во главе с Московским митрополитом Тихоном⁷⁶³. Но буквально накануне была получена телеграмма с определением

⁷⁶³ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 285. Л. 175-175 об.

⁷⁶⁴ Там же. Л. 210.

⁷⁶⁵ Голос свободной церкви. Рязань. 1917. 22 августа.

Синода о «приостановке определения о рукоположении в сан епископа Серафима». Для расследования прошедших выборов Синод назначил ревизию во главе с епископом Никандром (Феноменовым)⁷⁶⁶. В Рязани начался новый виток борьбы за церковную власть. Его можно уверенно связать с активной деятельностью епископа Павла.

Сам Серафим написал письмо своему главному противнику, в котором сообщал: «Я лишен возможности посетить вас, так как вы стали во главе той группы лиц, которые упорно агитируют против меня. Ваша поездка в Москву имела своими последствиями отсрочку моей хиротонии... Двукратное избрание меня должно хорошо показать... что епархия на моей стороне. Агитацию за Димитрия ведут 5-6 человек, лично заинтересованных... Я думаю, что вследствие незнакомства с Рязанской епархией вы введены в заблуждение недобрыми людьми»⁷⁶⁷. «Вы сами находитесь в величайшем заблуждении и в величайшей прелести, — отвечал в тот же день своему оппоненту епископ Павел. — Я нисколько не сомневаюсь, что в настоящее смутное время вы найдете немало охотников поиздеваться над Святой Церковью и готовых из самолюбия и партийных расчетов стать за какого угодно кандидата». Далее Павел перешел на патетический стиль древнееврейских пророков: «Но недалек час беспристрастного суда, если не Церкви, то суда истории и суда Божия, потому что те катастрофические потрясения, которые мы переживаем и какие скоро ждут нас, имеют и будут иметь историческое значение, и в них сказывается и скажется гнев Божий за все наши беззакония. Тогда вы и все ваши рьяные и дерзкие сторонники, восставшие на Бога, понесут заслуженную кару». В заключение Павел, видимо, решив не дожидаться суда истории, предупреждал Серафима: «Если я узнаю что вы опять... начнете старую агитацию... то я немедленно осуществлю свое право епископа. Довольно терпения»⁷⁶⁸.

Между тем следственная комиссия епископа Никандра начала свою работу, опрашивая свидетелей. Выяснилось, что многие в епархии действительно не желают возвращения епископа Димитрия. Так, например, священник Доброхотов поделился впечатлениями, которые производили на него проповеди бывшего епархиального владыки: «Все его поучения были направлены против евреев, масонов... и против интеллигентского класса, не щадил он даже такого высокого учреждения, как Государственная Дума». Построение поучений Димитрия, по словам священника Доброхотова, действительно было оригинально. В

заключение своей проповеди преосвященный обычно трижды произносил анафему каждой партии, начиная с октябристов и кадетов и заканчивая социал-демократами. «И это было не минутное раздражение, не единственный случай, это была система... на необразованную публику она действовало чарующе», — заканчивал свой рассказ священник⁷⁶⁹.

Среди прочего Никандр писал в своем отчете в Синод: «Не совсем справедливо заявление жалобщиков», будто избиратели от 11 городов Рязанской губернии не знали Серафима. Более того, по мнению епископа, «бесспорно можно сказать, что личное присутствие архимандрита Серафима среди делегатов повернуло выборы в его сторону»⁷⁷⁰. Касаясь процедуры самих выборов, Никандр привел показания некоего Докукина, который говорил, что случайно принял участие в подсчете записок: «Я прочел кучку записок числом до 50-ти, из них в пользу Димитрия наполовину, что меня вполне радовало. Однако такой пропорции не оказалось среди тех записок, которые подсчитывали Веселовский и Добронин. Не успел я выразить свое желание проверить подсчеты и остальных записок, как вдруг слышу, Веселовский говорит, держа записки в руке. Ну а теперь можно их разорвать. Я удивился такой поспешности»⁷⁷¹.

Похоже, что сам Никандр не особенно доверял этим показаниям. По его мнению, «эти показания стоят особняком. Проверить истинность их теперь действительно нельзя». Так, например, другой свидетель, Кораблев, показал, что при разборе записок присутствовало много лиц, расположившихся вокруг длинного стола. Здесь были сторонники всех кандидатов, окруженные большим количеством членов собора. Таким образом, налицо был двойной контроль. Записки были собраны в одно место, и по одной брались участниками подсчета, развортывались и подавались преосвященному Кириллу. Прочитав их вслух, Кирилл отдавал ее тому из участников... который собирал с фамилиями данного кандидата»⁷⁷². Это свидетельство подтверждается и рапортом в Синод самого Кирилла — одного из самых авторитетных иерархов Российской Церкви, который не нашел никаких нарушений в процедуре голосования⁷⁷³.

Среди допрошенных следственной комиссией был и сам архимандрит Серафим. По его словам, никакой агитации против Димитрия он не вел, и в удалении его с кафедры не участвовал. О его отъезде из

⁷⁶⁶ РГИЛ. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 285. Л. 83.

⁷⁶⁷ Там же. Л. 224, 224 об.

⁷⁷⁰ Там же. Л. 225-225 об.

⁷⁶⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 285. Л. 193.

⁷⁷¹ Там же. Л. 189.

⁷⁷² Там же. Л. 190.

⁷⁷³ Там же. Л. 190 об.

⁷⁷⁴ Там же. Л. 79.

Рязани сам Серафим узнал из газет. «Епископом стать я желал не из честолюбия, а из желания в наше тяжелое время всеми силами послужить святой Церкви», — утверждал архимандрит. Касаясь обвинений в предвыборных манипуляциях, он заявил, что «незаконными средствами агитации не пользовался». Более того, «для мира церковного, — говорил Серафим, — я готов отказаться от хиротонии, если пресвященный Димитрий согласится на возвращение в Рязань и если его возвращение не вызовет смуту»⁷⁷¹.

Проведя расследование, епископ Никандр в своем рапорте в Синод пришел к несколько неожиданному выводу: «С точки зрения правил Святейшего Синода... выборы должны быть признаны неправильными и по букве, и по духу правил». В заключение епископ сделал интересное наблюдение: по его мнению, выборы «вызвали в епархии смуту и доселе волнующее ее разделение на две партии... Одни, и преимущественно миряне, главным образом жители Рязани, настойчиво желают возвращения епископа Димитрия, другие, и преимущественно духовенство, главным образом либеральное, не менее настойчиво желают епископом архимандрита Серафима»⁷⁷².

Выводом о неправильности выборов больше прочих был доволен епископ Павел, который тем временем вел активную политическую борьбу в епархии. Так, он даже написал специальную брошюру — «Почему незаконно избрание архимандрита Серафима на Рязанскую кафедру». Свой рассказ о церковной смуте в Рязани Павел начинал с удаления епископа Димитрия, в котором обвинил епархиальное бюро во главе со священниками Покровским и Чернобаевым. Они обвинялись в подкупе Губернского исполнительного комитета, которому преподнесли в дар 10 тысяч рублей на «укрепление свободы». Комитет «не оставил Димитрия в покое» и производил у него обыски, после чего предъявил ультиматум: покинуть Рязань в трехдневный срок. «В течение которого, впрочем, не раз звонили по его телефону — "когда же ты уедешь?"» По словам Павла, епархиальное бюро захватило в свои руки и местную церковную прессу, и Консисторию, проводя на все должности в епархии своих ставленников. «Пусть председатель бюро Покровский скажет нам, — иронизировал епископ, — какими прихотями свободного голосования в члены Консистории оказались избранными не только, прежде всего, он сам, но и его родственник Мелихов»⁷⁷³.

⁷⁷¹ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 285. Л. 254, 254 а.

⁷⁷² Там же. Л. 191, 192 об.

⁷⁷³ Почему незаконно избрание архимандрита Серафима на Рязанскую кафедру Рязань, 1917 // РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 285. Л. 116-118 об.

Обрисовав ситуацию, сложившуюся к моменту выборов, Павел подробно описал манипуляции сторонников Серафима. По его словам, депутатов, проживающих в епархиальном училище, «не только хорошо кормили, но желающих и хорошо поили. Никогда не торговала так епархиальная лавка вином, как в дни съездов». Одним из главных обвинений сторонников архимандрита было использование ими в своих интересах светских органов власти. По словам Павла, они обращались к Городской думе и к местному бюро кадетской партии, и «даже забегали к товарищам»⁷⁷⁴. (Возможно, намек на обращение сторонников Серафима к эсерам или социал-демократам. Слово «товарищ» в консервативной среде часто использовали с негативным оттенком.)

Во всяком случае, возвращения в Рязань епископа Димитрия активно не желала местная революционная общественность. Так, 1 сентября Губернский комитет спасения революции Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов заявил, что «во имя сохранения спокойствия в губернии возвращение в Рязань епископа Димитрия, явно реакционного деятеля, ни под каким видом допущено не должно быть»⁷⁷⁵. Такое заявление было, безусловно, связано с обострением общеполитической борьбы и активным поиском «контрреволюции», вызванной «делом» Корнилова.

22 сентября в местной газете появилось открытое письмо епископу Павлу от членов епархиального бюро «и других служащих лиц по духовно учебным заведениям». В нем содержался протест против вышеупомянутой брошюры Павла. Последняя, по их словам, активно распространяется по епархии, в том числе и самим епископом, который, якобы, сам после богослужений раздает ее прихожанам. Все содержание данного произведения объявлялось клеветническим и не заслуживающим доверия. «Каждая фраза ваша вами легко придумана и поэтому легко опровергается», — отмечалось в письме⁷⁷⁶. Конкретных опровержений в нем, однако, не содержалось, Павла же просто выставляли противником выборного начала.

Епископ был не тем человеком, который мог промолчать. Вскоре последовало его ответное открытое письмо на «открытое» письмо «анонимных авторов». «Я никогда не был, — писал Павел, — другом льстецов и лакеев старого строя, считаю и теперь своим епископским долгом обличать с негодованием лакеев и льстецов демократии... Господа от демократии не прочь иногда поставить нам своих лакеев "за

⁷⁷⁴ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 285. Л. 118 об.

⁷⁷⁵ Там же. Л. 233.

⁷⁷⁶ Рязанская жизнь. 1917. 22 сентября.

место архиереев". С тонким, но злым юмором Павел выставлял своих противников как людей утративших в себе церковное сознание и «безнадежно запутавшихся в идеях "нового права", переварить которое их мозги не в состоянии». Именно поэтому, считал епископ, они и преследовали всех несогласных с их «трафаретом церковной реформы».

Далее епископ останавливается на проведении таких реформ в Рязани: «Секретаря и членов Консистории долой, ректора семинарии немедленно уволить, начальника епархиального училища выгнать, епископа Амвросия убрать в 24 часа. За что же, за какие преступления? А "так", не "соответствуют моменту"». На место их, считал Павел, члены Бюро решили посадить своих родственников и «верноподданных». Не в этом ли, иронизировал преосвященный, и заключается их реформа в Церкви. А далее оставалось только «увенчать здание», т. е. посадить на архиерейский престол вашего собственного... ставленника⁷⁸⁰. Епископ ждал ответа от своих оппонентов, которого в печатном виде не последовало. Стоит признать, что, вступая в полемику с Павлом, члены Бюро явно не рассчитали своих литературных возможностей⁷⁸¹.

Несостоявшийся архиерей Серафим в письме неизвестному высокопоставленному владыке писал, что епископ Павел, пользуясь правами управляющего епархии, «обратил меня в преступника, под угрозой анафемы запрещая мне агитацию, разъясняя, что агитацией сочтет всякое обращение к людям. Епископ Павел, афишируя свое товарищество с Вашим Высокопреосвященством и преосвященным Никандром, грозит меня уничтожить, и устно и печатно называет меня самозванцем, насильником, Иудой... лакеем революции». «За что?» — возмущался Серафим. «Это письмо есть первое мое выступление против него, прежней моей жизни он не может знать»⁷⁸². Далее Серафим рассказывает о своей семнадцатилетней церковной деятельности и что он никогда «не испытывал подобного унижения». По его словам, он не был

⁷⁸⁰ Рязанская жизнь. 1917. 30 сентября.

⁷⁸¹ Только в мае 1918 года вышла антипавловская брошюра протоиерея П. Ллфеева «Откуда идет разруха в Рязанской церкви?», в которой он на 173 страницах разбирает полемические сочинения епископа Павла и даже обвинял его в ссеси. Лучшее всего ее характеризуют названия некоторых глав: «Официальный документ — против епископа Павла», «Болезненное самолюбие си. Павла», «Двуличие си. Павла», «Еретический взгляд ен. Павла на брак», «Новые клеветы еп. Павла на Черпобаева и других членов Епископского совета», «Психика еп. Павла», «Вероломное предательства — душа си. Павла», «Самозобличение еп. Павла», «Клевета на Христа» (Ллфеев П.И. Откуда идет разруха в Рязанской церкви? По поводу доклада в Святейший Синод Рязанского Викария, Епископа Павла. Рязань, 1918. Ч. 1. С. IV-VI (Благодарю за данную информацию Л.О. Никитина (Рязань)).

⁷⁸² РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 285. Л. 126, 126 об. Адресат установить не удалось. Возможно, им был архиепископ Платон (Рождественский).

честолюбцем, и монашество принял не из карьерных соображений, «а по смерти жены». В епархии же на него клеветает кучка людей, которых и «раньше называли темными силами». «Я считаю, что устранение меня от хиротонии равносильно моей смерти церковной и общественной», — заканчивал свое письмо Серафим⁷⁸³.

Тот факт, что Серафима все-таки поддерживало большинство местного духовенства, доказывает резолюция очередного съезда, состоявшегося в октябре⁷⁸⁴. Съезд вновь просил Синод утвердить двукратно избранного архимандрита Серафима*. Иначе считал временно управляющий епархией епископ Павел, который в «войне» против Серафима и его сторонников стремился заручиться поддержкой влиятельных иерархов. «Знаю, что вы сочувствуете... в деле заступничества... епископа Димитрия, — писал он архиепископу Арсению (Стадницкому). Если нужно будет, дайте мне свой добрый отеческий совет, в том, конечно, нелегком деле, какое по делу епископа и из любви к Святой Церкви принял я на себя»⁷⁸⁵.

Неизвестно, дождался ли Павел «отеческого совета», но 24 октября он своей властью, «за тяжкие грехи... предательство церкви Божьей, лжесвидетельство от ее имени против своего архипастыря в угоду народному мятежу и самоуправству безответственных лиц», запретил в служение архимандрита Серафима⁷⁸⁷ и священников Покровского и Чернобаева⁷⁸⁸. Священник Чернобаев писал в Синод, что вечером 25 октября до него довели данное распоряжение Павла и потребовали «весьма срочно» подписку о чтении указа. Сам он называл обвинения в свой адрес несправедливыми и клеветническими, прося церковные власти «расследовать дело, восстановив мои права, а до расследования оградить мою честь и доброе имя от подобных инсинуаций»⁷⁸⁹.

⁷⁸³ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 285. Л. 127-129 об.

⁷⁸⁴ Анекдотично утверждение 11.11. Грюнберга о «незаконном продвижении в епископат выдвинутого Правительством кандидата, в будущем ярого обновленца Серафима (Руженцева)». См.: Грюнберг 11.11.0 положения епископата Русской православной церкви при временном правительстве // Материалы по истории русской иерархии. М., 2002. С. 162. Данное утверждение сделано только на том основании, что в 20-х годах Серафим стал обновленцем. Нужно обладать большим воображением, чтобы представить себе обсуждение кандидатуры сапожковского законоучителя на заседании Временного правительства.

⁷⁸⁵ Голос свободной церкви. Рязань. 1917. 13 октября.

⁷⁸⁶ «ГЛРФ. Ф. 550 (Арсений Стадницкий). Оп. 1. Д. 108. Л. 27, 27 об.

⁷⁸⁷ Впоследствии Серафим Руженцев (1876-1935) все же стал епископом, а после начала обновленческого движения присоединился к обновленцам. Был обновленческим митрополитом в Москве и Ленинграде. В 1934 г. отстранен за «бездеятельность» и отказ от борьбы с «Тихоновцами». См.: Шкаравский М.И. Обновленческое движение в Русской православной церкви. СПб., 1999. С. 98.

⁷⁸⁸ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 285. Л. 315.

⁷⁸⁹ Нам же. Л. 316.

В Синоде такое самоуправство епископа не одобрили, наказанные им лица вскоре были восстановлены в своих правах. Павлу поставили на «вид, что, запрещая трех указанных лиц... он действовал без достаточных на то оснований и что в принятии таких мер епископу надлежит быть особо осторожным»⁷⁹⁰.

Чтобы разрядить ситуацию в Рязани, высшие власти решили «признать не полезным для дела Церкви назначать на кафедру Серафима, а равно и Димитрия, ввиду возникших в Рязанской пастве разделений»⁷⁹¹. А 11 ноября в городе встречали своего нового владыку — административно назначенного Синодом архиепископа Иоанна (Смирнова)⁷⁹².

Представляется, что вся история рязанских выборов носила бы совершенно другой характер, если бы в ней не участвовал епископ Павел (Вильковский).

Опытный политик и в тоже время человек острого церковного чувства и яркого литературного таланта, а также разносторонних интересов (он вступил, например, в печатную полемику с известным писателем и публицистом В.В. Розановым), Павел на протяжении всего 1917 года, вначале в Орле, а затем и в Рязани, вел непримиримую борьбу с «церковной революцией».

Павлу не повезло: в период «смуты» он оказался епископом в двух наиболее беспокойных епархиях. Человек консервативных взглядов, он, по его словам, не мог спокойно наблюдать появление «нового самодержавия организующейся демократии»⁷⁹³. Можно думать, что действия Павла были обусловлены не столько защитой изгнанного Димитрия, сколько протестом против сторонников архимандрита, использовавших в предвыборной кампании такие непривычные для церковной жизни методы, как выпуск листовок и соответствующая агитационная обработка депутатов. Вообще, незаурядная и цельная личность Павла, выделяющаяся даже на фоне колоритных фигур епископата того времени, заслуживает отдельного исследования.

Правда следует отметить, что события в Рязанской епархии все же отличаются от аналогичных процессов в других епархиях. Если в других «беспокойных» епархиях основной костяк оппозиции составляли преимущественно низшие клирики, дьяконы и псаломщики, то в Рязани основными противниками уволенного архиерея выступали наиболее видные городские слои местного духовенства и интеллигенции.

⁷⁹⁰ РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 285. Л. 329.

⁷⁹¹ Там же. Л. 303.

⁷⁹² Рязанская жизнь. 1917. 13 декабря.

⁷⁹³ Павел (Вильковский) принял мученическую кончину в период гонений на Церковь в 1933 году.

Основная причина этого в специфичности деяний епископа Димитрия, который в своей проповеднической деятельности слишком активно конструировал образ врага в виде масонов и интеллигентов. Естественно, что образованной публике это не могло нравиться. Да и сам преосвященный, человек бесхитростный и открытый, возможно, уж слишком пессимистично считал, что его паства в Рязани состоит «из немногочисленной горстки людей». В истории рязанской церковной «смуты» также хорошо просматривается корпоративная солидарность епископата, в конечном счете не позволившая ни одному человеку, не имевшему епископского сана, занять место епархиального архиерея⁷⁹⁴.

Выборы архиереев прошли весной-осенью 1917 года в 11 епархиях: Черниговской (3 мая) Петроградской (21 мая), Московской (24 июня), Тульской (22 июля), Курской (9 августа), Владимирской (9 августа), Рязанской (22 июня, 9 августа), Харьковской (11 августа), Орловской (12 августа), Саратовской (14 августа) и Екатеринбургской (25 мая, 8 августа, 26 октября). В Рязани и Екатеринбурге они не были утверждены Синодом и епархиальные архиереи были назначены туда административно⁷⁹⁵. Следует отметить, что выборы проходили только там, где епархиальный владыка по какой-либо причине оказался уволенным.

⁷⁹⁴ Уже после написания данного раздела, я познакомился с работой М. Дмитриева, посвященной Рязанской епархии в 1917 году. Автор пользовался только материалами местного архива и прессой, видимо, именно поэтому вся острейшая борьба в епархии удивительным образом прошла мимо его внимания, что и привело к курьезным ошибкам и выводам. Так, например, Дмитриев пишет: «неизвестно почему» Синод затягивал утверждения Серафима Руженичева епископом. Мягко говоря, странным выглядит и утверждение, что Серафим все же стал в августе 1917 г. рязанским архиереем. См.: *Dmitriev EM. Riazan Diocese in 1917// Russian Studies in History, Vol. 38. No. 2. Fall 1999. P. 66-82.*

⁷⁹⁵ Также административно, еще 8 марта, в Тобольск, после увольнения Варнавы (Накропина), был назначен Гермоген (Долганов). Следует кратко осветить ситуацию в Рижской епархии. Так, в августе в Юрьеве (епархия была оккупирована) на съезде духовенства и мирян было решено восстановить Ревельское викариатство. Съезд «единогласно» просил назначить туда епископом протоиерея Павла Кульбуша. Однако Синод никаких распоряжений не сделал. Очевидно, главным препятствием являлось то, что протоиерей был женат. Член Поместного Собора от епархии, Александр Казлас писал в Синод: «Мы очень желаем, чтобы от Кульбуша пред хиротонией не требовали бы принятия иноческого сапо... Однако если Синоду угодно твердо настаивать, на бывшей до сих пор практике Русской церкви не согласной с канонами... то мы ... православные эстонцы и сам о. Кульбуш согласны и на это тяжелое условие». (РГИА. Ф. 796. Он. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 518. Л. 17.) Только после того как в декабре 1917 года протоиерей Кульбуш развелся с женой (официальная причина «прелюбодеяние» жены) и был пострижен в монашество, Синод 18 декабря назначил его Ревельским викарием, а 20 января 1918 года и временно управляющим Рижской епархией (Там же. Л. 36-37.) Следует отметить, что духовенство и миряне епархии могли только просить назначить Кульбуша викарием. Право выбора распространялось только на епархиальных архиереев, викарии епархии но-прежнему ишначались административно.

Важным является и отношение современников к выборам. Изучая историю русской революции, следует иметь в виду произошедшую резкую перемену в настроениях значительной части общества. Если в марте подавляющее большинство населения переживало настоящую эйфорию по поводу свершившегося переворота, то по мере углубления революции многие стали слать ей проклятия. И это были не только обывательские настроения: такой же процесс пережила и культурная элита русского общества. Все это в полной мере можно отнести к духовенству и церковным деятелям. Если вначале революция была для многих «Божьей милостью», то впоследствии — «деянием антихриста» или, в лучшем случае, «наказанием за грехи». Такая же перемена произошла в отношении к кумирам революции. Если весной обер-прокурора Львова именовали «светозарным ангелом», то позднее он стал «грубым деспотом и невежественным насильником».

Отношение к выборам также существенно изменилось. Для кого-то вначале это было долгожданное возвращение к христианским первоисточкам, кто-то впоследствии видел в них лишь «"чехарду", когда каждый старается урвать себе кусок пожирней и послаще»⁷⁹⁶. Собственно, против выборного начала в Церкви спорить в то время было сложно. Разработчики синодальных правил о выборах, как отмечалось выше, ссылались на мнение В.В. Болотова. Между тем сам выдающийся историк отнюдь не был сторонником выборов. «В настоящее время, — писал он в конце 19 века, — разглагольствия о выборном начале вошли в моду и находят многих сторонников, но я не из их числа... если выбор существовал, но затем отменен, то это случилось не без уважительных причин. Отношения с тех пор до того искажены, что возрождение выбора у нас в России принесло бы столько пользы, сколько — разведение виноградных лоз вдоль тротуаров в Петербурге»⁷⁹⁷. И если, по мнению Болотова, в древней Церкви выборы велись «образцово», то впоследствии ситуация изменилась на противоположную. Он воссоздал впечатляющую картину истории таких выборов, в ходе которых были подлоги, подкупы, а иногда и «борьба черни с дрекольем в руках заменялась борьбой влиятельных лиц с мешками золота»⁷⁹⁸. Следует отметить, что при избрании низших клириков в России современники констатировали приблизительно та-

кую же картину»⁷⁹⁹. Конечно, при выборах епископата до этого не доходило, но все же образцовыми, особенно в провинции, считать их нельзя.

По мере «углубления» революции церковное движение, особенно среди низших клириков, в некоторых наиболее «неблагополучных» епархиях начинало серьезно беспокоить высшие власти. Так среди духовенства «появились лица, которые приняли на себя обязанности земских комиссаров... разъезжают по приходам и потворствует толпе, сеют семена вражды к землевладельцам и призывают к т. н. отобранию земельных имуществ», — сообщал в Синод орловский епископ⁸⁰⁰. А в одной из епархий появилась «боевая организация псаломщиков», которая под страхом террора требовала от «товарищей» благочинных нового дележа доходов⁸⁰¹.

Радикализм и законотворчество столичного и особенно провинциального духовенства обычно обгоняли инициативы высшей церковной власти. «Жизнь нас опережала, — признал на Поместном Соборе член Синода протопресвитер Н. Любимов, — не успеем сделать распоряжение, получаем вести: там отстранили епископа, тут отцы захватили власть в свои руки. Что было делать Синоду?»⁸⁰². Требования введения выборного начала в среде духовенства стали повсеместными. Это отмечали и другие осведомленные современники⁸⁰³.

И все же высший церковный орган, несмотря на общий паралич власти в России, сохранял роль решающего арбитра во внутрицерковной борьбе. В результате, Церковь не только не развалилась, но и сумела консолидироваться, постепенно изживая крайности революционного времени.

Конечно, выборы проходили в тяжелой обстановке прогрессирующего общенационального кризиса. Сильное давление осуществлялось со стороны общественных организаций (местные Комитеты и Советы). Вмешательство таких организаций во внутрицерковные проблемы происходило, несмотря на соответствующий циркуляр главы Временного правительства и противодействие Синода. «Советы солдатских и рабочих депутатов и другие организации вмешиваются даже в выборы игумений для женских монастырей», — с возмущением говорил член Синода протоиерей Ф. Филоненко⁸⁰⁴.

⁷⁹⁹Так, например, один из очевидцев писал: «Тяжелые, а иногда прямо жуткие сцены разыгрываются при избрании членов причта. Сцены, которые не могут не вызвать чувства сожаления... Шум, крик, ожесточенная перебранка, а иногда и драка — необходимые спутники голосования. Пишешь и думаешь, когда же все это кончится». Курские епархиальные ведомости. 1917. 1 сентября.

⁸⁰⁰РГИА. Ф. 796. Оп. 4. От. 1. Ст. 5. Д. 113. Л. 1.

⁸⁰¹ВЦОВ. 1917. 28 июля.

⁸⁰²Деяния священного Собора Православной Российской Церкви. М., 1994. Т. 2. С. 192.

⁸⁰³Карташев А.В. Временное правительство и Русская Церковь... С. 150-151; Евлошй (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. С. 264.

⁸⁰⁴ВЦОВ. 1917. 25 июня.

⁷⁹⁶Так оценивал проходящие выборы бывший Енисейский и Красноярский епископ Никон (Безсонов) в своем письме в Синод. См.: *Рогозный ИГ. «Вотчина» епископа Никона (Енисейская епархия в 1913-1917 гг.) // История повседневности. Источник. Историк. История.* СПб., 2003. Вып. 3. С. 127.

⁷⁹⁷Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. М., 1994. Т. 3. С. 177.

⁷⁹⁸Там же. С. 186.

Более того, в некоторых губерниях именно власть таких организаций и была единственной реальностью. От них «бегут и комиссары правительства», — писал обер-прокурору пермский епископ Андроник⁸⁰⁵. Апофеозом подобных действий стал случай в Харькове, когда Комитет сам выработал правила избрания епархиального владыки и требовал руководствоваться только ими. Но если в Харькове атаку Комитета удалось отбить, то в Курске представители Совета смогли принять активное участие в выборах. Само Временное правительство и его представители на местах, как показывают документы, во внутрицерковные дела, как правило, не вмешивались. Однако и защитить церковных лиц от произвола различных Комитетов и Советов официальные власти не всегда могли. Вообще же вмешательство в дела Церкви политических и общественных организаций в данный период не имело характера всеобъемлющего диктата, характерного для последующей эпохи. Более значимую роль для выбора того или иного кандидата имели его взаимоотношения с рядовым духовенством. Можно определенно сказать, что «архиерей-вотчинник» или «князь церкви» не имел в 1917 г. никакого шанса возглавить епархию.

Механизм выдвижения претендента на кафедру мог быть различным. Кто-то сам активно выдвигал свою кандидатуру, некоторые же церковные деятели — как, например, мирянин Н.И. Знамировский — узнавали о своем выдвижении только из телеграмм. Следует отметить, что выдвижение на епархиальную кафедру мирян — явление исключительное в истории Русского Православия. Однако характерно, что даже у консервативных историков тогда не возникало сомнения в каноничности данной практики. Вместе с тем в ходе выборов ни один кандидат, не имевший сана епископа, так и не стал епархиальным архиереем. Тут, возможно, сказалось как отсутствие прецедента, так и определенный страх части выборщиков перед возможностью иметь своим архиереем мирянина или представителя белого духовенства^{8TM}. Сыграла свою

⁸⁰⁵ РГИА. Ф. 797. Он. 86. Д. 12. Л. 74 об.

^{8TM} Так, например, в **Москве** после проведения второй баллотировки часть делегатов Собора из **простых крестьян**, по сообщению газеты, «**облегченно** крестилась — хорошо, что барины не **выбрали**». Московский церковный голос. 1917. 5 июля. А **присутствующий** на данных выборах в качестве делегата от прихода академик А.И. Соболевский писал: «Москва выбрала себе митрополита, человека подходящего, не ведших) никакой агитации... **Конкурентом** был А.Д. Самарин, все время находившийся лично, присутствующий и при беседах, и при голосовании, и при подсчете **голосов**. Как **пи** **странно**, он чуть-чуть не был выбран. Сильное впечатление на собравшихся произвел **вопрос** одного делегата-мужичка. Он слушал, слушал доводы за Самарина и вдруг спросил: "Ну выберем Самарина, приеду я к себе; меня **спросят**, кого выбрали? Что скажу: выбрали помещика в пиджаке"». Письма академику! А.И. Соболевского академику **И.С.Пальмову**. 191-1-1920 гг. // Наука и **власть**. **Нестор**. № 4. СПб., 2004. С. 84-85.

роль и некая солидарность епископата, особенно заметная в истории екатеринбургских и рязанских выборов.

Утверждение результатов выборов в 1917 г. носило двухступенчатый характер. Первым свое решение высказывал Синод, затем — Временное правительство⁸⁰⁷, хотя утверждение избранного епископа светской властью имело формальный характер: все решения Синода были подтверждены. Епархиальный владыка вступал в свои права с момента определения Синода. Утверждение решений церковной власти властью светской являлось последним реликтом еще не порванной окончательно связи государства и Церкви.

Не совсем ясны принципы, которым следовал Синод при утверждении выборов. Так, например, официальными причинами непризнания выборов в Рязани и Екатеринбурге стало как отсутствие кворума, так и неполучение ни одним из кандидатов абсолютного большинства. Но в то же время в документах, присланных из Владимира, нет упоминания ни о числе присутствующих на съезде, ни о результатах двух баллотировок, а лишь констатируется окончательная победа архиепископа Сергия. В Чернигове избрание вообще произошло еще до официального увольнения прежнего архиерея.

В изученных материалах хорошо заметно отличие провинциальных церковных выборов от столичных. В провинции сильно политизированное духовенство прибегало к таким официально запрещенным средствам, как дискредитация негодных кандидатов, в ходе которой оно часто стремилось заручиться поддержкой светской власти. Другими словами, по выражению Б.И. Колоницкого, оно использовало «современные методы политической мобилизации»⁸⁰⁸. Если к власти в Петрограде и Москве пришли церковные «идеалисты» Вениамин и Тихон, то в провинциальных епархиях победу на выборах получили опытные политики, не чуждые и социальной демагогии, — такие, как Серафим (Остроумов), Сергей (Страгородский) и архимандрит Серафим (Руженцев) — будущий обновленческий митрополит

Возраст архиереев, пришедших к власти в результате выборов, был относительно молодым и составлял в среднем 45 лет, в то время как средний возраст уволенных был 59 лет⁸⁰⁹.

⁸⁰⁷ **Материалы** утверждения Временным правительством выборов. См.: ГАРФ. Ф. 1779 (Канцелярия **Временного** правительства). Он. 9. Д. 428. Л. 2-10.

⁸⁰⁸ *Колоницкий Б.И.* Указ. соч. С. 63.

⁸⁰⁹ Подсчитано по: Die Russischen Orthodoxen **Bischöfe**. Von 1893 bis 1965. **Bibliographie** von Metropolit Manuil (**Lemesevsčij**). Erlangen, 1979-1987. Teil 1-4. (Самым молодым из избранных архиереев был Орловский епископ Серафим (Остроумов) — 37 лет.)

Трудно предположить, в какие формы вылился бы процесс выборов, сохранись он в Церкви"¹⁰. В рассматриваемый же период выборы стали, по моему мнению, фактором консолидации Церкви и легитимации власти епархиальных архиереев. Избранного владыку уже нельзя было рассматривать ставленником «темных сил». Можно уверенно сказать, что об избрании столичных иерархов, а в ноябре 1917 г. и патриарха, знала вся православная Россия. В результате выборов к власти пришли многие авторитетные деятели, не только определившие весь процесс развития Русского Православия в XX в., но и способствовавшие выживанию Церкви в условиях антирелигиозного государства.

¹⁰ Поместный Собор подтвердил права епархии избирать архиерея, в том числе и из мирян. В то же время в «исключительных случаях» допускалось назначение и перемещение архиереев высшей церковной властью. См.: Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви. 1917-1918 гг. М., 1994. Вып. 1-4. С. 18-19. Выборы проходили и после Октябрьского переворота. Так, например, они состоялись в Финляндии, Полоцке, **Киеве**, Красноярске. Рассмотрение их выходит за временные рамки работы. Следует признать, что это была уже иная эпоха, с совершенно другими общественно-политическими реалиями.

Заключение

Церковная революция резко изменила жизнь Российской Православной Церкви. Ломался столетний уклад церковной жизни. Поиск новых форм внутрицерковных взаимоотношений шел тяжело и болезненно.

После революции в открытой форме резко проявилось традиционное противостояние монашествующего духовенства, с одной стороны, и священников и церковных мирян — с другой. Основная причина противостояния — это борьба за церковную власть. До революции практически вся власть в Церкви сосредоточивалась в руках «черного» духовенства.

Практически неограниченная власть епископата наиболее сильно проявлялась в провинциальных епархиях. В них архиерей нередко чувствовал себя вотчинником, управу на которого часто не находили даже у столичных властей. Естественно, что значительная часть рядового духовенства смотрела на таких владык, как на «деспотов в митре». Наибольший протест вызывали частые перемещения священников с места на место. (Впоследствии на Поместном Соборе такие перемещения были запрещены, как и возможность епископа без суда уволить рядового священнослужителя.)

В епархиальном аппарате фактически не зависел от архиерея только секретарь Консистории, назначаемый и подчиняющийся обер-прокурору Синода. Однако, как правило, архиерей находил с ним общий язык. Из представленного материала по 1917 году видно, что только один раз (Томская епархия) секретарь Консистории открыто примкнул к антиепископской оппозиции. Следует отметить, что авторитет преосвященного в среде подчиненного ему духовенства не являлся важным фактором для властных полномочий преосвященного.

Хотя епископат имел большую власть в епархиях, большинство даже самых консервативно настроенных архиереев являлись противниками

синодального строя. Недовольство высшей иерархии вызывало вмешательство, часто совершенно незаконное, светской власти во внутреннюю жизнь Церкви.

Конечно, не следует путать антисинодальные и другие оппозиционные воззрения с антимонархизмом и революционностью*.

Постоянные перемещения владык с кафедры на кафедру происходили иногда с нарушением даже существующего церковного законодательства. Это недовольство усилилось особенно в последние годы существования самодержавия.

Большинство иерархов желали освобождения от административного контроля государства при сохранении государственной поддержки Церкви. Все сильнее звучали требования созыва Собора и избрание на нем канонически «законной» главы Церкви — патриарха. В противоположность этим требованиям значительная часть церковных деятелей видела в возможности избрания патриарха только усиление традиционной власти епископата.

С ликвидацией монархии властная ситуация сверху донизу поменялась. Епископату волей-неволей приходилось вступать в контакт с новыми органами власти, губернскими комиссарами, а в условиях двоевластия, и с различными общественными комитетами и Советами. Именно с последними, видевшими в архиерее «агента старого режима», и возникали наиболее конфликтные ситуации.

Почти во всех случаях ареста епископов инициатива его исходила как раз от этих организаций. Так, после Февральской революции, арестам были подвергнуты: Питирим (Окнов), Макарий (Невский), Василий (Богоявленский), Тихон (Васильевский), Серафим (Голубятников), Феодор (Позднеевский), Иоаким (Левитский) и Палладий

*Такие обвинения в адрес епископата звучат, например, со страниц книги М.А. Бабкина. Здесь **важны** даже не сами взгляды архиерея, а доводы, **которые** автор приводит в защиту своего взгляда. Так, например, по **его** мнению, некоторые **факты из биографии Тихона** (Беллавица) свидетельствуют «о **его** либеральных, по сути, **антимонархических** воззрениях». Так, например, будучи семинаристом, Беллавин, заведя студенческой библиотекой, «из **укомного** местечка» **выдавал** желающим **запрещенных** Герцена и Ростиславова, а на месте **своего** служения в Ярославле вступил в конфликт с местным губернатором. См.: *Бабкин М.Л. Духовенство Русской Православной Церкви...* С. 366-367. Вообще, чтение Герцена, произведения которого знал любой **среднестатистический** образованный человек в России, как и уж тем более знакомство с произведениями **профессора Духовной академии**, ни в какой мере не являются показателем «либерализма» или «консерватизма» читателя. А **конфликты** со светской властью вообще не **могут** служить определением политической **самидентификации** архиерея. И уж совсем нелепо утверждение Бабкина, что якобы отказ Тихона содействовать **освобождению императора** был мотивирован тем, что «патриарху харизматический конкурент по идеологическому лидерству в лице I [коляя] II был не нужен». Там же. С. 394.

(Добронравов). Только последний архиерей был арестован по инициативе местного духовенства.

Привыкший к безраздельному властвованию, епископат вынужден был волей-неволей делить власть с рядовым духовенством. Повсеместно прошедшие съезды духовенства и мирян в ряде епархий вступили в открытую конфронтацию с местными архиереями. На местах создавались епархиальные советы, комитеты, объединявшие, как правило, наиболее оппозиционную часть духовенства и мирян.

Важнейшим условием для удержания у власти для епископа становилось наличие авторитета у духовенства и наиболее активных прихожан. Важно также отметить, что быстрое признание новой власти в лице Временного правительства, нельзя объяснить трусостью или сервелизмом иерархии.

Архиереев, как, впрочем, и большую часть рядового духовенства, мало интересовал вопрос о государственном строе. Им в первую очередь было важно сохранить структуру Церкви и ее многовековые традиции. Церковь по-прежнему должна была иметь возможность выполнять свои функции, невзирая на государственный строй, будь то самодержавие, республика или «диктатура пролетариата». Вместе с тем, необходимо отметить, что очень многие церковные деятели не шли на компромисс с государством, если вопрос касался самой веры и деятельности Церкви вообще.

В первые месяцы после Февральской революции сильно увеличилось влияние и столичных церковных интеллектуалов. (В основном это была либеральная профессура Духовных академий.) Многие из них активно обличали старое самодержавие епископата. По их мнению, власть епархиальных архиереев должна была быть существенно ограничена за счет более активного привлечения к управлению рядового духовенства и мирян.

Весомым фактором усиления оппозиции служили и обвинения части епископата в «распутинщине». Доказать эти обвинения в большинстве случаев не удалось. Однако эти обвинения были значительным доводом во внутрицерковной борьбе. В 1917 году часто совершенно бездоказательно весь епископат Российской Церкви именовали «распутинским». Именно поэтому на самом представительном церковном форуме в 1917 году (1 268 человек) — Всероссийском съезде духовенства и мирян, прошедшем в Москве 1-10 июня, присутствовали по особому приглашению только пять архиереев.

И все же важно отметить, что, несмотря на все обвинения в распутинщине, лицезерии, карьеризме, деспотизме, кажется, что ни до, ни после епископат Русской Церкви не обладал таким интеллектуальным

и практическим потенциалом, как в 1917 году. Таких епископов, как Антоний (Храповицкий), Андроник (Никольский), Арсений (Стадницкий), Василий (Богоявленский), Вениамин (Казанский), Никон (Безсонов), Кирилл (Смирнов), Павел (Вильковский), Серафим (Остроумов), Сергей (Страгородский), Тихон (Беллавин), можно в полной мере назвать выдающимися церковными и политическими деятелями.

Сильное давление снизу вынуждало Синод и обер-прокурора пойти на ряд принципиальных реформ в управлении и организации Церкви. С узаконением деятельности церковно-епархиальных советов, значительно ограничивших власть епископа, а также с проведением в жизнь выборного начала, менялся столетиями возводимый фундамент «синодального православия». Важным было также решение о привлечении белого духовенства и мирян к разрешению принципиальных вопросов церковного строительства. Им были дарованы возможности не только активного, но и пассивного избирательного права, в том числе и при выборах на самые высшие церковные должности. Несмотря на сильное противодействие ряда церковных деятелей, данное право удалось отстоять и на Поместном Соборе.

Преследование части епископата после Февральской революции часто связывают с личностью обер-прокурора Святейшего Синода В.Н. Львова, однако, как показывают документы, его негативная оценка, как у мемуаристов, так и у церковных историков, кажется преувеличенной^{*12}.

Конечно, Львов, видимо, был не лучше, но и не хуже большинства членов Временного правительства^{*13}. Обладая, безусловно, неуравновешенным характером, он и свои действия обставлял громкими заявлениями в прессе, выступал на митингах и съездах, «с шумом арестовывал и изгонял, задевая тем больное самолюбие епископата» — справедливо отмечал впоследствии А.В. Карташев^{*14}.

Вместе с тем он был склонен преувеличивать свои властные возможности, сам репрезентировал себя в виде церковного диктатора.

^{*} Наиболее серьезной биографией В.Н. Львова на сегодняшний день являются статьи Фруменковой. См.: *Фруменкова Т.Г. Деятельность В. П. Львова на посту обер-прокурора Св. Синода // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века. СПб., 1996. Она же. К биографии В. Н. Львова // Из глубины времен. 1997. № 9.*

^{*12} Знаменитая «чистка» епископата, связываемая с именем В.И. Львова, была несоизмерима, например, с действиями военного министра Временного правительства Л.И. Гучкова, по указанию которого было смещено с занимаемых должностей до 60% высшего офицерского состава. См.: *Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 120.*

^{*13} *Карташев Л.В. Временное правительство и Русская Церковь // Историки-эмигранты. Вопросы русской истории в работах 20-, 40-х годов. М., 2002. С. 147.*

Однако там, где его инициатива наталкивалась на сильное общественное движение духовенства и мирян, он оказывался бессильным. Так было, например, при выборах столичных архиереев. При всем желании Львов не смог бы сместить епископа, пользовавшегося авторитетом в епархии, несмотря на, казалось бы, компрометирующую, с точки зрения революционного сознания, позицию владыки.

Можно сказать, что на негативную характеристику Львова повлияла и его роль в деле Корнилова, а также и «похождения» в Советской России, уже после возвращения из эмиграции. Видимо, в то время и родилась злая легенда о бывшем обер-прокуроре Синода — активном члене «Союза воинствующих безбожников».

Сменивший его А.В. Карташев по радикализму, кажется, превосходил даже В.Н. Львова. Так, 13 марта Карташев от имени Религиозно-философского общества направил записку новому правительству с предложением церковных реформ. В ней предлагалось немедленно отелить Церковь от государства, но до этого правительство должно было «устранить с ответственных постов всех иерархов, составляющих оплот самодержавия». По мнению Карташева, «это требует не только соображения политические, но и уважение к достоинству иерархии, которая лишь по принуждению присоединилась к новому свободному строю». Тут же содержалось предложение: «для раскрепощения народной совести и предотвращения возможности реставрации выпустить соответствующий акт... упраздняющий силу таинства царского миропомазания»^{*15}. Можно представить, к какой смуте привели бы такого рода «реформы». Особенно непонятным представляется практическое выявление всех иерархов, сочувствующих самодержавию.

Но А.В. Карташев отличался мягким характером, в области же практических действий его деятельность мало разнилась с деятельностью В.Н. Львова. Отчасти это сказалось и в мемуарах Карташева, где тот даже упрекал Львова в недостатке «политического радикализма»^{*16}.

В конфликте архиерея с Советом или Исполнительным комитетом обер-прокурор почти неизменно принимал сторону епископата. То же самое можно сказать и о деятельности самого Синода. Как правило, все

^{*15} *ГАРФ. Ф. 1779. Он. 1.Д. 1440.Л. 1-2.*

^{*16} Представляет немалый интерес генезис и эволюция взглядов и политической позиции этого, безусловно, незаурядного деятеля, прошедшего путь от революционного масонства до апологета «Святой Руси». Появившиеся в последнее время многочисленные статьи, посвященные Л.В. Карташеву, на моему мнению, малоудовлетворительны. См. например: *Сахаров А.П. Апостол «Святой Руси» (Антон Владимирович Карташев) // Отечественная история. 1998. № 5; Автоценко А.В. Карташев Антон Владимирович // Историки России: Биографии. М., 2001. См.: Интересные воспоминания. Кассиан (Безобразов), епископ. А.В. *Клмтлпкн // Карташев Л.И. Церковь. История. Россия. М., 1996.**

участники конфликтов апеллировали к нему как к важному и авторитетному арбитру. Члены Синода, вынужденные принимать неотложные решения в обстановке нарастающего хаоса, в целом контролировали ситуацию на местах. (Исключение составляют грузинские епархии.) Решения Синода признавались и высшим, и низшим духовенством.

Следует указать, что роль собственно религиозных споров в церковной среде была невелика или отсутствовала совсем. Основной спор шел **не о вере, а о власти в Церкви**. Поэтому процессы, происходившие в церковном обществе после государственного переворота, невозможно именовать «религиозной революцией». Термин «церковная революция» наиболее адекватен и отражает весь спектр проблем и настроений, переживаемых Церковью. Отчасти это была революция снизу. Духовенство после Февраля проявило завидную способность к самоорганизации. Налицо также и элементы двоевластия, которое сложилось в целом ряде епархий. Там властные полномочия одновременно оспаривали новообразованные организации духовенства, с одной стороны, и Консистория и епископ — с другой.

В этот период начал складываться и миф о якобы антицерковной политике Временного правительства. Истоком его была не только деятельность «революционного» обер-прокурора, но и попытка власти секуляризовать начальное образование. Некоторые наиболее «горячие головы» уже на Соборе именовали правительство «Ордой». Впоследствии, такая характеристика религиозной политики Временного правительства начнет фигурировать и у некоторых эмигрантских авторов, а в настоящее время и у ряда церковных историков⁸¹⁷. Это не соответствует действительности, наоборот, новая власть сделала все, чтобы дать возможность Церкви самоопределиваться. Именно благодаря ей и на казенные деньги был создан Поместный Собор.

Важно отметить и то, что на местах власть Временного правительства было более чем призрачна, вызов ей бросали различные советы и комитеты, которые нередко пытались вмешиваться и во внутрицерковные дела. Если же говорить об институциональных взаимоотношениях, то, конечно, отделение Церкви от государства рано или поздно произошло бы, хотя не имело бы таких печальных последствий, как после известного большевистского декрета «О свободе совести».

⁸¹⁷ Так, например, по мнению автора пространной биографии митрополита Антония (Храповицкого), власть «принялась не выявлять народную волю, а искать для себя опоры, прежде всего, в преступных элементах страны... приняла энергичные меры для внутреннего разложения Русской Православной Церкви». См.: Никои (Иклицкий), архиепископ. Антоний (Храповицкий) и его время. П. Новгород. 2004. Кн. 2. С. 509, 511. Абсурдность такого взгляда даже не требует комментариев.

Как уже отмечалось, на Поместном Соборе одним из виновников хаоса, охватившего епархии Российской Церкви в 1917 году, называлась и газета «Всероссийский церковно-общественный вестник». Якобы именно это центральное церковное издание «сделало что могло, чтобы расшатать влияние Церкви на народ». Все, конечно, было не так, пик революционного энтузиазма, в том числе и у духовенства, пришелся на март 1917 года. Первый же номер обновленного «Вестника» вышел в свет 7 апреля, и уж, конечно, не мог задним числом повлиять на настроение духовенства.

Более того, редактору газеты профессору Б.В. Титлинову и его коллегам удалось создать интересную и самую читаемую церковную газету этого времени, носившую умеренный характер и выступавшую против любых анархических проявлений в церковной жизни. Надо сказать, что отрицательную репутацию «Вестник» и лично Титлинов, получивший в среде иерархов прозвище «Растлинов», заслужили во многом за то, что они выступали против восстановления патриаршества⁸¹⁸.

Используя советскую терминологию, эту газету можно назвать «кадетской». «Вестник» действительно призывал голосовать за партию «народной свободы», как за самую церковную, что в условиях 1917 года было вполне понятно. Кадеты, считавшиеся до революции «левой» партией, после нее стали не только «самой церковной», но и самой «правой» партией, реально осуществлявшей свою деятельность после Февральской революции.

Всего в течение марта-октября 1917 года 15 епархиальных архиереев было уволено. В 11 епархиях состоялись выборы высших иерархов. Это были наиболее «престижные» и «богатые», по тогдашней терминологии, епархии. Возможно, именно поэтому борьба за церковную власть в них принимала столь острый характер.

Церковное движение было связано и с общими революционными процессами. В конфликтных ситуациях архиерей — духовенство революционный язык использовали обе стороны. Такие размытые революционной пропагандой термины, как «контрреволюционер», «черносотенец», «распутинец», «охранник», «буржуй», а с другой стороны — «церковный большевик» и «ленинец», служили весомым

⁸¹⁸ Очевидно, как и немалое число профессуры Духовных академий, Титлинов был искренним противником патриаршества. Являясь церковным либералом в наиболее чистом виде, Титлинов в своих взглядах порой демонстрировал независимость, которая его выделяла на фоне других, казалось бы, консервативных членов Собора. Так, например, он наиболее резко выступил на нем с осуждением убийства царской семьи. Интересно отметить, что в 1930 году, после ареста, чекисты среди прочего ипкреминировали ему и «контрреволюционные речи» на Поместном Соборе.

аргументом в политической борьбе за власть в Церкви. Повсеместным было и обвинение политических противников в связи с «темными силами». Причем данный штамп переводился по-разному и не всегда означал «приворную камарилью» и Распутина.

Важно отметить, что часто одни и те же политические ярлыки одновременно использовали обе противоборствующие силы, часто вкладывая в них диаметрально противоположный смысл. Именно так использовали термины «контрреволюционер» и «большевик».

Церковное прошлое, особенно синодальный период, фактически однозначно воспринималось всеми как время порабощения Церкви бюрократическим государством и самодержавием. Причем с такими заявлениями выступали даже наиболее монархически настроенные епископы, например Антоний (Храповитский), не говоря уже о рядовом духовенстве. Согласно этой концепции государство только и занималось тем, что всячески насилует и угнетало Церковь.

Данный факт можно рассматривать как крайнюю степень виктимизации. Возможно, именно это и повлияло впоследствии на обоснование тезиса о Церкви как «служанке государства»⁸¹⁹. И если под пером церковных авторов Церковь являлась жертвой самодержавия, то в советской историографии она стала уже законной женой деспотичного режима. Следует отметить, что немалую роль в обоснование этого тезиса внесло в 1917 году и высшее духовенство Российской Церкви.

Вместе с тем епископат даже в большей степени, чем рядовое духовенство, проявил способность к консолидации и солидарности. Особенно это ярко проявилось в период выборов высших иерархов.

Ни один из кандидатов, не имевших в 1917 году сана епископа, так и не стал епархиальным архиереем. Выборы в Рязани и Екатеринбурге, где победу одержали не епископы, были признаны недействительными. Сыграло также свою роль и общее изменение политической атмосферы в России. Постепенно значительная часть церковного общества после нескольких месяцев радужных революционных надежд, по мере «углубления революции», начала «праветь».

Революционные процессы негативно затронули не только епископат, но и рядовое духовенство, которое вскоре и на себе почувствовало все прелести общероссийской смуты. Еще до Октября начало развиваться антиклерикальное и антирелигиозное движение, участились

⁸¹⁹ Конечно, вышеупомянутая концепция Р. Пайпса схематична и груба, следует учитывать также массу фактических ошибок автора. Однако, в целом, в той или иной степени ее разделяют большинство современных отечественных историков.

случаи прямого кощунства, грабежа церковного и монастырского достояния, прямого насилия над духовенством⁸²⁰.

Изменение общей церковной атмосферы способствовало стабилизации властной ситуации в епархиях, отчасти даже до открытия Собора. Но и на нем, особенно в первые месяцы работы, чувствовалось противостояние белого духовенства и светских церковных либералов, с одной стороны, и черного духовенства, в основном в лице епископата, с другой стороны.

Кризисная предреволюционная ситуация в «ведомстве православного исповедания», а также ход и направление самой церковной революции в кругах даже верующей интеллигенции порождали безудержный пессимизм относительно будущего бытия Церкви.

«Я стараюсь тем сильнее питать в душе старую "веру", чем острее отчаяние от действительности», — писал в августе 1917 года известный историк С.Ф. Платонов С.Д. Шереметеву. «Одно только изменяется: совсем исчезает доверие к будущему нашей церковности. Что может быть безотраднее впечатлений от безжизненности и фальшивости пресловутого "поместного собора"! Государство, верно, выдержит, а церковь — уже давно "гроб поваленный"»⁸²¹. Ему позднее, вторил другой историк, профессор Ю.В. Готье, считавший, что «нашу церковь и попов, утолстевших и забывших Бога, может вернуть к их обязанностям и вообще поднять церковь только некоторое гонение»⁸²². Такие высказывания родились на фоне критического осмысления церковных событий последних лет, а также, возможно, под впечатлением от политической деятельности части духовенства в ходе революции, которая, конечно, мало соответствовала духовному сану.

Между тем, несмотря на мрачные прогнозы, Церковь не только выстояла, но и сумела консолидироваться, постепенно изживая крайности революционного периода. По сути Церковь стала единственной официальной организацией старой России, которая институционно не развалилась после революции 1917 года.

По мере работы Поместного Собора начинали вырисовываться четкие контуры будущей организации церковной жизни. Можно сказать,

⁸²⁰ Так, например, солдаты Гвардейского стрелкового кавалерийского корпуса, расквартированные в Ново-Почаеве в начале октября 1917 года, устроили погром не только местных продовольственных лавок, но и самой лавры. По сообщению начальника штаба Сибирской) корпуса, «солдаты переоделись в священнические ризы и начали кощунственное служение, но были остановлены более благоразумными и, видимо, верующими товарищами». ЦГИА Украины. Ф. 315. Он. 2. Д. 736. Л. 9.

⁸²¹ Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. М., 2003. Т. 1. С. 230.

⁸²² Готье. Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 109.

что ни сторонники «самодержавия» епископата, ни их противники из среды церковных либералов не одержали на Соборе победу. Возобладала средняя линия, выдающимся олицетворением которой и стал избранный патриархом Московский митрополит Тихон.

Важно отметить, что на итоги деятельности Поместного Собора, безусловно, центрального события в жизни Русской Православной Церкви в XX веке, определяющее влияние оказали ход и направление самой церковной революции.

Приход к власти большевиков первоначально многие церковные деятели восприняли вполне равнодушно. «Да и по правде сказать, не все ли равно — Ленин или Керенский? Первый открыто объявляет себя врагом всего доброго, а второй такой же авантюрист, но под внешней формой государственного деятеля», — писал епископ Алексей (Симанский) митрополиту Арсению (Стадницкому)⁸²³. А некоторые даже наивно полагали, что с большевиками будет легче договориться, чем с «печальной памятью Временным правительством»⁸²⁴.

Хуже, казалось, не будет, однако очень скоро большевики показали, что церемониться, как Временное правительство, они с Церковью не станут. Хотя, конечно, первое время расправиться с ней у «ленинцев» не было ни сил, ни возможности. Только через несколько лет власти искусственно организуют новую «церковную революцию», вошедшую в историю под не совсем точным термином — «обновленческий раскол». И значительную помощь им в этом окажут новые «церковные большевики», которые в отличие от тех, которых осудил Поместный Собор в марте-апреле 1918 года, будут гораздо ближе соответствовать этому термину и по форме и по содержанию.

Но пройдет немного времени и реальность опровергнет как оптимистичные мечты членов Собора о церковно-государственной «симфонии», так и наивные прогнозы большевистских идеологов об окончательном решении религиозного вопроса в России.

⁸²³ Епископ Алексей — митрополиту Арсению 28 октября 1917 г. // Письма патриарха Алексея своему духовнику М., 2000. С. 81.

⁸²⁴ Так, например, считал известный церковный деятель профессор Н.Д. Кузнецов, участвовавший в переговорах от имени Собора и с Временным правительством, и с большевиками. Впоследствии в тюрьмах и ссылках уже в Советской России у него была возможность на собственном опыте почувствовать разницу между Керенским и Лениным.

Источники и литература

Архивные материалы

Российский Государственный исторический архив (РГИА)

Фонд 796 — Канцелярия Святейшего Синода

Фонд 797 — Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода

Фонд 831 — Канцелярия патриарха Тихона

Фонд 833 — Поместный Собор

Государственный исторический архив Российской Федерации (ГАРФ)

Фонд 1778 — Канцелярия министра-председателя Временного правительства

Фонд 1779 — Канцелярия Временного правительства

Фонд 550 — Митрополит Арсений (Стадницкий)

Государственный архив Тверской области (ГАТО)

Фонд 160 — Тверская духовная консистория

Центральный Государственный исторический архив Украины, г. Киев

Фонд 127 — Киевская духовная консистория

Фонд 711 — Киевская духовная академия

Пресса

Биржи вые ведомости. Пг.

Борьба: Орган Екатеринославской организации РСДРП

Всероссийский церковно-общественный вестник. Пг.

Владикавказские епархиальные ведомости

Вестник церковного единения. Воронеж

Вестник Временного правительства. Пг.

Вестник Красноярского общественного комитета

Вестник Красноярского городского общественного управления. 1917

Вестник Тверского исполнительного комитета

Вера и жизнь. Харьков

Голос свободной церкви. Рязань

Екатеринбургские епархиальные ведомости

Екатеринославские епархиальные ведомости

Енисейская мысль. Красноярск

Енисейские епархиальные ведомости
Енисейская церковная нива
Московские ведомости
Московский церковный голос
Московские церковные ведомости
Новгородские епархиальные ведомости
Свободная церковь. Пг.
Свободная Сибирь. Красноярск-
Саратовские епархиальные ведомости
Старый владимирец
Наше слово. Красноярск
Русское слово. М.
Рязанская жизнь
Рязанские епархиальные ведомости
Пермские епархиальные ведомости
Пензенские епархиальные ведомости
Орловские епархиальные ведомости
Орловский вестник
Орловская мысль
Новое время. Пг.
Известия по Екатеринбургской епархии
Известия по Енисейской епархии
Известия по Петроградской епархии
Известия Владимирского губернского временного исполнительного комитета
Киевлянин
Киевские епархиальные ведомости
Кишиневские епархиальные ведомости
Курские епархиальные ведомости
К свету. Тверь
Таврический церковно-общественный вестник
Тамбовские епархиальные ведомости
Тверские епархиальные ведомости
Тверской листок
Тверская мысль
Тобольские епархиальные ведомости
Томские епархиальные ведомости
Тульские епархиальные ведомости
Церковность. М.
Церковные ведомости. Пг.
Церковно-общественный журнал. Орел
Черниговский вестник
Уфимские епархиальные ведомости
Утро России. М.

Опубликованные источники

Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917-1943. М., 1994
Академик *С.Ф. Платонов*: переписка с историками. М., 2003. Т. 1
Вениамин (Федченко). На рубеже двух эпох. М., 1994
Из архива *С.Ю. Витте*: Воспоминания СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2
Волков С. Возле монастырских стен. М., 2000
Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999

Голубцов Георгий, протоиерей. Поездка на всероссийский церковный собор // Российская церковь в годы революции (1917-1918 гг.). М., 1995
Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997
Глубоковский И.И. Воспоминания // Церковно-исторический вестник. 1998. № 2-3.
«Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М., 1991.
Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. 1917-1918 гг. М., 1994. Т. 1-5
Духовный регламент // Законодательство Петра I. М., 1997
Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994
Из архива *С.Ю. Витте*: Воспоминания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2
Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания. М., 1995
Жевахов И.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. М., 1993. Т. 1, 2
Зеньковский В., протопресвитер. Пять месяцев у власти. Воспоминания. М., 1995
К церковному Собору. СПб., 1906
Карташев А.В. Временное правительство и русская церковь // Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX в. М., 1995
Карташев А.В. Революция и Собор // Богословская мысль. Париж, 1942
Кассиан (Безобразов), епископ. А. В. Карташев // Карташев А. В. Церковь. История. Россия. М., 1996
Киприан (Керн), архимандрит. Воспоминания: О митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чурове). М., 2002
Ильин И.А. Порядок или беспорядок? // Ильин И.А. Соч. соч. М., 1999. Т. 9-10
Историческая переписка о судьбах Православной Церкви. СПб., 1912
Из писем *К.П. Победоносцева* к Николаю II (1898-1905) // Религии мира. М., 1983
Розанов И.П. Второе сословие: Мои воспоминания о жизни московского духовенства в последнее пятидесятилетие перед революцией // Российский Православный университет ап. Иоанна Богослова. Ученые записки М., 2000. № 6
Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви /сост. М.А. Бабкин. М., 2006
Русская православная церковь и Февральская революция /пуб. М.А. Бабкина // Вопросы истории. 2004. № 2-5.
Любимов П., протопресвитер. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода // Российская церковь в годы революции (1917-1918). М., 1995
«Нам придется из политиков и благотворителей перестроиться в ученых и книготорговцев-издателей». Письма академика А.И. Соболевского академику И.С.Пальмову. 1914-1920 гг. // Наука и власть. Нестор. № 4. СПб., 2004
«Насколько дешево стала цениться жизнь»: дневник священника И. И. Постникова (1917-1919 гг.) // Источник. 1996. № 3, 4, 5
Правые партии. Документы и материалы. М., 1998. В 2-х т.
Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Части 1-3. СПб., 1906
Политбюро и церковь. 1922-1925. Новосибирск; М., 1997-1998. Т. 1-2
Письма патриарха Алексия своему духовнику. М., 2000
Письмо архиепископа Никона архиепископу Арсению // Церковно-исторический вестник. М., 2000. № 2-3
Священный Собор Православной Российской Церкви. 1917-1918 гг. Обзор деяний. М., 2000-2002. Т. 1-3
Следственное дело патриарха Тихона. М., 2000
Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. М., 1994. Вып. 1-4
Сосуд избранный: история российских духовных школ: в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также секретных документах руководителей советского государства. СПб., 1996
Титлинов Б. Церковь во время революции. Пг., 1924

Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс. Православное сельское духовенство России во второй половине XIX - начале XX века М., 2002

Митрофанов Г., протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1900-1927. СПб., 2002

Мосс В. Православная Церковь на перепутье (1917-1999). СПб., 2001

Никон (Рклицкий), архиепископ. Антоний (Храповицкий) и его время. П. Новгород. 2004. Кн. 2

Николаев А.П. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань. 2002

Никулин М.В. Православная Церковь в общественной жизни России (конец 1850-х - конец 1870-х гг.) М., 2006

Ореханов Г., иерей. На пути к Собору: Церковные реформы и первая русская революция М., 2002

Остова Е.С. Церковь и Временное правительство// Вопросы истории. 1964. № 6

Осипова Е.С. Октябрьская революция и православная церковь// Вопросы научного атеизма. М., 1980. Вып. 25

Павлов А. С. Курс церковного права. СПб., 2002

Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993

Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX в. М., 1995

Поспеловский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996

Поспеловский Д.В. Размышляя над книгой // Церковно-исторический вестник. № 6-7

Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. М., 1996

Рейс Дж.Д. Политические судьбы Российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995

Римский СВ. Российская Церковь в эпоху великих реформ. М., 1999

Розов А.И. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003

Рогозный П.Г. «Вотчина» епископа Никона (Енисейская епархия в 1913-1917 гг.) // История повседневности. Источник. Историк. История. СПб., 2003. Вып. 3

Рогозный П.Г. «Церковная революция» и выборы архиереев// Исторические записки. М., 2004. Т. 17(144)

Рогозный П.Г. «Церковная революция» в Орловской епархии: К изучению социально-политической борьбы внутри Российской Православной Церкви после Февральской революции. // Новая политическая история. Источник. Историк. История. СПб., 2004. Вып. 4

Рогозный П.Г. Церковная революция в Тверской епархии // Провинциальное духовенство дореволюционной России. Тверь, 2005

Рогозный П.Г. Церковная «смута» и выборы в Рязанской епархии // Рязанская старина. Рязань, 2006

Рогозный П.Г. Епископат Российской Церкви на Украине в 1917 году// Украинский вопрос в революционных событиях 1917 года. СПб., 2006

Рогозный П.Г. «Церковный большевизм». К изучению языка борьбы за власть в Российской Православной Церкви// Социально-политическая история России первой четверти XX века СПб., 2006

Рогозный П.Г. «Пред нашими взорами совершился суд над историей». (Проповедь профессора А.Л. Дмитриевского 5 марта 1917 года) // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2008. Т. XXX

Рогозный П.Г. Несколько новых штрихов к биографии патриарха Сергия (Страгородского) // Политика. Общество. Человек. К 85-летию доктора исторических наук, профессора А.З. Ваксера. СПб., 2008

Сеин А. С. Гучков. М., 1996

Снигирева Э.А. От Февраля к Октябрю (церковь и политика) // Атеизм, религия, современность. Л., 1973

Снигирева Э.А. Политическая переориентация русского православия в первое десятилетие советской власти (1917-1927 гг.) Автореферат дисс. канд. ист. наук. Д., 1974

Соколов А.В. Временное правительство и Русская православная церковь (1917 год). Автореферат дисс. канд. ист. наук. СПб., 2002

Смирнов Н.Н. На переломе: Российское учительство накануне и в дни революции 1917 года. СПб., 1994

Смолин И.К. Русская Церковь во время революции: с марта по октябрь 1917 г. и Поместный Собор 1917-1918 гг. (К истории взаимоотношений между государством и церковью в России) // Смолич И. К. История Русской Церкви 1700-1917. Ч. 2. М., 1997

Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда. Л., 1973

Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период 1700-1917. М., 2003

Фирсов С.Л. Православная церковь и государство в последние десятилетия существования самодержавия в России. СПб., 1996

Фирсов С.Л. Записка 32-х священников как источник по истории Православной Российской Церкви // Русское прошлое. СПб., 1996. № 7

Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен. М., 2002

Фирсов С.Л. Церковь в империи. Очерки из церковной истории эпохи Николая II. СПб., 2008

Фирсов С.Л. Революция 1917 года и попытки «демократизации» Русской Церкви // Церковно-исторический вестник. М., 2000. № 6-7

Фриз Г. Церковь, религия и политическая культура па закате старого режима // Реформы или революция? Россия. 1861-1917. М., 1992

Фриз Г. Открывая заново православное прошлое: микроисторический подход к религиозной практике в России периода империи // Смена парадигм: современная русистика. Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. СПб., 2007. № 11

Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991

Фруменкова Т.Г. Высшее православное духовенство в России// Из глубины времен. 1995. № 5

Фруменкова Т.Г. Деятельность В.Н. Львова на посту обер-прокурора Св. Синода // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века. СПб., 1996

Фруменкова Т.Г. К биографии В.Н. Львова // Из глубины времен. 1997. № 9

Фруменкова Т.Г. Письма на имя обер-прокурора Синода (по материалам РГИА за 1917 г.) // Исследование источников по истории революции 1917 г. СПб., 1996

Фруменкова Т.Г. Синод в 1917 году. Персональный состав. 90 лет Февральской революции в России. СПб. 2007

Цыпин В., протоиерей. История русской церкви 1917-1997. М., 1997

Церковь в истории России. (IX в. - 1917 г.) Критические очерки. М., 1967

Черменский Е.Д. 4 Государственная Дума и свержение царизма в России. М., 1976

Шкаровский М.В. «Религиозная революция» 1917 г. и ее результат// 1917-й. Метаморфозы революционной идеи и политическая практика их воплощения. Новгород, 1998

Шкаровский М.В. Обновленческое движение в русской православной церкви в XX веке. СПб., 1999

Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917-1945. СПб., 1995

Шкаровский М.В. Русская Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999

Хоскиш Дж. Россия: Империя и народ. Смоленск, 2000

Dmitriev E. M. Riazan Diocese in 1917// Russian Studies in History, Vol. 38. No. 2, Fall 1999

Freeze L.G. The Parish Clergy in Nineteenth - Century Russia. Crisis. Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983

Freeze L.G. Handmaiden of the State? The Church in Imperial Russia Reconsidered // Journal of Ecclesiastical History. January, 1985

Edward E. Rodslof. Renovationsm, Russian Orthodoxy and Revolution. 1905-1945. Indiana University Press, 2003

Церковная революция 1917 года

(Высшее духовенство Российской Церкви
в борьбе за власть в епархиях
после Февральской революции)

Рогозный Павел Геннадьевич

Художественное оформление: Н.Ф. Барклай
Подготовка обложки к печати: Н.С. Бандурина
Корректор: Р.Н. Ишбулатова-Елизаветинская
Компьютерная верстка: М.Л. Осина

Подписано в печать 17.11.2008. Формат 60 x 90 1/16.
Печать офсетная. Объем 14 п. л.
Тираж 700 экз. Заказ № 481

Информационно-издательская фирма «Лики России»
190000, Санкт-Петербург, пер. Пирогова, д. 17/8
Тел./факс (812) 312-11-21, (812) 320-87-88

Отпечатано в ОАО «Петроцентр»
Обособленное подразделение
«Пушкинская типография»
196601, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Средняя ул., 3/8

Рогозный Павел Геннадьевич.
Закончил Санкт-Петербургский
государственный университет (2001)
и Европейский университет
в Санкт-Петербурге (2004)
Кандидат исторических наук.
С 2004 года научный сотрудник
Санкт-Петербургского института
истории Российской Академии Наук.
Сфера научных интересов:
история Русской Православной
Церкви XVIII-XXвв. И история
Российской революции 1917 года.

ISBN 978-5-87417-296-1

9 785874 172961